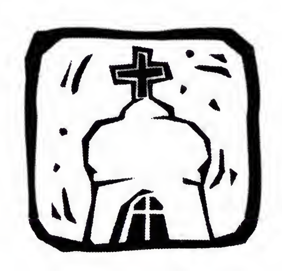

Протоиерей Андрей Ткачев
МЫ ВЕЧНЫ!
даже если этого не хотим
книга 1

Протоиерей Андрей Ткачев

Мы вечны!

ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТОГО НЕ ХОТИМ

2014

ББК 86.372-43
Т 48

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви.
ИС 14-402-0132

Ткачев Андрей, протоиерей.
Т 48 **МЫ ВЕЧНЫ! Даже если этого не хотим.** — Симферополь: Родное слово; 2014. — 304 с.
ISBN 978-966-96877-1-5

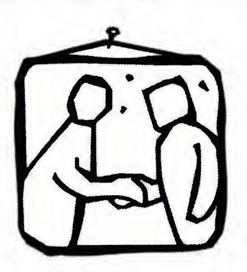
Клирик киевского храма в честь преподобного Агапита Печерского протоиерей Андрей Ткачев — ведущий православных телепередач и постоянный автор популярного в Украине журнала для молодежи «Отрок.ua».

Книгу составили статьи и интервью, напечатанные в журнале в разные годы. Их отличает живость изложения, близость к современным проблемам молодежи, попытка найти простые принципы для построения настоящей хри стианской жизни, отсутствие стремления дать готовые ответы на сложные и неоднозначные вопросы.

Книга адресована всем, кому *до 16 и старше*, и будет интересна как воцерковленному читателю, так и тому, кто ищет свою дорогу в Церковь.

ISBN 978-966-96877-1-5

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ...

В далекие дни минувшей эпохи, когда мы в красных галстуках сидели за свежевыкрашенными партами, учителя рассказывали нам о том, как нам всем повезло, о той чудной эпохе, в которую мы появились на свет. Рассказывали о главных принципах построения нового общества, о тех китах, на которых посреди мирового океана будет плавать рукотворный Город Счастья. Там будут трудиться по способностям и получать по потребностям. И друг для друга люди будут там друзьями, товарищами и братьями. Эту последнюю фразу иногда произносили по-латыни, а в противовес ей произносили другую, согласно которой живут в другом — враждебном мире. В том мире, где все продается и покупается, говорили нам, человек человеку не друг и не товарищ, а волк. Homo homini lupus est. Мы слушали, не подозревая о том, что доживем до тех времен, когда и у нас все будет продаваться и покупаться. Только вот с волками незадача. При общей расслабленности (Гумилев сказал бы: «утрате пассионарности») волком быть получается далеко не у каждого. У чеченцев получается, у кого-то еще, на них похожих, а у европейцев — нет. У восточных европейцев все больше получается быть на вола похожим, а у западных — на домашнюю болонку. Но — не об этом.

Человек человеку и не волк, и не брат. В современной цивилизации человек человеку — бревно. Эту фразу в начале XX века произнес, кажется, Ремизов в одном из своих рассказов. Люди ходят друг мимо друга, в транспорте так вообще прижимаются друг к дружке до неприличия, дышат одним воздухом, говорят на одном языке, но при этом так друг к другу безразличны, что становится страшно. Цивилизация отгородилась от маленького человека специальными «человеколюбивыми» инстанциями. Больным — больницы, одиноким — дом престарелых, мертвым — морг и крематорий. И с человека, кажется, снялась всякая забота о ближнем, для всего есть специальные институты и люди, работающие в них за деньги. Все строится с таким расчетом, что даже если захочешь проявить человеколюбие — не позволят. Захочешь, например, в Штатах или в Германии родного усопшего до третьего дня дома подержать, Псалтирь почитать, ночью рядом посидеть — такую против себя бурю вызовешь, только держись. Соседи жаловаться начнут, все кругом испугаются заразы, антисанитарии. Специальные люди в резиновых перчатках и респираторах приедут и заберут тело твоего деда или отца куда-то в стерильные холодные коридоры. И не смеешь не подчиниться. Псалтирь почитаешь сам. К этому мы движемся.

В житии Симеона юродивого описывается, как он часто дурачился с блудницами и даже ходил с ними в баню. На вопросы, как он подавляет движение похоти, блаженный отвечал, что чувствует себя там, как дерево среди деревьев.

Но современный человек, конечно, не в этом смысле дерево или бревно для ближних. С похотью у современного человека все в порядке. «Блудить будете, но не размножитесь», — это, кажется, про нас пророки сказали. Человек зацикливается на себе и просто перестает думать о ком-то, кроме своей персоны. Подумайте, интересно ли вам, чем живут ваши соседи, сослуживцы, дальние родственники? Если честно, то вряд ли вам это интересно. У нас даже слоган такой есть: «Это твои проблемы». У тебя проблемы, у него проблемы и у меня проблемы. Я боюсь делиться своими проблемами и с тобой, и с ним, и с нею. Боюсь не то что показаться слабым, открыть наготу, как говорит Библия. Боюсь просто выговориться в пустоту, увидеть в глазах (твоих, его, ее) вежливое безразличие. Боюсь услышать в звенящей тишине в перерыве между фразами все тот же «символ веры» — «это твои проблемы». Он не слетит с уст, он просто будет невысказанно висеть в воздухе.

Есть история об одном богатом человеке, который, подобно Соломону или принцу Гаутаме, пресытившись благами мира, хотел высшей правды, хотел найти смысл существования. Он обратился с вопросом к своему старенькому воспитателю, и тот предложил пойти в пустыню к монахам. Те, мол, ближе к Богу и знают больше. Они пошли и сбились с пути. Изнуренные жарой и путешествиями, они обнаружили, что вода на исходе. Старик уже совсем изнемог от жажды и попросил своего воспитанника оставить его в пустыне, а оставшуюся воду взять себе. Молодой человек вспомнил всю ту заботу

и любовь, которую видел от своего воспитателя, и влил ему в уста всю воду, не дал старику умереть от жажды. И в это время он впервые за многие годы почувствовал радость, без которой так долго томился. Он понял, что жить — это значит отдавать, жертвовать, проще сказать, любить. Он взял старика на руки и пошел обратно. «Куда мы?» — спросил наставник. «Назад, домой, — ответил юноша. — Я понял смысл жизни».

Я иду по улице и смотрю на проходящих и проезжающих в транспорте мимо людей. Кто они для меня? Друзья? Товарищи? Братья? Бревна? Волки? Преподобный Иустин (Попович) говорит, что всякий человек будет жить вечно, и значит, всякий человек — твой вечный брат. Я верю ему и чувствую правду этих слов. Но чувствую также, что нужно многое сделать, чтобы мысль эта поселилась навсегда в моем сердце. И в первую очередь нужно, чтобы перед моим мысленным взором всегда был Воскресший из мертвых, Первородный между братьями.

Без Него мы — скоты и звери, с Ним мы — семья.

ДУХОВНОЕ И ДУШЕВНОЕ

В одной из проповедей святителя Иоанна Златоустого мне случилось прочесть следующие слова о Страшном Суде: человек будет судим, во-первых, как человек — был ли он милосердным, внимательным, чутким, трудолюбивым...

Иными словами, было ли в нем то, что должно быть в человеке по естеству, то, что отличает человека от животного. Затем человек будет судим как христианин — по заповедям Евангелия. Об этом говорит Христос в Евангелии в следующих словах: *Слово, которое Я сказал вам, оно будет вас судить.* Здесь речь идет о прощении врагов, о милосердии, незлобии, целомудрии и всем том, чего не было бы в мире, если б не было Евангелия. И наконец, человек будет судим как сын Церкви в том звании, которое он в Церкви носит, — епископ как епископ, священник как священник, монах как монах, мирянин как мирянин. Если человек был в Церкви епископом, но не выдержал экзамена общечеловеческого, то до епископского суда ему не дойти — он будет отринут раньше.

Это касается всех. Прежде чем мы будем судимы как христиане, мы будем судимы просто как люди. В известном месте Евангелия, где говорится о Страшном Суде, Христос перечисляет ряд добрых дел, которыми отличаются праведники, а именно: накормить голодного, одеть раздетого, посетить больного и т.п. Всякому должно быть понятно, что это не собственно христианские добродетели — такие, как молиться за врагов или раздаяние имущества, а добродетели собственно общечеловеческие, поскольку и мусульманам, и иудеям, и атеистам понятно, что нужно участвовать в скорбях ближних любовью и состраданием. Возможно, Христос в словах о Страшном Суде намеренно минимизирует требования к человеку. Если ты не был верным в малом, то, конечно же, и в большем ты

верен не был. Вот на этом меньшем уровне мне бы хотелось остановиться.

Святоотеческая мысль четко и правильно различает в человеке сферы телесного, душевного и духовного. К душевному относится литература, музыка, поэзия, то есть сфера изящного во всех ее проявлениях. Ну а духовное — это вера, покаяние, молитва, пост и прочие христианские подвиги. Христианские учителя отмечают, что душевное делает человека эстетически чутким, утончает его и разрыхляет его душу, но само по себе не спасает.

В этом смысле справедливо упрекать деятелей культуры в натяжке, когда они свою работу называют «духовной». Поэт, художник, режиссер, сценарист — это люди не духовного труда. Это люди труда душевного. Но обратной стороной медали является также то, что невозможно дать человеку духовное, не дав прежде душевное. Об этом пишет апостол Павел, говоря, что «вначале душевное, а потом — духовное».

Из уст одного церковного человека мне пришлось слышать горькие слова о том, что культура расцерковлена, а Церковь — обескультурена. Праведный гнев вызывает существование поэтов и писателей, никогда не читавших Евангелие, а также существование христиан, презирающих всякую поэзию и литературу. И то и другое — нонсенс, т.е. явление, не имеющее смысла, явление уродливое.

Языком Нового Завета является язык греческий. Это не случайно. До тех пор, как на землю греческой ментальности были посеяны семена Евангелия, эта земля была вспахана и разрых-

лена трудами сотен философов и рожденных от них философских школ. Греки искренне и горячо искали истину. В поисках ее создавали философские системы, вносили вклад в обустройство гражданского общества, занимались наукой, изучали себя. Когда на эту плодородную почву упало семя Сеятеля, эта почва произвела вселенских великих учителей, святителей, преизящнейших богословов. Такого расцвета богословия, который был на греческой почве, мы больше не видим нигде. И это — яркое доказательство того, какую пользу во Христе приносят дохристианские труды и усилия. Мы же, поздние роды, пришедшие ко Христу спустя тысячелетие после первой проповеди Евангелия, не имеем подобного искуса в области философии, поэзии, государственного строительства... Мы, как обладающие истиной, склонны пренебрегать тем колоссальным наследием дохристианского и нехристианского человечества, которое ведет ко Христу или помогает глубже осознать Христово Евангелие. Нам нужно как бы постфактум, уже будучи христианами, почувствовать томление души человеческой, нуждающейся в Боге, и ее стремление в поиске истины. Нам нужно также чувствовать и состояние тех наших современников, которые и сейчас живут вне Христа, ищут Его, пусть даже неосознанно. Весь этот комплекс ощущений дан нам в мировой литературе и искусстве, мимо которых мы не имеем права пренебрежительно проходить.

В православной среде нередко можно услышать голоса, строго выговаривающие нравоу-

чения наподобие: «Серафим Саровский Шекспира не читал, Сергий Радонежский Платона не цитировал». Такие люди неосознанно поднимают планку требований к маленькому человеку на уровень жизни величайших святых. Мы должны четко понять, что образ жизни великих подвижников — это не норма для миллионов, а лишь повод удивиться, прославить Христа и покаяться.

В повседневной жизни небезопасно руководствоваться только аскетическим идеалом святых отцов. На истинное подражание их подвигам способны очень немногие. Если же множество слабых и немощных тянутся в жизни к достижению непомерно великих идеалов, то мы рискуем получить в результате тысячи поломанных жизней и крушение этих самых великих идеалов.

Православная вера монахолюбива. Лучшие наши учителя — это аскеты. Девственники, подвижники. Но в этом нашем достоинстве скрывается причина наших недостатков. Неразборчиво предлагая всем подряд высокие аскетические идеалы, мы рискуем травмировать души большинства тех, кто нас слушает. Мне кажется, не стоит запрещать современному человеку ходить в бассейн, быть внимательным к своей внешности, слушать нецерковную музыку на основании лишь того, что этого не делали святые. Мы не имеем права пренебрегать душевным и сразу говорить человеку только о духовном.

Человек — существо динамическое. Он может быть равноангельным, может быть подоб-

ным Христу, а может деградировать до состояния скота или зверя, а то и демона. Между этими полюсами каждый человек на протяжении жизни совершает свободные перемещения. Коллизией, которая стоит перед лицом Церкви, является то, что, призванная к проповеди равноангельной чистоты, христоподражательного смирения, детского незлобия, Церковь сегодня говорит к людям, которые все более и более неспособны ее слушать, поскольку теряют не только Божье в себе, но даже человеческое. Семья и школа уже давно почти ничему не учат. Возможно, кроме Церкви больше никто не объяснит человеку, что нужно здороваться первым, уступать старшим место, не бросать фантик мимо урны... Эти вещи мы должны объяснять до того, как начнем разговор о евангельских блаженствах. Мы не имеем права говорить с людьми о вещах высоких, не научив их перед тем вещам малым и элементарным. Современного молодого человека, наугад выхваченного из дискотеки, привыкшего «торчать» и «отрываться», нужно вначале научить говорить на языке, понятном и близком к литературному, прежде чем говорить ему что-либо о Царствии Небесном. В этом противоречии я вижу одну из больных проблем церковной жизни. Призванная вести людей на Небо, Церковь сегодня вынуждена вначале делать людей людьми, не давать им демонизироваться или становиться скотоподобными.

Сказанное касается в основном молодежи. Та старушка, которая возделывает десятилетиями огород и каждое воскресенье спешит в церковь,

не нуждается для спасения в приобщении к мировой культуре. А вот молодежь, в том числе сельская, нуждается. Во-первых, мир неотвратимо урбанизируется. Современная мировая культура — это культура больших городов. Даже живущий в селе благодаря телевизору, радио, дискотеке вовлечен в круг современных околокультурных течений. Вот такому человеку неизбежно необходимо противоядие против пошлости современной поп-культуры, и, как альтернатива, ступенька вверх — культура более высокой пробы, раньше или позже могущая привести человека к мысли о Христе.

В отношении к общечеловеческим культурным ценностям для христианина должна существовать некая иерархическая лестница. Например, человек, любящий Литургию, имеющий круг общения среди людей воцерковленных и грамотных, может не нуждаться в посещении театра (хотя и не обязан им гнушаться). А вот человеку, погрязшему в земных заботах, давно не читавшему никаких книг, ни о чем, кроме житейских дел, не думающему, может быть полезно пойти на хороший спектакль и, вылезши из скорлупы личных проблем, приобщиться к общечеловеческой боли и радости. Молодой человек, не знающий о жизни Церкви в силу присущей возрасту горячности, нон-конформизма, может увлекаться рок-музыкой, движением хиппи и т.п. Мы не должны строго судить его за это. Хуже, если человек, уже воцерковившись, обращается вспять и увлекается тем, что свойственно людям ищущим, а не нашедшим. Такой «неблагонадежен для Царствия Небесного».

ВЕРА И РАЗУМ

Противопоставление веры и знания — это типичная западная ошибка. Западная логика, как убийственный скальпель, расчленяет живое в поисках жизни и, конечно, не найдя жизни, убивает живое. Противопоставление индивидуализма и социализма, веры и знания, разума и чувства, свободы и необходимости — это очень старые песни, которые впервые пропелись за стенами католических монастырей, потом перекочевали в университетские аудитории, а потом пришли к нам. Восточное литургическое мировоззрение цельно. У нас нет ни любви, ни желания дробить, расчленять, проверять алгеброй гармонию. Только под насильственным влиянием западных идей мы мучаемся от ложно поставленных вопросов.

А.Ф. Лосев так говорит о единстве веры и знания: «Если вы верите во что-то или кого-то, то этот кто-то или что-то имеет для вас характерные черты, делающие его узнаваемым. Если таких черт нет, то и веры нет. Вы знаете объект своей веры и благодаря знанию выделяете его из мира остальных явлений и предметов. Знание оказывается необходимым для веры и логически с нею связанным».

Апостол Павел сказал, что «знание надмевает». И принято думать, что чем больше ты знаешь, тем проще впасть в гордыню. Однако знание надмевает не всех. Один ученый говорил так: «Я знаю много и поэтому верю, как бретонский рыбак. Если бы я знал больше, я бы верил, как бретонская женщина» (бретонцы — жите-

ли севера Франции — отличались особой набожностью, доходившей до фанатичности).

Смысл фразы прост: большое знание рождает большую веру, а еще большее знание — еще большую веру. Правда, те же католики, о которых уже говорилось, считали, что по-настоящему просто и ясно верить может только неискушенный в науках человек. Было даже такое словосочетание: вера угольщика, т.е. свободная от сомнений вера труженика, противоположная вере умников, всю жизнь проведших над книгами и полных не столько благодатью, сколько сомнениями.

Вот именно эта раздвоенность западного сознания в отношении веры и знания унаследована нами. Нам тоже кажется, что на мудреца довольно простоты, и мы боимся знания и науки, предполагая в них угрозу для наивного и детского восприятия веры.

Я думаю, что из занимавшихся наукой засомневались в Боге, отпали от Него и повредились те, кто и без науки засомневался бы, отпал и повредился, но по другим причинам. Знание повышает планку требований к человеку, и может показаться, что лучше поменьше знать, чтобы меньше искушаться, но все христиане призваны к непрестанному совершенствованию, и, убегая от одних соблазнов, мы все равно встретим другие. Поэтому бесполезно и неплодотворно насильно удерживать себя в возрасте коротких штанишек и довольствоваться детской верой. По словам Достоевского, его «осанна» прошла через горнило жутких сомнений. Думается, что торжествующая вера святых и хвалебная песнь

избранных в Небесном Иерусалиме — это и есть песнь тех, кто прошел через *великую скорбь* и большие сомнения.

Истинное просвещение — это плод действия Святого Духа. И это вселение Христа в человека, а поскольку *Христос есть Свет и нет в Нем никакой тьмы*, то христоносец просвещен воистину. Как достигнет человек цели своего существования, со знаниями или без, — вопрос второстепенный. Но нельзя свою нелюбовь к учебе, свою косность и невежество возводить в принцип церковной жизни и хвалиться этими качествами.

Безусловно, люди все разные, и способность к учебе, к ремеслам, практической деятельности у всех самобытны. Есть много людей, которым на всю жизнь хватит одного Евангелия для души и одного ремесла для соискания насущного хлеба. Но есть и те, кто призван к большему, и им грешно закапывать талант в землю. Грешно было бы Ломоносову остаться в архангельской деревне и всю жизнь тянуть рыбацкие сети. Не потому, что сети плохи или унижены в глазах Божиих, а потому что он мог больше, а значит, и должен больше. Так же и святитель Василий Великий, знавший в Афинах только два занятия — учебу и молитву, — весьма обеднил бы всю Церковь, если бы не был усердным именно в учебе. Кстати, о святителе Василии. Его обширная эрудиция вмещала в себя все области тогдашней науки: медицину, географию, философию, естествознание... И страшно, и радостно думать о том, какими мощными идеями было бы оплодотворено право-

славное богословие, если бы святитель Василий жил сегодня и был знаком с открытиями современной науки. И ведь совершенно очевидно, что мир ежедневно нуждается в хлебопашцах и ремесленниках, но так же очевидно, что в каждую эпоху миру нужен свой Василий Великий. А выявить их можно лишь охватывая процессом преподавания знаний широкие массы людей.

Я хочу похвалить то, чего не имею, а именно знание точных наук, например, математики. Эта, по словам блаженного Августина, Паскаля и многих других, самая абстрактная из человеческих наук оперирует в области не фантазии, а мысленных реальностей и чрезвычайно дисциплинирует ум. Именно из среды математиков нередко выходят хорошие организаторы, практики, волевые люди, умеющие не просто думать, но и додумывать до конца. Тогда как гуманитарии нередко отличаются конъюнктурным мышлением и завтра говорят «нет» о том, о чем сегодня говорили «да». Поэтому под образованием понимаю не только гуманитарные науки.

Если у историка или литературного критика нет внутреннего стержня и страха Божия, то он от дифирамбов Ленину переходит к критике последнего и, к примеру, о Мазепе сегодня говорит как о герое, хотя вчера говорил как о предателе. Примеров этому много, тогда как стиль мышления математического обязывает договаривать до конца и делать неумолимые выводы из правильно поставленных вопросов. Математика честна, честнее истории как науки.

Кстати, святитель Игнатий (Брянчанинов) сказал много похвального о точных науках и

выражал сердечное желание того, чтобы появились люди, сочетающие научную образованность с глубокой и истинной религиозностью. Он же приводил пример того, как образы математического мышления совпадают с образом мышления религиозного. Каково расстояние между единицей и бесконечностью? Бесконечность. А между миллиардом и бесконечностью? Бесконечность. Бесконечность лежит между самым большим числом и ею. Это значит, что и человек, и Ангел, и любое другое тварное существо бесконечно отстоят от Бога по природе. Знать бы хорошо побольше наук, чтобы их неопровержимым языком уметь объяснять вечные истины Евангелия!

Конъюнктурный образ мышления можно видеть и ныне. Известно, что наиболее рейтинговые профессии — это юристы и экономисты. Вот первые из них, например, адвокаты — это люди с типичным конъюнктурным мышлением. Они за деньги защищают любого человека, покупающего их услуги, и при ином раскладе могут оказаться с легкостью в лагере обвинителей этого же человека. Или другого, судимого по той же статье. Защита и обвинение здесь строятся не на борьбе за истину, а на денежном или политическом интересе, на уверенности, что все в жизни относительно, и если повезет, то можно черное назвать белым, и наоборот.

У одного умного человека я прочел следующую фразу: мы заменили мудрость на знания, а затем знания — на сведения. Эта фраза ставит диагноз нашему обществу в отношении проблем, связанных с учебой, получением об-

разования. Человеку нельзя давать просто сумму знаний, некий объем информации. Человека нужно учить думать, сопереживать, искать. Нужно пробуждать в нем творческие подходы к жизни, чем бы он ни занимался. Конечно, христианству есть что сказать на эту тему, ведь такие понятия, как образование, воспитание и просвещение, имеют христианские корни. Образование связано с образом Божиим в человеке, с его выявлением и просветлением. Без этого образование не может быть истинным. Воспитание имеет смысл напитать, т.е. накормить человека, а Истинным Хлебом является Христос. Только вкушающий эту Пищу не умрет вовеки. О просвещении мы говорили выше, оно связано с Тем, Кто сказал о Себе: *Я свет миру*.

Поскольку нынешние образовательные процессы еще пока почти не связаны с правильным церковным мышлением, то и образование неизбежно скатывается до уровня овладения ремеслом, как можно более денежным, по возможности с наименьшими затратами сил и времени.

Подумаем, например, об отношениях между учеником и учителем. Все драгоценное в мировой культуре, все высшее, чего достигло человечество, выросло на таком подходе к образованию, при котором оно является не трансляцией информации, а передачей живого опыта, трансляцией личности учителя — ученикам. Вопрос Андрея Христу: «Учителю, где живешь?» находится в родстве с древнейшим и единственно правильным подходом к ученичеству. В из-

вестной клятве Гиппократа врач обязывался при необходимости кормить и содержать учителя в старости, оказывать помощь его детям. Ученик мог долгие месяцы и даже годы жить в семье учителя как служка и не приступать к освоению искусства или науки. Сначала он должен был просто есть с учителем из одной посуды и спать под одной крышей. Наша система «пришел — отчитал — поставил оценки» рассчитана на автоматы с газированной водой, а не на живых людей и будущих специалистов.

Кто-то из наших мудрых современников сказал, что XXI век будет веком гуманности — или его не будет вообще. Гуманность имеется в виду не как философское учение, которое возникло на сломе Средневековья и Ренессанса, учение человекобожническое и антицерковное, а гуманность в смысле человечности. Ведь человек — это непрестанно трудящееся и развивающееся существо, стремящееся к идеалу. А идеалом является воплощенная Истина — Богочеловек Иисус Христос. Так что сегодняшний день и дни грядущие нуждаются в таком образовании, в такой науке и в таком искусстве, в каких человек не представал бы ни в образе механизма, ни в образе цифрового кода, ни в образе распавшегося на элементы непонятного существа. Все это мы видим вокруг на бесконечных перфомансах, в научных попытках скопировать человека человеческими же руками и проч. Именно Евангелие, прежде чем довести человека до Неба, позволяет ему остаться самим собой, а не разбиться вдребезги под напором новейших античеловеческих учений и идей.

Надеюсь, мы услышим о новых именах философов, психологов, писателей, которые защитят человека от самоубийственных плодов современной цивилизации. Поэтому нужно изучать весь спектр наук о человеке. Это важнее, чем изучать науки об атомах, магнитных полях, информационных технологиях...

Если вы думаете, что главное в жизни общества — экономика, то снимите икону Христа в своем доме и повесьте портрет Маркса. Это будет, по крайней мере, логично и честно. Если вы думаете, что для душевного здоровья вам нужен личный психоаналитик, не ходите больше в Церковь и не читайте Евангелие. Молитесь Фрейду — это будет безумно, но честно. Если вас обидели вышесказанные слова, то откройте глаза и посмотрите вокруг. Именно иконы Фрейда и Маркса несет на своих хоругвях так называемое цивилизованное человечество, марширую эдаким «крестным ходом» к «светлой цели» и оставляя за собой испоганенную землю и погибшие навечно души.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Я всегда думал, что самое интересное в мире — это человек. Дело вовсе не в греческой философии (которую я не знаю). И не в Священном Писании (поздновато я взял его в руки). Дело в другом.

Тебя вначале не было (почти по Арию — «было, когда не было». Это он сказал о Христе,

но Христа это не касается. Это касается нас). Итак, тебя не было. Но Вечный думал о тебе. Была Его о тебе мысль.

А потом была капля влажного семени. И не думайте, что я пошляк. Многие так «зацеломудрились», что слово «ложесна» в каноне без стыдливой краски не прочтут. Зато стоит по пальцу молотком тяпнуть или на льду поскользнуться — о-о-о, такое скажут!

Я бы не дерзал сказать про семя, если б у святых не прочел. Св. Иустин Философ так и говорит: «Родились мы от влажного семени». Было наслаждение, смешанное со сном (об этом Соломон говорит). И это было твое начало. Тебя могли не хотеть, ты мог зачаться «по залету», ты мог избежать аборта лишь потому, что предыдущий аборт был совсем недавно. А могло быть все совсем иначе. Но, как бы ни было, *«в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя»*.

Пожив внутри, у матери под сердцем, с трудом и риском ты вылез наружу. Жаль, что никто об этом ничего не помнит. Вся фантастика мира стала бы кучей сора перед этой ежедневной реальностью.

Но вот — ты здесь. Дышишь воздухом, топчешь землю и — движешься, движешься... Даже когда спишь или лежишь на пляже — ты движешься. В глубине Земли клокочет магма. На Солнце вспыхивают протуберанцы. Каждый сантиметр нашей печальной планеты пищит, копошится, чавкает, размножается...

И наше сердце стучит. И у нас постоянно растут ногти и волосы. Пока... не наступит резкая перемена.

Одни говорят — «конец». К таким не стоит прислушиваться. Я заметил, что они не глубоки. Другие говорят — «начало». Если угодно — переход. По-еврейски — «песах».

Если ты не безбожник и тебя не сожгут в тот же день, то волосы и ногти у тебя все еще будут расти. Это очень странно: человек уже два дня как мертв, а ему перед похоронами надо бриться.

Но если ты все же безбожник, или безбожники те, кто тебя похоронит, то тебя все-таки сожгут, и останется от тебя в видимом мире — пригоршня красной пыли. «*Помяну, яко перстъ есмы...*»

И вот, если вернуться назад — к капле семени, а потом метнуться вперед (мысль это позволяет) — к пригоршне пыли, то здесь рождается чувство, которое бьет меня в подбородок апперкотом.

От апперкота голова запрокидывается в небо, туда, куда до меня смотрели язычники, и хочется спросить, крикнуть... Слов нет. Они исчезают разом, и я стою... нет, предстою перед тайной. Взамен всех мыслей, где-то между горлом и грудью комком застревают два слова: «горсть» и «капля».

Между горстью и каплей поместились Платон с Аристотелем, Наполеон с Жозефиной, Ленин с Крупской и Гог с Магогом.

«Горсть» для всех стала молотом, а «капля» — наковальней.

Но это существо — человек, дитя нужды и случая (как говорил Сфинкс) — сумело все же проникнуть в тайны, забраться в небо, написать книги... Разве мы на Земле не то же, что плесень

на апельсине? Разве Земля в космосе — не пылинка? Тут вновь есть от чего изумиться. Нас, таких, — любят! И не кто-то, а Он! Тот, Который родился без семени и не стал прахом, Который избежал молота и наковальни — «горсти» и «капли», Он пришел к нам и все исправил. Эта мысль тяжелее, чем можно вынести. Но груз ее разделяется на многих. Разделенная миллионами, эта мысль уже не давит, а радует.

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД

«Человек вошел в город» — вот простейшая фраза, казалось бы, не требующая толкований. Казалось бы... Но человек Средневековья входил в город через ворота, входил в огражденное стенами пространство. Если он не успевал войти в город до определенного времени, то ворота запирались и на стены выходила стража. Сегодня же человек идет по асфальтированной дороге, проходит мимо бетонных букв, из которых складывается название города, и еще добрых полчаса идет до настоящего жилья. Он минует не стражников с алебардами, а промзону с серыми деревьями и пыльной травой. Его приход не привлекает ничьего внимания, даже если одежда на госте необычная и говор нездешний.

Город изменился. Он даже изменил смысл своего имени — ведь теперь его ничто не ограждает. Изменилась и жизнь в нем. Современный город — это беременное чрево, в котором борются два младенца. Так было с Ревеккой, внутри которой шла борьба за первородство между

Иаковом и Исаавом. Нынешний город под покровом удобств, сует и культурных приличий скрывает титаническую борьбу Христа и антихриста.

Все, что мы поспешно, исходя из готовых установок, скажем о городе, можно будет оспорить, ибо он двулик.

— Первый город построил Каин? — Да. — Значит, это безбожное явление? — Нет. — Почему? — Да потому, что грядущее Царство Божие изображено в виде города, сходящего свыше, — Иерусалима Небесного. — Разве идеальная жизнь не в согласии с природой, не в том, чтобы жить на ее лоне? — Нет. На лоне природы Каин убил брата. И только потом построил город. — Но ведь города — это клоаки. В них сосредоточены все пороки, там живут воры и ростовщики, блудницы и чародеи. Там тюрьмы и плахи. Там — толпы, жадные до дармового хлеба и зрелищ. — Да. Но ведь там и епископские кафедры, и кельи ученых, и больницы, и библиотеки. Там — средоточие всего того, чем обогатился человек, воюя с бедностью, слабостью, глупостью...

Сами города разные. Есть среди них такие, которые вышли за пределы конкретного исторического смысла и стали символами. Иерихон, Вавилон, Иерусалим, Рим, Москва... Это уже не просто географические точки. Это — символы, продолжающие жить даже после того, как на их руинах поселятся филины.

Иерусалим должен быть построен. Карфаген должен быть разрушен. Москва — третий Рим, и четвертому не быть. Пал, пал Вавилон... Киев — мать городов русских.

«Город» созвучен на латыни «миру». Город и мир рифмуются — urbi et orbi. Это потому, что город — слепок мира, космоса. Космос трехэтажен, и город тоже.

Дворцы, хижины, подвалы...

Небесные, земные, преисподние...

Власть, обыватели, бездомные нищие.

В любом городе можно совершить путешествие из рая в ад и обратно. Часть города спит днем, как блудница, а развлекается и работает ночью. Другая часть встает с петухами и ложится на закате. Часть города считает гроши и затыкает ватой дыры в оконных рамах. Другая часть способна зажечь стодолларовую банкноту, чтобы раскурить сигарету. В этом смысле Париж и Токио, Рим и Нью-Йорк одинаковы. Одинаковы в принципе и разнятся в пропорциях. Борьба пропорций — это движение города от грани к грани. Согласно блаженному Августину есть два града — небесный и земной. В первом любят Бога — до ненависти к себе, во втором любят себя до ненависти к Богу. Оба града пытаются актуализироваться, воплотиться в любом мало-мальски большом городе. Смесь и борьба этих противоположностей делают их похожими на беременное чрево, в котором борется двойня.

Нынешний сельский житель стремится в город. Для молодежи там — вузы и дискотеки, а для стариков — больницы и скверы. Нынешний городской житель убегает из города. Убегает от дорожных пробок, толчеи, загазованности и шума. При малейшей возможности горожане по-

купают дачу или строят за городом дом, чтобы дышать свежим воздухом и жарить барбекю под открытым небом. Но в свой загородный рай горожане натаскивают бытовую технику, телефоны, компьютеры, автомобиль. Туда они тянут газ, свет, канализацию. Город, как воин, сидящий внутри троянского коня, проникает в сельский быт, завоевывает новые территории. Не тараны сокрушили стены, ранее окружавшие города. Сам город вылез из пеленок, разрушил границы и расползся, как клякса, желая заполнить весь мир. Он больше не тревожит птиц колокольным звоном. Клаксоны и фабричные гудки заняли место колоколов. Облака пролетают над городами и рвутся в клочья, цепляясь не за кресты соборов, а за трубы фабрик и антенны на крышах небоскребов.

Город! Ты — ловушка с крышкой, которая еще не захлопнулась. Сегодня по твоим площадям гуляют изнеженные женщины и в чреве твоих ночных баров сидят сытые, праздные мужчины, на чьих руках давно нет ни следа от мозолей. Но стоит перекрыть газ и выключить свет, стоит перестать привозить хлеб и увозить усопших, ты, город, превратишься в гниющую рану, в язву, в отхожее место, в вакханалию каннибализма и насилия. Не спорь со мной, город. Я вижу тебя насквозь.

Рим зовет всех помолиться Богу, и его храмы и его площади тому свидетели.

Нью-Йорк зовет всех к земному счастью, и французский подарок — металлическая баба в нью-йоркской бухте — тому подтверждение.

Рио-де-Жанейро зовет всех забыться под звуки самбы. Каждый город кого-то куда-то зовет. Чем больше город, тем голос его сильней. В ньютоновской физике более тяжелые объекты притягивают к себе менее тяжелые. Как скопища мошек на яркий фонарь, нас тянет к электрическому свету больших городов. О том, что там идет борьба за души, никто не думает.

Когда мы, обманутые и опустошенные, вдруг поймем это, быть может, бежать уже не получится. Человек, привыкший к горячей воде и кабельному телевидению, уже не сможет жить в пустыне. Да и пустынь вскоре может не остаться.

Ведь город, как клякса, расползается...

НЕ ОСТАВЛЮ ВАС СИРОТАМИ

Люди, впервые зашедшие в храм, спрашивают, где продаются свечи и где их можно поставить за здравие, а где — за упокой. Люди, второй раз зашедшие в храм, спрашивают, как можно освятить машину, или квартиру, или нательный крестик. Люди, в десятый раз зашедшие в храм, спрашивают, где и как можно найти духовного отца. И если быть честным, а честным быть надо, то ответ звучит грустно: духовного отца вы нигде не найдете, если, конечно, Бог вам его не подарит. Духовных отцов мало, их на всех не хватает. Да и как может хватить на всех духовных отцов, если даже простых земных отцов на всех не хватает?

Биологические папаши всё чаще отказываются воспитывать своих детей, и хотя мы не зна-

ем ни войны, ни эпидемий, мы живем в эпоху почти тотальной безотцовщины. Спросите друг друга: где твой отец? — и от людей, выросших не в интернате и не в колонии, в семи случаях из десяти вы услышите: мой развелся с матерью, мой спился, мой умер. А восьмой из этих десяти скажет: мой не умер и не развелся, но видеть я его не хочу.

Большинство из нас — настоящие сироты, толком никому не нужные. В этом смысле Благая Весть возвещает нам нечто радостное. Настоящий Отец у нас есть, только не на земле. Записанные Иисусом Христом в одну большую семью, мы поднимаем глаза к небу и зовем Папу, Авву, сильного и доброго, могущего всегда прийти на помощь и от любой беды защитить. Мы обращаемся к Нему так, как Его единственный родной Сын научил нас к Нему обращаться: Отче наш! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя...

И все же Он на Небе, а мы на земле. Мы часто бываем так мало на Него похожи. Ведь мы — беспризорники, нас воспитала улица. Мы то бежим к Нему в дом, чтоб помыться и поесть, то опять убегаем туда, в темные подворотни, где нас ждет привычная шантрапа и где под гитару поют похабные песни. Я говорю о том, что всякий верующий человек часто в жизни ощущает себя сиротой и странником. Он утешается верой и находит силы в молитве, но все же живет в стране изгнания и горькую чашу временной жизни должен допить до конца. Именно поэтому чужое сиротство и чужая бездомность, чья-то брошенность и ненужность должны быть

хорошо понятны верующему человеку. Ведь мы жалеем больных, потому что сами болеем и молимся об усопших, потому что сами умрем. Мы должны думать о сиротах, потому что сами в известной степени ими являемся. Да и Сам Небесный Отец, живущий вовеки благословенный Бог в псалмах называется Отцом сирот и Судией (то есть защитником) вдов (Пс. 67, 6). Его Сын и наш Спаситель говорил ученикам: *Не оставлю вас сиротами, приду к вам* (Ин. 14, 18).

Ребенок, забытый родителями в детском садике, горько плачет и стоит у забора. Он выглядывает маму и всматривается в лица взрослых, идущих по улице. Всех детей уже забрали, а он в это время чувствует себя сиротой. И молодой солдатик на первых месяцах службы пишет маме нежные письма, хотя еще совсем недавно он заставлял ее нервничать, приходил поздно, дерзил и иначе как «мамашей» за глаза не называл. Он сейчас тоже сирота, и это чувство ему полезно. Значит, если нашему сердцу понятны боль и тоска, связанные со словами «сиротство» и «одиночество», мы должны думать о тех, для кого эти слова являются не приправой к еде, а главной чертой существования.

Они такие же, как мы, эти дети, вырастающие в приютах. Из-за своей неестественной жизни они могут быть грубее и жестче, чем обычные дети. Но им больше, чем обычным детям, хочется ласки и заботы. Им хочется слышать свое имя, произносимое с родительской любовью.

Мы, помню, однажды служили литургию в детском доме. Пока расставляли все необходимое, облачались, дети были на прогулке. Потом они высыпались, как горох, с улицы в комна-

ту, румяные, хохочущие, опрятно одетые (это была дошкольная группа). Увидев перед собой незнакомого дядю в необычной одежде, бородатого, блестящего, обступили священника со всех сторон. В нескольких десятках детских глаз читались удивление и любопытство. «Это Дед Мороз», — сказал один мальчик. «Да, это Дед Мороз!» — подхватили остальные. Но одна девочка думала иначе. Она взяла священника за руку и, глядя на него снизу вверх, сказала: «Это не Дед Мороз. Это папа».

Эх, привести бы туда всех отцов и матерей, сбросивших своих детей на руки доброго государства (по отношению к этим детям оно доброе), заставить бы их посмотреть в глаза этой девочки. Если души их способны на человеческие чувства, в тот же день они забрали бы своих малышей.

Чехов писал, что у каждого дома, в котором живут счастливые люди, должен стоять человек с молоточком. Он должен периодически стучать этим молоточком в дверь, и этот стук должен звучать напоминанием о том, что не все в мире счастливы и что счастливый обязан помогать несчастному. Наверное, для того здоровый здоров, и богатый богат, и умный умен, чтобы полученные от Бога дары не удерживать в себе, но распространять на тех, кто рядом.

В народе говорят: не строй церковь, пристрой сироту. Эта мысль родилась из евангельских слов: *Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает* (Мф. 18, 5). Об этом стоит думать всем — и молодым любящим друг друга семейным парам, которым Бог почему-то не дает детей, и многодетным семьям; и тем, кто

богат, и тем, кто живет со средним достатком. В конце концов, не так уж многого они от нас хотят, эти маленькие брошенные ангелы, рискующие озлобиться на весь мир и превратиться в звереньшей. Они хотят любви. Такое простое человеческое желание!

Только не бегите сразу в ближайший детский дом, прочитав эти строки. Сначала хорошо подумайте и рассчитайте свои силы и помолитесь Богу, потому что человек — не игрушка, и если он привяжется к вам, то станет родным. Родных бросать нельзя. Мы в ответе за тех, кого приручили.

УЧИТЕ КИТАЙСКИЙ!

Когда мы в школе проходили «Войну и мир», то первый десяток страниц романа в тех изданиях, которыми мы пользовались, был дан так, как в оригинале, т.е. по-французски. Там, если помните, действие происходит в салоне Анны Павловны Шерер, и русское дворянство воркует между собой на разные темы на единственно любимом тогда языке — языке Дидро, Руссо, Шенье.

Наша интеллигенция склонна до самозабвения увлекаться иностранщиной. Говорят, когда митрополит Филарет (Дроздов) заручался высочайшей поддержкой в деле перевода Библии на русский язык, император Николай охотно согласился с этой идеей, хотя сам читал Новый Завет по-французски. Вот я и думаю: раз уж образованные люди на Руси млеют пооче-

редно то от любви к заезжим французам, то к таким же немцам, американцам; раз с такой страстью впитывают в себя чужеродные идеи и мировоззренческие штампы, то, может, есть смысл в том, чтобы бросить клич: учите китайский! Сейчас объясню почему.

Человек привычно мыслит стереотипами. И «француз» в нашем сознании традиционно сопряжен с некой беззаботностью, элегантностью, хрустом круассана и аурой Монмартра. Свои ассоциации есть и для слова «русский», и для слова «американец», и для многих других понятий. Сравнительный анализ ассоциаций разных людей на эти слова показывает, что все мы представляем в связи с ними очень похожие вещи. Точно так же, когда мы слышим слово «цивилизация», у нас возникают вполне устойчивые ассоциации с современным западным обществом — рыночным, постиндустриальным, постхристианским. Вся журналистская рать, за редким исключением, хвалит цивилизованный образ жизни, подразумевая западные стандарты, и всему остальному миру оставляет такие свойства, как бедность, глупость, хамство, грязь, недоразвитость.

Между тем в мире было и есть очень много цивилизаций, каждая из которых имела свое мировоззрение, свой особый взгляд на рождение и смерть, на пищу, природу, семью, воспитание детей... Современным выродженцам из числа белого человечества, людям, ни во что не верящим и ни к чему, кроме увеличения банковского счета, не стремящимся, было бы недурно знать, что мир все еще цветист, объемен, многолик.

Нам не надо смеяться над индусами, сжигающими мертвых. За этим обрядом у них стоит столько идей, что на весь Гарвард до Страшного Суда хватит. Это мы научились без молитвы, без веры в будущую жизнь жечь людей в крематориях, как дрова. А индус, стоящий возле погребального костра, пусть не имеет правильной веры, но у него хоть вообще вера есть. Он думает, надеется, молится. Он все еще остается человеком. И так во всем: в рождении детей, в пище (которой, кстати, среднему жителю Индокитая нужно раз в десять меньше, чем среднему европейцу) и во множестве других жизненных вопросов.

Моя хорошая знакомая рассказала мне о своей покойной подруге-китаянке. Подруга была мастером каллиграфии. Знаете, такие длинные полоски рисовой бумаги с иероглифами, написанными черной тушью? Мастерству подобной каллиграфии люди учатся 8 лет. За время обучения не могут жениться или выйти замуж, чтобы резко не ломать эмоциональный настрой. Писать могут только стихи или поздравления, а если рисовать, то только цветы или птиц (райская символика, не правда ли?). Во время письма ощущают себя самих кисточкой в руках неба, и поэтому не пьют даже кофе и чай, чтобы не учащать сердцебиения. Таких нюансов там еще тысяча. И это всего лишь искусство каллиграфии, а ведь в том же Китае есть еще и свои философские системы, и боевые искусства, и живопись, и медицина — и везде подход столь же глубок и скрупулезен. Добавьте сюда многовековые незыблемые традиции уважения к учи-

телям и старшим, почитания усопших, невиданное трудолюбие... У вас не возникло уважение или даже трепет перед этим очень древним народом земли, сохранившим свое уникальное лицо в нашу плоскую эпоху либерализма?

От вашего уважения и трепета, в общем-то, ничего не зависит. Все равно вы носите китайские куртки, и ваши младшие братья играются китайскими машинками. Не исключено, что и компьютер на вашем рабочем столе собран в Китае. Возможно, что кто-то из ваших родственников увлекается фэн-шуй, а вы посещаете секцию восточных единоборств. Восточные народы умеют впитать западный технологический опыт, но при этом сохранить свое лицо и не нарушить собственные корни. И это только Китай, а ведь есть еще Япония, Индия, Корея... Не думаю, что смогу вам много рассказать о культурах этих народов — для этого есть специалисты. Да и многие из вас знают больше меня в этой области. Суть беседы в другом: те железные ворота, за которыми Восток дремал веками, растворились. На арену мировой истории выходят миллиардные народы с глубочайшей культурой, с непривычной и необычной психологией. На этой арене их встречаем мы — дряхлая Европа, в старческом маразме забывшая о христианстве, которое дало нам все.

По старой привычке мы еще смотрим, как на дикарей, на весь окружающий мир, но вскоре нам придется смириться. В известной молитве св. Симеон Богоприимец назвал Христа Спасителя «Светом во откровение языков». Мы имеем незаслуженное счастье принадлежать к той

семье народов, которые уже просвещены этим Светом. Мы — работники в том винограднике, от которого Господь ожидает плодов. Не находя этих плодов в свое время, Господь отдает виноградник «иным делателям». Уж не наступает ли время, когда от нас, гордящихся прошлым, готовятся забрать эстафету исторического первенства народы, более готовые к будущему?

«Трезвый, работящий народ», — говорил преподобный Серафим Вырицкий о китайцах в XIX в. Православие появилось на японских островах. Митрополит Николай (Касаткин), ставший апостолом для Японии, писал в своих письмах архиепископу Никону в Россию, что человечество — еще слишком юный организм для того, чтобы смотреть на него как на высохшее постаревшее дерево. Еще есть, говорил он, многомиллионные народы, никогда не слышавшие о Христе. В особенности не слышавшие православной благодатной проповеди, то есть явления христианства в духе и силе. Ведь Христос приходил не для того, чтобы истинное Его учение омрачилось протестантскими и католическими измышлениями. А это значит, по мысли святителя Николая, что у нашего православного отечества есть своя миссия и большое будущее.

Если мы не сумеем выполнить задачи внутренней миссии, т.е. воцерковления широких слоев людей, во Христа крестившихся, но во Христа не облекшихся, то мы, по крайней мере, можем посодействовать задаче миссии внешней — привлечению ко Христу нехристианских народов. Византия рухнула под ударами османов, но

прежде чем рухнуть, светильник веры отдала на север. Мы тоже рухнули в 1917-м. Сейчас поднялись на одно колено. Если выпрямимся — слава Богу, а нет — нужно передавать светильник веры тем, кто придет за нами. Потому я и говорю: учите китайский. Учите, чтобы суметь проповедовать, а не для того, чтобы читать «Книгу перемен». Учите также арабский, учите хинди, учите фарси. Оставьте в покое английский с немецким или, по крайней мере, не усердствуйте. Сохраните силы для изучения языков и культур народов свежих и одновременно древних, народов многомерных и удивительных, которые все еще не знают Христа, хоть они и не хуже нас. Ведь они, несомненно, входят в число «малых сих», о которых переживает Господь.

А для чего еще, скажите, Россия на тысячах километров своей границы соприкасается с исламским, буддийским, даосским и иными мирами? Ведь прав Достоевский — мы восприимчивы к умственной жизни других народов, мы умеем перевоплощаться, становиться близкими для чужих. Но до сих пор это касалось наших талантов в области литературы и искусства, и вектор нашей чуткости был направлен на Запад. Возможно, сегодня время войти в сложный мир Востока, неся с собой наше единственное богатство — святое Православие. Если Восток примет Христа, то только благодаря восточному христианству: западное слишком много сделало, чтобы не быть воспринятым.

На улицах наших столичных городов мы часто видим старичков-туристов с Запада. Мило улыбаясь, они выползают из своих комфорта-

бельных автобусов и, сгибаясь под тяжестью фотоаппаратов, ходят по нашим лаврам и соборам, площадям и театрам. Такова вся Европа в исторической перспективе. А где-то на улицах Дели или Бомбея священные коровы невозмутимо лежат на дороге, мешая движению. В парках и скверах Пекина тысячи стариков и молодых совершают традиционные гимнастические упражнения — каждый по мере своих сил. Восток уже не дремлет, он проснулся. Он многообразен и парадоксален, как сама жизнь. Он ждет от Старого Света единственно полезного, что Старый свет может ему дать, — Разум Истины. Все остальное — от микроволновки до космических ракет — он уже взял. Потому я говорю: учите китайский!

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Видал я ихнюю Италию
на карте — сапог сапогом.
Х/ф «Формула любви»

Что я знал об Италии перед тем, как туда попал? В общем, немного. Самое запоминающееся — цитата из Ерофеева: дескать, там только рисуют и поют. Стоит, например, кто-нибудь и поет, а рядом сидит другой — и его рисует. А подле стоит третий и поет про того, кто рисует. И хотя реальных рисующих и поющих итальянцев пришлось видеть немного, общий тон ерофеевской иронии совпадает с реальной Италией.

После пересечения итальянской границы и длительных восторгов по поводу красоты горных вершин я вспомнил фильм Тарковского «Ностальгия». Щемящая тоска по убогим березкам началась на подъездах к Венеции и не оставляла до самого последнего часа, когда паром с нами на борту отчалил от пристани города Бари. Еще вспоминался чеховский «Архиерей». Тот, находясь на чужбине, жутко скучал по родине, а потом, умирая, очень хотел оказаться опять в Италии, в лучах ее ослепительного солнца и под бескрайним и голубым ее небом. Может, и мне захочется умирать в Италии, но жить я там точно не хочу.

* * *

Минувшие поколения флорентинцев, венецианцев, римлян были людьми работящими и набожными. Они рисовали картины, строили огромные храмы, умели воевать, торговать и отравлять конкурентов. Сегодняшнее милое поколение тех же флорентинцев, венецианцев и римлян получило в наследство одну заботу — застилать постели, вовремя подавать такси и смешивать коктейли для многомиллионной армии туристов, то есть обслуживать толпы зевак, приезжающих сфотографироваться возле Давида или на фоне Сан-Марко. От этой торжествующей пошлости на душе остается густой осадок смешанных чувств, а во рту — вкус железа, будто ты не выспался. То ли дело Греция — грязная, шумная, пыльная, но такая родная — то ли потому что православная, то ли потому что бесшабашная. Впрочем, о Греции в другой раз, вернемся на родину Микеланджело.

* * *

Потрясает количество святынь, совершенно никому не интересных. Не интересных именно как святыни, а не как места, где можно сфотографироваться. В монастыре Трех фонтанов, там, где через отсечение главы был убит апостол Павел, везде написано: keep silence, т.е. храните молчание. Монахи, живущие там, принадлежат к ордену траппистов и должны всю жизнь хранить обет молчания. То ли итальянцы не знают английского, то ли на то есть другие причины, но в монастыре галдят и курят, плачут дети и орут мамаши так же громко, как на любой другой улице Вечного города. Ты пытаешься молиться, но чувствуешь, что не получается. И лучше было бы остаться здесь, может, даже переночевать. Лучше было бы прочесть что-нибудь из Посланий апостола Павла, потому что он наверняка ближе к нам там, где окончил жизнь, нежели в любом другом месте. Но труба зовет, и ты мчишься дальше, унося в памяти иллюзию того, что ты там был, и горькую досаду оттого, что ты ничего не понял.

И так — везде: у мощей царицы Елены в старом греческом храме, у стен Колизея, пропитанного кровью мучеников, в старой базилике, абсолютно пустой и ненамоленной, но хранящей главу великомученика Георгия... Возникает вопрос: не ближе ли ты к Георгию, Елене, мученикам, когда читаешь им акафисты в своем Урюпинске или совершаешь службы по Минее?

В общем, вопрос упирается в подвопрос: чего ты хочешь? Хочешь отдыха — ты его найдешь, только разберись с денежными возмож-

ностями. Хочешь приобщиться к разумному, доброму, вечному — хорошо подумай, потому что приобщение к истине от места не зависит. Если ты знаток истории Средневековья, его культуры и искусства, то насыщенное времяпрепровождение тебе обеспечено. Каждый камень будет говорить с тобой, имена великих будут звучать в твоих ушах громче и настойчивей, чем голоса площадных зазывал, приглашающих купить сувенирную цацку. Проблема в том, что знатоки Средневековья с его культурой и искусством измеряются количеством пальцев на руке, и денежный достаток их столь ничтожен, что вряд ли ты их увидишь на площади перед Санта Мария дель Фьоре. А посему паломничество превращается в пошлый туризм, две третьих которого составляют люди с желтыми лицами и раскосыми глазами. Может быть, закат Европы, прописанный Шпенглером, был прописан преждевременно и во времени затянулся, но Европа как была милым кладбищем при Достоевском, так им и осталась, невесть почему живая до сих пор.

* * *

Самое красивое всегда обретается вдали от туристических маршрутов. Нас наповал сразили два небольших городка на той стороне итальянского сапога, что ближе к носу, а не к каблуку: Амальфи и Равелло. В первом — мощи Андрея Первозванного (кроме главы, глава — в греческих Патрах). Во втором — кровь великомученика Пантелеимона. Кровь сохраняется в сосуде, который учеными обозначается как рим-

ское стекло IV века. Кровь весь год густа, а ближе к июлю разжижается и где-то через месяц, к концу лета, опять густеет. И так уже 1700 лет. Мы бы и не узнали об этих святынях, если бы не священник Русской Православной Церкви, хорошо знающий историю Аппенинского полуострова и на высоком уровне проводящий экскурсии. Он рассказал и показал нам многое невместимо великое и непостижимо интересное.

Здесь есть урок: путешествуя по местам незнаемым, ты нуждаешься не столько в книгах и картах, сколько в благочестивых людях, живущих там. Они расскажут тебе лучше любого путеводителя, где помолиться, что посмотреть, что купить. Слава Тебе, Господи, за то, что снова и снова находит подтверждение известный тезис: человеку нужен человек.

* * *

Наших людей в Италии масса. Они выносят горшки из-под престарелых Джузеппе и Джованни; они моют посуду в бесчисленных «траттория», они тяжело зарабатывают еврокопейку для родных душ, оставшихся на родине. Некоторых из них от тоски разбивает паралич, тогда они отправляются на родину в инвалидной коляске и без денег. Кто-то отрабатывает долги; кто-то проплачивает учебу сыну оболтусу; кто-то ищет счастья и мечтает выйти замуж за местного «Челентано»... Но почти все они, измученные тоской по родине, собираются в воскресный день в немногочисленные православные приходы. На службах плачут, как дети; в записках поминают всех своих родных, оставшихся на Ро-

дине, а после службы не могут разойтись. Устраивают нехитрые трапезы с постоянными (будь они неладны) макаронами и разговорами о жизни. Они хорошо знают Италию и ее святыни; могут подсказать, где кто покоится и где лучше помолиться. Общаясь с ними, еще сильнее хочешь домой и радуешься тому, что ты будешь дома через неделю. А они — лет через пять.

* * *

В любой стране самое интересное — то, что ты увидишь, если заблудишься. Намеренно заблудись в любом городе. Хоть в Житомире. Постучись в дома горожан и попроси ночлега. Услышь отказ и заночуй на автобусной станции. Позавтракай в местной «разливайке» и езжай поутру куда глаза глядят. Ты поймешь о Житомире больше, чем те, кто живет в нем с самого рождения.

То же самое в Италии. Заблудившись по дороге в Неаполь, мы попали в Монте-Кассино. Это место равно драгоценно для православных и для католиков. Святой Бенедикт Нурсийский основал здесь монастырь, который стал матерью всего западного монашества. На верху горы — монастырь, полный туристов и скудный монахами. У подошвы — милый и стандартный городишко. Если вы в ресторане спросите рыбу — вам ответят, что рыба — в море, и принесут суп из спаржи и лапши. Жизнь размеренна и предсказуема. Ни одна душа не скажет, что в этом месте родилось для Запада подвижничество ради Христа.

Вот такая смесь — спокойствия и грусти.

* * *

Самый русский город в Италии — Бари. Итальянцы не любят иные языки. Древние римляне всех говоривших не по-римски называли варварами, т.е. говорившими что-то вроде «бар-бар». Сегодняшние римляне то ли от спеси, то ли по тупости — преемники древних. Английский спасает не везде. Но в Бари все, что касается святого Николая, написано по-русски. «К святому Николаю — туда» — говорит указатель молчаливой стрелкой. Наш народ, столь любящий чудного святителя, был взаимно возлюблен им. Не писавший проповедей, не говоривший много, но молившийся горячо, святой Николай стал «нашим» святым. Над его мощами, источающими миро, русские священники служат частые службы при стечении русскоговорящего народа. Приехавшие в поисках dolce vita и нахлебавшиеся попутных помоев, наши бывшие соотечественники по СССР находят утешение в Боге. Все они — жители Падуи, Милана и прочих милых для слуха городов — в слезах съезжаются к базилике св. Николая. Церковнославянская речь акафиста, на родине непонятная и чужая, на чужбине звучит для них слаще меда. Люди плачут, вспоминают родню, обнимают тех, кто говорит с ними на одном языке, меняются адресами, обещают друг друга помнить.

Доминиканцы — толстые дядьки в белых одеждах — кто с презрением, кто с жалостью смотрят на этих богомольцев. Им, доминиканцам, невдомек, что значит уехать за три моря и найти веру.

* * *

Я мог бы много рассказывать об Италии. О любом месте, где мне пришлось побывать, от Корца или Обухова вплоть до Иерусалима, я мог бы рассказывать часами. Потому что «Господня земля», т. е. все кругом — Божие, и все кругом — красиво. Преподобный Серафим любил свою пустыньку, и преподобный Сергий благословлял дебри, в которых жил. Все красиво, если вектор жизни правилен. Для наслаждения красотой мира ехать никуда не надо. Таково мое мнение.

Пушкин никогда не был за границей. Святитель Тихон Задонский никогда не был на Афоне, хотя и мечтал побывать там. Ездивший куда-то вовсе не становится автоматически лучше никуда не ездивших. Эта мысль настолько овладела мною, что я и в метро теперь сажусь с неохотой.

* * *

Умирая от тоски в провинциальных отелях с номерами без кондиционера, запивая ненавистную пиццу литрами вина (чтоб хоть как-то переварилась), нецеломудренно ощупывая взглядом сотни голых каменных тел на просторах Аппенинского сапога, я все время помнил пословицу: где родился, там и пригодился. Путешествовавший (боюсь надоесть однообразием) вовсе не лучше сидевшего на месте, и прав старина Конфуций: мир можно познать, не выходя из комнаты.

Не насытится око зрением, не наполнится ухо слышанием (Еккл. 1,8).

Понимая всю провокативность своих мыслей и осознавая потенциальную их опасность для

туристического бизнеса, я заранее делаю книксен и склоняю голову перед всеми, кого нехотя обидел. Я не хотел вмешиваться в ваши жизненные планы или снижать количество клиентов вашей туристической фирмы. Я хотел сказать следующее: истина познаваема без перемещения в пространстве; своя земля, при всей ее корявости, лучше любой «акапульки». И еще я хотел сказать, что делю на два и на три свои собственные мысли и за глашатая истины себя отнюдь не считаю. Поэтому путешествуйте, дорогие соотечественники, в том числе и в те места, о которых я наскоро рассказал.

МАТ — НЕ НАШ ФОРМАТ

Христиане называются «словесными овцами Христова стада». Они питаются словом, как чистым словесным молоком (1 Петр. 2, 2). Они верят в воплощение Слова, Чье бытие не имеет начала; службы христианские словесны (немой не может быть священником, а глухой без сурдоперевода ничего не понимает в богослужении). То есть словесность есть отличительная черта христианина. Ему должно быть свойственно чуткое и трепетное отношение к слову.

Согласно Евангелию, слово — это и меч, и семя, и имя Божие. При таком отношении к дару слова особенным является и отношение к словесным грехам. Они — не малость, поскольку их слышно на Небе. К словесным грехам мы относим ложь, клевету, наушничество, сквернословие. Остановимся на последнем.

Сквернословие есть как бы антимолитва. Если молитва невозможна без призывания имени, то сквернословие, как непрестанное призывание скверных имен, есть прямой враг молитвы. Как невозможно течь из одного источника и горькой, и сладкой воде, так должно быть невозможным из одних уст исходить благословению и проклятию, призыванию Создателя и унижению созданных от Него. Все мы должны тщательно наблюдать за тем, чтоб не претыкаться языком и не умножать своими словами количество скверны, существующей в мире. В борьбе с этим грехом важна самодисциплина и внимание к себе. Слово рождается в мысли, значит, чтобы не грешить в слове, нужно не позволять себе мысленно сквернословить. А еще важно то, что сквернословие — это зачастую словесный эксгибиционизм, когда человек болезненно сконцентрирован на теме пола и в словах выражает мир своих непреображенных желаний и им самим не понятых интуиций. Там, где нет правильного полового воспитания и здорового отношения к теме пола, там есть все условия для существования гнусной лексики.

На древних иконах бесы изображались имеющими несколько лиц, одно из которых помещалось в области половых органов. Таким образом иконописцы давали понять, что умная деятельность падших духов перевернута, опрокинута вверх тормашками и устремлена не вверх, а вниз. Если у человека подобный образ мыслей, если его умная сила пресмыкается в прахе, то отсюда и рождается скверный образ мысли и скверные слова.

Говоря на эту тему, нужно подчеркнуть, что имеется в виду именно словесная скверна, т.е. не просто слова типа «дурак» или «безумец», за которые мы тоже будем отвечать, а именно матерная брань. Она есть бесовский лай. Появление перед святыми бесов часто ознаменовывалось самой отвратительной, отборной руганью. Это образ их мыслей, это отображение их духовной природы. Они желают человеку всяческого позора, всяческого осквернения и там, где могут, совершают это делом, а где нет — мыслью и словом.

Если благопожелания, даже такие привычные как «будьте здоровы!», если благословения и просто добрые, ласковые слова несут в себе действительную силу, то, конечно, все отсылания на разные буквы и подобные этому обращения людей друг к другу совершают несомненное зло в мире духовной реальности.

«БЕДНЫЙ Я ЧЕЛОВЕК!..»

То, что тешит плоть, убивает душу, и то, чем живет душа, стесняет плоть.

Постное время традиционно называют временем борьбы с грехом и деятельного исправления жизни. Одним из господствующих грехов является все, что противоречит седьмой заповеди[1] Закона Божия. После грехопадения плоть превратилась из друга во врага для души,

[1] Хочется обратить внимание читателя, что слова заповеди — не прелюбодействуй — касаются не только нарушителей супружеской верности. Ошибкой было бы полагать, что принятые нынче как норма добрачные половые связи чем-то лучше прелюбоде-

и с тех пор они стремятся к противоположному: то, что тешит плоть, убивает душу, и то, чем живет душа, стесняет плоть. Эта борьба внутри каждого человека настолько болезненна и драматична, что святой апостол Павел однажды воскликнул: «Бедный я человек! Кто избавит меня от этого тела смерти?!» Он же неоднократно в своих посланиях говорит о делах плоти, т.е. о том, что естественно для нее после грехопадения: блуд, нечистота, злая похоть и многое другое. Тех, кто может похвалиться победой над взыграниями плоти, среди людей единицы. Подавляющее большинство из нас даже до старости и смертного одра находятся под угрозой совершить плотской грех. Возобладать над собою, обуздать свои страсти так, как умелый наездник обуздывает буйного коня, является задачей каждого христианина. И тут Господь нам вкладывает в руки особого рода оружие — пост.

Помнится мне одна простая и глубокая история о вдове, в молодых летах оставшейся одинокой. Женщина была красива, и многие добивались ее руки. Она же отвечала всем, что уже была замужем и намерена сохранить верность покойному супругу. Один богач более всех добивался ее, и в ответ на его неотступность она предложила ему своеобразную сделку. Женщина пообещала выйти за него замуж, если он выполнит одну ее просьбу, а именно: не будет есть

яния. Сущность блуда всегда одна, а поборникам «свободной любви» рекомендуем вспомнить слова Спасителя: «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем».

и пить до тех пор, пока она не позовет его к себе. Что такое есть и пить для влюбленного человека? Каждый из нас, вспоминая период влюбленности, согласится, что мы готовы были лишиться всего в обмен на объект своих чувств.

Богач с радостью согласился... В ожидании прошел один день, затем еще один. На третий день посланцы женщины пришли к влюбленному мужчине с предложением прийти к ней. Ослабевшего, под руки его привели в дом вдовы. «Чего бы ты хотел сейчас?» — спросила она. Мужчина попросил воды и хлеба. «Вот так и в будущем, когда страсть овладеет тобою, обуздай себя при помощи воздержания. А я желаю не выходить замуж более до смерти», — сказала мудрая женщина.

Действительно, блуд возможен только после насыщения и почти неизбежен после пресыщения. Отнимая у тела некую часть необходимого, мы убиваем гнездящиеся в нем страсти. Нужно отметить, что если мы не курим в пост, то это еще не жертва Богу, поскольку курение — не потребность естества. И если мы не смотрим телевизор или отказались от сладкого, то это тоже не совсем жертва. Жертва — именно в стеснении себя в необходимом (в стеснении, конечно, посильном и продуманном) в надежде на то, что воздержание в естественном вознаградится Богом подаянием сверхъестественных благодатных даров.

Победа над блудной страстью — это именно сверхъестественный благодатный дар. В человеке нет внутренних ресурсов для победы над этой страстью. Она — наш внутренний враг. Победа

над ней — всецелое действие благодати. Философы древности умели отказываться от власти, топить в море сокровища, оставлять царский престол ради возделывания огорода, но похоть побеждать они не умели. Об этом неоднократно говорили Святые отцы, когда хотели показать, что победа над тщеславием или роскошью давалась и язычникам, а вот победа над блудом — только христианам[2].

Месяцеслов христианских святых содержит множество имен людей, которые победили блуд и молитвенное общение с которыми помогает человеку в этой борьбе. Назовем некоторые из них: мученица Фомаида Египетская (убитая свекром за отказ в близости с ним), преподобный Моисей Угрин (изувеченный польской шляхтичкой за отказ на ней жениться), преподобный Иоанн Многострадальный Печерский (многолетно сжигавшийся блудной страстью и доходивший до того, что закапывал себя по пояс в землю на весь Великий пост). Конечно же, «христоносная страдалица» (Достоевский) — преподобная Мария Египетская. Есть и много других ратоборцев с этой труднопобедимой страстью. Призывание их имен на молитве — это бальзам на раны борющемуся и проигрывающему борьбу человеку.

[2] Если читатель возразит нам, что, дескать, буддисты или йоги тоже не блудят, то мы должны отметить, что разбор этих нехристианских учений не входит в нашу задачу сегодня и мы (безусловно, знакомые с буддистами и йогами) в будущем, возможно, раскроем демоническую суть их «воздержания». Оговоримся лишь о том, что начальник всех грехов — сатана — если уж приобщит кого-то к своей непомерной гордости, то бороть человека другими грехами для него нет уже никакой надобности. Он уже принадлежит ему.

Юношеский возраст — время особенно тяжелое. Переживший юность, по словам Феофана Затворника, оглядывается назад и благодарит Бога, как переплывший бурную реку. Опыта еще нет. Взыграние страстей особенно сильно. Нет доверия к авторитетам и голосам советующих. Ты один на один с врагами, умножающимися день ото дня. Как у Мандельштама:

Дано мне тело.
Что мне делать с ним?..

Поэтому единственное, что хочется посоветовать, — это не впадать в отчаяние от тех или иных юношеских падений, от горечи в душе, от болезненного чувства проигрыша, от всего того, что стоит за безуспешными попытками понять себя и обуздать себя. Бог милостив. Он — не такой, как мы, чтобы насмехаться над чужими ошибками или радоваться им. Он и покроет, и вразумит, и помилует. Но все постепенно, помаленечку. Так, чтобы сам помилованный и вразумленный не приписал своих исправлений себе, а только Единому Безгрешному.

СОДОМО-ГОМОРРСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Если мокрое белье не просушить на воздухе — оно запреет и сгниет. Чтобы это сказать, не надо быть пророком.

Если грешному человеку, не желающему исправляться, дать сытость, праздность и ком-

форт, то он скоро ужаснет весь мир своим развратом. Чтобы это утверждать и не ошибиться, нужно столько же ума, сколько и в случае с мокрым бельем.

Там, где Мертвое море лениво накатывает на берег тяжелые, соленые волны, стояли когда-то цветущие города. Бог уничтожил их небесным огнем за неистовый разврат их жителей. Священные книги сохранили об этих городах память. Имена их стали нарицательными. И все было бы ничего, если бы в воздухе не запахло серой и призрак сожженных Богом городов не замаячил на фоне современной цивилизации.

В течение многих столетий Запад утрачивал веру и вместе с тем страстно грезил о справедливом земном обществе. В этом обществе не должно было остаться места подневольному труду и унижающей бедности. Человек в нем должен быть сыт и нарядно одет. Его должны охранять справедливые и строгие законы. Дума о рае смиренно удалялась, когда на мысленном горизонте вставали миражи будущего счастья.

Можно ли было представить строителям нового мира, умнейшим представителям западной цивилизации, что спланированный ими город можно будет назвать Содомом? Разве они этого хотели? Вряд ли. Но дело сделано. Содомогоморрская цивилизация стала реальностью, и о ней надо говорить.

В книге пророка Иезекииля грех Содома представляется выросшим из изобилия хлеба и вина, из праздности и — напоследок — немилосердия («они руку бедного не поддерживали»).

Потенциально всякий человек болен всеми грехами. Это горькое знание уже является лекарством. Бывает, что человек говорит: «То-то и то-то я делал. Вот это мог бы сделать. Но уж вот *это* не сделаю никогда!» Такая самонадеянность глупа и опасна. Именно *это* человек может сделать, причем — очень скоро. Пока человек трудится, терпит и милосердствует, недуги души, эти микробы греха, лишены силы. Но стоит попасть в полосу комфорта и беспечности, как нераздавленные змеи поднимают голову и начинают шипеть.

О том, как гибельно для души путешествие из «грязи в князи», знают все народы мира. Об этом говорили мудрые и учили сказки. В «Сказке о рыбаке и рыбке» у Пушкина старухины страсти спят, пока корыто разбито, а в перспективе — безвылазная бедность. Стоит же пойти в гору — откуда что берется? Ненасытность, гордость, спесь. Эти грехи не пришли снаружи. Они ожили внутри. Так — с гордыней и властолюбием. Так же — с прочими греховными недугами.

В документе, датируемом концом XIX века (царствование Александра III) и обнаруженном в бумагах М.Н. Островского, министра гос. имуществ и председателя департамента законов Государственного Совета, «О распространении гомосексуализма в Петербурге» говорится буквально следующее: «Как результат полового пресыщения, порок этот главным образом осуществляется людьми богатыми, *для которых сношения с женщинами сделались уже ненавистными*, и если кружок этих лиц и пополняется людьми неимущими, молодыми, то лишь как

жертвами, служащими для удовлетворения первых. Причем жертвы эти питают весьма часто глубокое личное презрение к подобного рода промыслу, но отдаются ему тем не менее, хотя и с отвращением, ради выгод и приобретения средств к веселому и легкому существованию». Участившиеся, временами приобретавшие масштаб эпидемии, случаи самоубийств среди молодежи также могут объясняться распущенностью нравов, ранней потерей целомудрия, вовлечением в противоестественный разврат. Об этом писали психологи XIX века, это может подтверждаться и данными современной науки.

XIX век не отличался, как видим, от XXI, и парадигма остается ненарушенной. «Богатые, пресыщенные» совратители с одной стороны, и — совращенная молодежь, желающая жить весело и легко, — с другой. Причем гадливость, презрение к греху остаются, но воля слаба и жажда беззаботности и наслаждений заглушает голос совести.

Лучшие люди мира всегда и во всем были воздержанны. Неприхотливость быта, простота в одежде и пище, умение владеть собой, т. е. управлять чувствами гнева, страха, голода превозносились мудрецами разных культурных традиций. Один из семи мудрецов древности — Анахарсис — сказал: «Воздерживай язык и желудок». Это одна из квинтэссенций дохристианской мудрости наряду с широко известным «Познай себя сам». Кстати, и отцы говорили подобное. «На прошлое не надейся, о будущем не заботься, но воздерживай язык и чрево», — говорил один из отцов-аскетов.

Правда, большинство людей мечтают о сытости и праздности. Что же? Мечты сбываются. Иные стороны современной цивилизованной жизни иначе как воплотившейся мечтой не назовешь. Раскованность, свобода, обеспеченность, беззаботность. Конечно, это всего лишь вывеска или ярко выкрашенный фасад. За этим фасадом всякое живет. Но яркие краски привлекают взоры. Если идеалы современного Запада будут усвоены всем остальным миром — планетарный Содом будет логично неизбежен. Тогда его неумолимое приближение и торжество — лишь дело времени.

На пути большевиков в России начала XX века стоял двуглавый орел — Царство и Священство. Обе его головы большевикам нужно было гильотинировать. На пути же у новейшей идеологии, претендующей на всемирное господство, стоит **сама жизнь** в ее классических формах. Я намеренно избегаю разговора о Церкви, Таинствах, благодати и поддерживаю важность традиционной семьи и традиционного общества. Многодетность и уважение к старшим, супружеская верность и детское послушание, трудолюбие и патриотизм. Таких добродетелей много. Вдумавшись, нетрудно заметить, что они рождаются в семье, а разрастаясь, как деревья, корнями своими укрепляют общество. Это именно семейно-общественные добродетели в их правильно поименованной последовательности. На другой стороне баррикад — идеология крайнего индивидуализма и потребительства. Там — раздутое от гордости «я», не желающее

никому подчиняться и ничего знать, кроме удовлетворения своих прихотей и похотей.

Александр Бурьяк в книге «Голубая угроза, или Как отбиться от содомитов» пишет: «Отношение к гомосексуалистам в странах Запада оставалось до 1960-х довольно терпимым. В большинстве стран содомия подвергалась уголовному преследованию. Ситуация стала меняться с конца 60-х, когда развернулось движение гомосексуалистов за «права человека». Причина изменения ситуации — в накоплении дегенеративного генетического и культурного «материала» западным обществом. Указанное накопление, в свою очередь, вызывается чрезмерным комфортом условий жизни. Чем более сытым и спокойным является общество, тем шире распространяется в нем гомосексуальность. Из стран Европы к началу XXI века наиболее гомосексуализированными оказались Голландия и Швеция».

«Прочь законы от нашего тела», — кричали американские женщины в 60-х, требуя от Верховного суда разрешить им делать аборты. Подобные лозунги теперь кричат трансвеститы и гомосексуалисты. И это не бунт плоти — это болезнь духа.

В своих крайних проявлениях либерализм додумывается до самоубийственного желания быть свободным даже от Бога и Его законов.

И как *они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства* (Рим. 1, 28)

Как видим, плотская распущенность — это следствие духовной болезни. Причем болезнь может иногда передаваться из поколения в поколение, усиливаться, подыскивать себе фило-

софские оправдания и изящные культурные одежды, с тем чтобы вспыхнуть однажды адским огнем и, обжегши многих, объявить себя «нормальным состоянием».

* * *

Если подыскивать имя для крайней степени греховности, то можно воспользоваться термином блаженного Августина: «Любовь к себе до ненависти к Богу». Это — бесовский нрав. Это — ненависть к благодати.

«Не троньте меня! Я живу, как хочу. Сплю, с кем хочу. Я сам все знаю» — раздраженно кричит греходюбец, когда к его обожженной совести слегка прикасаются мазью вразумления.

Одно дело, когда грех назван «грехом». Тогда есть надежда на исцеление. Тогда впереди мучительное ощущение рабства и — покаянный плач. Пока совесть жива, человеку справедливо кажется, что он — самый грешный. Человек чувствует себя так, будто в мире есть только он, со своим позором, и — Бог, все это видящий. Взгляд Его нестерпим, и человек молится: *Отврати лицо Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои* (Пс. 50).

Лукавому непременно нужно развлечь человека, вырвать его из самоуглубления и покаянных мыслей. Лукавый пытается создать иллюзию вездеприсутствия порока, его всегдашности, неизбежности. Человеку расскажут (уж поверьте, специалисты найдутся) о том, как много великих и славных людей болели этой страстью. Поведут в специальный клуб, расскажут о гей-парадах. На худой конец, покажут газету с множеством

объявлений о поиске однополых партнеров. Лишь бы втянуть в поток, в свою «культуру». Лишь бы не оставить человека наедине с совестью и с Богом.

И человек действительно погружается в «иную» реальность и перестает адекватно оценивать как мир вокруг, так и себя в том мире. Он будто становится членом тайного ордена, с особыми жизненными целями, со своими средствами опознавания «свой — чужой», со своими знаками и символами.

То, что от взгляда простого человека легко ускользает, взгляд содомита фиксирует.

Он учится идентифицировать свой порок как кастовую избранность. Его психике свойственны черты мышления религиозного сектанта. Ведь и те и другие, во-первых — меньшинство, во-вторых — вызывают у большинсва реакцию отторжения, в-третьих — и тем, и тем «размножаться» возможно лишь средствами пропаганды и вовлечения в свои ряды «свежей крови».

Есть у данной проблемы еще одно измерение — это ее социальное поле. В «цветные» ряды попадают художники, танцоры, артисты, кутюрье... Во-первых, извращенцы тяготеют к большим городам. Червь живет в навозе, а развратник — все чаще — в мегаполисе. Там, где на одном квадратном метре уживаются одиночество и многолюдство, безразличие к ближнему и социальная озабоченность, — там легче затеряться, скрыть свою особенность. Да и партнеров отыскивать и менять легче. Нравственные требования к человеку в городской среде зани-

жены. Изначальный рост городов во времена развития капитализма неизбежно связывался с притоком людей из деревень и их быстрым развращением. Любой город — это чемодан с двойным дном. У любого города есть своя изнанка. Там организованная преступность, проституция, бездомные всех возрастов. И чем больше город, тем более «пестрая» у него изнанка.

Кроме того, города — это очаги культуры. А грешнику «культурная среда» нужна, как воздух. Конечно, «среда» эта специфическая. Вернемся к танцорам, кутюрье и модным стилистам. Их богемные тусовки и «творческие встречи» по ночам чаще перерастают в клубные однополые отношения, чем, например, шумные попойки строителей или шоферов-дальнобойщиков. У тех — изящных и образованных, известных и загадочных — больший риск придумать себе теорию об избранности и исключительности. Больше фальшивых оправданий. Это — адский рецепт. Смешайте разврат с деньгами, полейте все это соусом самовлюбленности и — можно ставить на огонь. Неугасающий. Такой человек почти неисцелим. «Почти» — потому что для Бога нет ничего невозможного. Но и Бог уважает нашу свободу, а значит, терпеливо ждет пробуждения совести.

Для того чтобы расслышать голос Бога, говорящего через совесть, нужна, как минимум, тишина. Господь не любит кричать. Он говорит внятно, но негромко. Нужно успокоиться и войти в себя, чтобы Его услышать. А как успокоиться, если человек расстроен и помрачен. «Помра-

чение» — кажется, так переводится название фильма польского режиссера Агнешки Голанд о противоестественной связи между Рембо и Верленом.

В фильме мастерски показана одержимость молодого Рембо, его асоциальность, с одной стороны, и рабство зрелого, уже состоявшегося Верлена этой одержимости. Нормальная семья, красивая, верная жена, имя в обществе, совесть — все буквально сметается напором греховной страсти. Верлен — пленник и жертва. Он последовательно теряет имя, семью, совесть, разум. Когда проктологическая экспертиза доказывает ненормальность его жизни, Верлена сажают в тюрьму. Там он трезвеет и приходит в себя. Он много молится и между заключенными слывет за святого. С пафосом покаянной перемены после освобождения Верлен опять приходит к Рембо. Тот предлагает бывшему сожителю выбор: «Либо Христос — либо мое тело». Уже было покаявшийся Верлен выбирает второе, и «вымытая свинья идет валяться в грязи». Он пережил своего любовника на многие годы. Но и в последних кадрах фильма Верлен — уже старик — пьет абсент и грезит о своей любви — о молодом и талантливом развратнике Рембо, умершем так давно в расцвете своей бестолковой жизни.

Фильм страшен тем, что правдиво показывает силу, с какой грех может обладать человеком, однажды этому греху предавшимся. Фильм полезен тем, что подчеркивает: содомия воинственно безбожна, идейный содомит — это сознательный враг Христа, враг покаяния, враг всего святого. И Верлена жалко. Как большой

орел, зацепившийся за сеть ловца одним когтем, он весь запутался. Там, где речь идет о грехах и страстях, не помогает ум, не спасает талант, не удерживает даже крепкая семья.

Главным средством борьбы с растлением личным и общественным является, конечно, не простота быта и не различные формы аскетизма. Они важны, но они — не главное. Аскетизм и разврат даже могут дико и неожиданно уживаться в одном человеке. Так бывает с гордыми подвижниками. Поскольку гордыня плодит из себя все разновидности грехов, аскет, умерщвляющий плоть, но не удушающий гордыню, рискует превратиться в некое чудовище: в неистового развратника, который не ест и не пьет. Может быть, здесь — объяснение странных аскетических практик Индии, где разврат освящен и сожительствует рядом с постами и медитациями.

Главное — то, о чем говорит апостол Павел в вышеприведенной цитате: «иметь Бога в разуме». При этом нужно понимать, что общество, живущее по принципу «хочу и буду», стремительно теряет навыки самообуздания. Правильно жить — означает уметь отличать священное от профанного, праздничное от будничного и, конечно, хорошее от плохого. А у любого человека, как существа нравственного, есть немалый внутренний ресурс, благодаря которому можно и сдерживать себя, и самовоспитываться, и напрягать силы, стремясь к положительной норме. Анри Труайя, говоря об Александре III в книге, посвященной этому монарху, упоминает о том, что царь искренно удивлялся не-

традиционной ориентации таких ярких людей, как П. И. Чайковский. Царя удивляло, что такие люди могут, если надо, собрать волю в кулак, сконцентрировать усилия для решения творческих задач. Возникал вопрос: почему бы не сконцентрироваться и не собрать волю в кулак для решения задач нравственных?

Прав был монарх. Нужно и можно всякому трудиться над собой. Но вернемся к «Богу и разуму».

«Иметь Бога в разуме» означает вести молитвенную жизнь, стремиться к богообщению и, как следствие, — к богопознанию. Боговедения Господь хочет от нас более, нежели всесожжений. Об этом говорил пророк Осия и звал людей: *И так, познаем, будем стремиться познать Господа* (Ос. 6, 3). Этот пророк более многих других ощущал то, что блудник не может любить Бога. У развратника с Богом вражда. *Дела их не допускают их обратиться к Богу своему, ибо дух блуда внутри них, и Господа они не познали* (Ос. 5, 4).

Ведь это только кажется, что веселье и беззаботность живут там, где поселилось распутство. За широкими улыбками и громкой музыкой притаился липкий страх и потаенное страдание. Вся содомская жизнь — это отвратительный вид медленного самоубийства. Редкий развратник в глубине души не сознавался себе в этом.

Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но и делающих одобряют (Рим. 1, 23).

На службе у греха стоит наша испорченная им же — грехом — природа. Катиться вниз лег-

че, чем подниматься вверх. Говорят, однажды мудрый учитель беседовал с юношами, прогуливаясь. Он стройно и глубоко излагал важные мысли — плод своих долгих размышлений. Юноши слушали его внимательно, пока до их слуха не донесся шум женских одежд. Благоухающая ароматами и шумящая платьем, ослепительно красивая блудница подошла к группе мужчин. Она дерзко взглянула на учителя и сказала: «Глупый старик. Мне стоит щелкнуть пальцами, и эти юнцы оставят тебя и побегут за мной». — «Это неудивительно, — отвечал учитель. — Катиться вниз легче, чем подниматься вверх».

Отметим также, что любое доброе дело требует преемственности. Любое ремесло и искусство, любая наука (в том числе монашество) не живут без длительного накопления, глубокого осмысления и бережной передачи опыта. Оборвите цепь преемственности — и вы тут же откатитесь на сто шагов назад. Перестаньте воевать с пустыней — она засыплет оазис.

А вот с грехом — не так. Его не нужно долго и специально осваивать и культивировать. Он растет сам, как сорняк. Изгнанный в дверь, он залазит в окно, не спрашивая разрешения. Чтобы сорняку покрыть весь огород, стоит лишь прекратить заниматься прополкой. За примерами далеко ходить не надо.

Жители Содома, увидев Ангелов в человеческом облике, захотели «познать их». (Заметим, что один и тот же глагол употребляется в отношении супружества — «Адам познал жену свою», в отношении богообщения («да'ат Элогим» — по-евр. «познайте Господа») и в отно-

шении беззаконного совокупления. Во всех случаях речь идет о таинственном соединении и взаимопроникновении, с одной стороны — священном, с другой — греховном. Таким образом, блуд, а тем паче содомский блуд, есть некое «бесовское таинство».) Дальнейшие события хрестоматийны. Лот вступается за пришельцев. Ангелы ослепляют содомлян. Лот убегает в Сигор. Господь уничтожает город.

Но не будем забывать, что содомляне при Лоте — это не развратники в первом поколении. Это люди, родившиеся от содомитов и выросшие в атмосфере извращенной нравственности. А вот откуда содомская лексика и соответствующие похоти у евреев, недавно вошедших в Обетованную землю?

В книге Судей (19 глава) описывается следующее: пришелец-левит заночевал в доме старика в городе Гива Вениаминова. Жители города, люди развратные, окружили дом, стучались в двери и говорили старику, хозяину дома: «Выведи человека, вошедшего к тебе в дом твой, мы **познаем** его». О том, какие кошмары происходили далее, любой желающий прочтет в Библии. Мы же ужаснемся содомскому нраву людей, никак с Содомом не связанных. Это именно она — зараза греха, не требующая преемственности, но кочующая с континента на континент, от народа к народу, и везде находящая среду для распространения.

Когда психологи или историки расскажут вам в деталях и подробностях о том, как культивировались содомские страсти в Китае, Персии, Греции, Риме, Японии, не спешите удивляться

или ужасаться. Не спешите с выводами. Это она и есть — испорченная человеческая природа. Это все те же внутренние механизмы греховной порчи, действующей там и тогда, где и когда для них создаются подходящие условия. Это, кстати, остающийся за скобками или за кулисами, но не перестающий вмешиваться в нашу жизнь диавол. Это он радуется человеческому позору, втягивает людей в непроизносимые гадости и пытается убедить нас в том, что это — «нормально».

* * *

У каждой эпохи есть узнаваемый символ. Отец Серафим (Роуз) считал, что символом XX века является Диснейленд с выглядывающей за ним колючей проволокой ГУЛАГа. Мне кажется, что отец Серафим прав. Жажда безудержного веселья одних и невыносимые страдания других прошлись через весь XX век, как кавалер с барышней, — под ручку. Каков же символ начавшегося XXI века? Космический туризм? Овечка Долли? Горящие башни-близнецы?

В списке претендентов на роль символа все шансы стать главным — у гей-парадов. Вот уж воистину — «тайное стало явным».

Гей-парад — это просмоленная пакля, готовая для огня. Это — плевелы, связанные в снопы.

Это — невидимая пляска хохочущих демонов посреди видимых вихляний обнаженных тел.

Как явление, эти парады появились не так давно. Но дикторы TV говорят иной раз о них так же ровно и торжественно, как раньше воз-

вещали о сборе озимых зерновых. Не скрывают своей гомосексуальности мэры Берлина и Парижа. Отличающиеся друг от друга, как небо от земли, Япония и Латинская Америка, Штаты и Старый Свет в этом деле ведут себя, как близнецы-братья. Слава Богу, что то ли совесть, то ли Георгий с копьем на гербе города в который раз запрещают Лужкову дать извращенцам зеленую улицу и разрешить гей-парад. Слава Богу, что люди у нас простые. Слово «гей» чаще всего заменяют привычным словом на букву «п», а проповеднику крайнего либерализма при случае могут и в глаз зарядить.

Грех назвали нормой, и он стал обыденностью. Вопросы морали отдали на откуп личному вкусу: «хочу — не хочу», «нравится — не нравится».

Порча кажется вездесущей, как разговоры о взятках, и привычной, как бегущая строка в телевизоре.

Мы с этим вступили в XXI век. Нужно подпирать небо, чтобы оно на нас не упало. Нужно целовать землю, чтобы она нас не проглотила. Нужно слушать Бога, говорящего через Моисея, Давида, Павла...

И удаляться нужно от тех, что *дойдя бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью* (Еф. 4,19).

НЕПРАВИЛЬНАЯ ПРОФЕССИЯ

В этом мире часто происходит так, что христианином пытаешься стать уже после того, как выбор профессии сделан, высшее образование получено. Хорошо, если ты учитель, врач или пожарный. Эти люди учат, лечат, спасают, их не в чем упрекнуть. А что делать, если сама профессия предполагает сделку? Выходит, эта профессия «неправильная»?

«Все профессии важны — все профессии нужны», — сказал Владимир Маяковский. Но когда он писал стихотворение «Кем быть?», некоторых профессий еще не существовало. Допустим, у тебя всегда была пятерка по литературе и английскому, ты сочинял стихи, читал Марселя Пруста и, в конце концов, поступил на филологический. Широкая специальность «филолог» позволила тебе найти неплохую работу: ты стал рекламистом. Это значит, что твоя задача — составлять хорошие рекламные тексты, великие рекламные тексты, которые будут привлекать покупателей. Для того чтобы привлечь покупателей, нужно им что-то пообещать. Например, заботиться о них (Тефаль), изменить жизнь к лучшему (Philips), подарить им полную свободу, красоту, счастье. Реклама — это искусство обещать. Обещать нужно талантливо, искренне — это и будет успехом твоей профессии. С тобой заключит контракт компания «Кока-кола», и тогда все, что тебе нужно для безбедной жизни, — это придумывать одно-два предложения в год.

— Как, будучи христианами, мы можем всерьез говорить о том, что «Каждый должен стремиться к роскоши, которая дает нам свободу и независимость»?

— Во времена Маяковского реклама уже существовала. Не было неона, телероликов и многого другого, но были призывы к покупке того или иного товара, были расхваливания услуг и приглашения ими пользоваться. Занимались этим скорее художники, чем филологи. Но реклама существовала и раньше. Например, пышный прием иностранных гостей во все времена был рекламой богатства государства, а военные парады — рекламой его могущества. Мусульмане недаром запрещали в покоренных христианских странах колокольный звон и крестные ходы, потому что это не что иное, как своеобразная презентация веры, благозвучная и благоуханная проповедь, конкуренцию с которой ислам не выдерживал. Чтобы быть замеченным, в животном мире существуют краски и запахи. Это тоже реклама, призыв, демонстрация.

Я не согласен с тем, что реклама изначально греховна. Как и у всех явлений жизни, у нее есть возможность быть благочестивой (анонс духовных передач или реклама новой духовной книги), у нее есть паскудная крайность (то, что возмущает автора, и далее, вплоть до рекламы алкоголя, табака и ночных заведений). Но у нее есть и некая подвижная середина с трудно определяемыми гранями. Туда может поместиться реклама минеральной воды, детских подгузников, суперклея и пр. Допустим, ЧТО рекламировать, вам скажут. Но у вас остается возможность решать

вопрос «КАК рекламировать?». Не задевайте и не раздражайте господствующие в человеке страсти — похоть и тщеславие, избегайте обнаженной натуры и двусмысленных жестов. Список рекомендаций можно продолжить, но он будет невелик. При их соблюдении нравственных коллизий у рекламиста будет меньше.

* * *

Ты — молодой юрист. Поскольку молодых юристов сейчас очень много, найти хорошую работу непросто. Но тебе повезло: тебя взяли работать в городской суд. Помогать судье вести дела — отличная практика. Сначала тебе все это нравится, но в один прекрасный день судья приносит тебе решение (которое за самые обыкновенные деньги купили «клиенты»), а твоя задача — сделать так, чтобы это решение обрело законную силу. Ты же молодой специалист, неужели не справишься? Теперь представь себе, что ты «становишься в позу» и отказываешься помогать своему начальнику. Что ему сказать? «Это нечестно»? Звучит как в детском саду. И легко представить, что ответит судья и будешь ли ты и дальше работать по своей «неправильной» специальности.

— *Как, будучи христианином, ты можешь работать юристом, если любое разбирательство напоминает экономическую игру, в которой выигрывает тот, кто успевает купить все?*

— Юрист относится к узкому кругу сакральных профессий, где кроме него есть еще место врачу, учителю, военному и священнику. От деятельности этих людей зависит самое главное

в жизни человека: здоровье, знание, радость, свобода, справедливость... Давайте спросим себя: работа врача часто ли бывает стерильной в отношении морали? Нет ли и там тяжелых вопросов и нераспутанных узлов? Конечно, есть. Немало двусмысленностей может быть и в жизни учителя, и в жизни милиционера. Это совсем не означает, что православному человеку нет места в педагогике, в медицине, в армии. Сказанное относится и к юриспруденции. Может, наоборот, стоит бороться за увеличение «квоты» православных адвокатов, прокуроров, судебных приставов. Классическая юриспруденция всегда ходила бок о бок с богословием, и многие богословы древности были одновременно юристами. То, что сегодня это не так, не значит, что это в принципе не так. В любой области жизни перед нами стоит задача возвращения к норме. Так что желающему быть юристом молодому человеку нужно учить законы, воспитывать силу воли, учиться говорить и слушать. Иллюзий строить не стоит, но работы ему хватит.

* * *

Ты пытаешься открыть свое кафе. Там будет уютно, приятно, туда можно будет приходить с детьми по выходным. Ты представляешь себе, как твое кафе будет оформлено, сколько там будет цветов и картин, какая музыка...

— Что ты будешь делать, когда, чтобы открыться, тебе придется давать взятки всем подряд, а потом, чтобы не разориться, придется обманывать налоговую полицию? Может, твоя мечта — мечта собственника, а не хрис-

тианина и честного человека, и она никогда не сбудется, если ты и дальше хочешь быть честным?

— Ответом на этот, а также на два предыдущих вопроса может быть житие Серафима Вырицкого. Он долго служил приказчиком, затем открыл свое дело и за несколько десятилетий стал одним из богатейших людей России. Он торговал мехами. Замечу, что, хотя нравственность в дореволюционной России в чем-то была выше нынешней, в целом грехи и пороки были те же. На вопрос «как дела?» русские в течение многих столетий разводили руками и, виновато улыбаясь, отвечали: «воруют-с». И среди кажущихся вечными воровства, лени, зависти, шкуродерства преподобный Серафим (тогда еще Василий) сумел честно заработать большой капитал и правильно им воспользоваться.

Есть и еще примеры. Известные елисеевские магазины в Москве и Питере носят имя своего создателя Елисеева. Это был простой мужик, начавший вольные труды грузчиком в Москве. Коммерческая хватка, помноженная на трудолюбие, трезвость и бережливость, сделали из него владельца «Гастрономов №1» в Российской империи. Титул сохранился даже при Союзе.

Думаю, что современному человеку мешает многознание. Он похож на ту цыганку, которая, еще не родив ребенка, уже представила себе яркую картину — как дитя вырастет и упадет в реку; и вот сидит и горько плачет. Грязи, соблазна хватало и хватает. Но нужно закатывать рукава, заниматься делом и набивать шишки, приобретать не умозрительный, а шкуро-мозолис-

тый опыт. Делать это нужно с молитвой и по благословению, а уж там поглядим.

* * *

И наконец, профессия редактора (или журналиста, или фотографа). Красивый, сверкающий глянцевый журнал (снова полно рекламы, но ты чист, потому что этим заняты другие люди). Уже не говоря о том, что тебе приходится бывать на закрытых вечеринках, носить туфли, которые стоят целое состояние, и вообще «работать на богатых», которые покупают, читают, носят, едят и пьют то, о чем ты пишешь. Ты с удовольствием занимаешься тем, что называется суетой.

— Это, конечно, очень интересно, но как, будучи христианином, ты можешь всем этим заниматься, в то время как есть люди, которые бедствуют? Не правильнее ли будет уйти и прозябать, но быть честным и не растрачивать свои силы на моду?

— Прозябание в нищете совсем не идеал христианства. Нищета — это благословение тем, кто хочет ее и стремится к ней. Для тех, кто к ней не готов, она может быть проклятием. Но мне кажется, проблема в другом. Проблема в своеобразном понимании христианства. Может быть, у задающего вопрос человека это мнение сформировано чтением исключительно патериков. Может, кто-то из духовных авторитетов привил отвращение к повседневной деятельности и «жажду пустыни». Не знаю. Знаю одно: до Второго Пришествия Христова сеяние и жатва, весна и осень не прекратятся.

Сохранится нужда во всех профессиях и сохранится возможность для христианина заниматься любой профессией, которая не предполагает сознательного и откровенного служения греху.

Напоследок еще пример: в книге Фуделя «У стен церкви» упоминается один человек. Он служил швейцаром на Ярославском вокзале, стоял в ливрее, открывал и закрывал двери. И он втайне от окружающих нес многолетний подвиг умной Иисусовой молитвы. Это в той толкучке и многолюдстве, которые всегда царят на площади Трех вокзалов. В противоположность ему вспоминается другой «молитвенник». Отец Серафим (Роуз) писал про мужчину, который любил стучать по батареям или по стене и потолку, если соседи своим шумом или музыкой мешали ему читать Иисусову молитву.

Не кажется ли, что нарочитое чистоплюйство некоторых христиан напоминает такого «молитвенника»? Тот кричал: «тихо будьте, я молюсь», а мы как бы требуем от мира: «создайте мне условия, чтоб я был белым и пушистым». Вся история мира говорит нам, что таких условий не было и не будет никогда.

«НЕ РОДИСЬ КРАСИВОЙ...»

— *Почему Господь создал одних людей некрасивыми, а других наделил привлекательной внешностью?*

— Красота может быть лестницей к Небу, так как райская жизнь — это неописуемая красота. Но поскольку мы не умеем правильно пользо-

ваться Божьими подарками, Господь дозированно и премудро распределяет их среди человеческого рода. Богу угодно, чтобы мир был пестрым и разнообразным, как большой букет, состоящий из разных цветов, полевых и оранжерейных. У каждого человека есть свой талант, свои особенности. Красоту можно рассматривать как один из них. Один писатель так и говорит: красота — это талант. Человек, не отличающийся модельной внешностью, наверняка в виде «компенсации» получил от Бога неизмеримо более ценные качества, поэтому не надо ни унывать, ни завидовать. Стоит поискать в себе то, чем Господь одарил нас с избытком. Вне сомнения, что *это* более важно для жизни, нежели смазливая мордашка.

Для православного христианина проблема внешней привлекательности не столь болезненна, как для человека нецерковного. Но вряд ли найдется мужчина, а тем более женщина, совершенно равнодушные к своей — да и к чужой — внешности. Или именно безразличие к внешней красоте является нормой для верующего человека?

Поскольку встречают по одежке, то и православный человек не исключен из числа людей, для которых проблема внешности болезненна. Поэтому не нужно думать, что вера бетонной стеной отгораживает человека от всей мирской проблематики. Верующий человек может, как и любой другой, стыдиться торчащих ушей или веснушек, непослушной челки или картавости... Людей, безразличных к своей и чужой внешности, нет или почти нет. Человеку свойственно

стремиться к красоте. Красота входит в вечную тройку вместе с добром и истиной. Поэтому люди реагируют на красоту как на влекущую к себе тайну и мимо красоты безразлично пройти не могут.

Так как же нужно христианину относиться к собственной внешности? Как вести себя красивому человеку, чтобы не быть людям в соблазн и правильно пользоваться Божьим даром? И второе — как не унывать и не отчаиваться человеку, не получившему от Бога в подарок красивой внешности?

Красавцам и красавицам хочется сказать: вы вблизи огня. Степень вашего воздействия на мир может быть почти колдовской. Самым главным противовесом вашей внешности должен быть страх Божий. «Соблазнившему одного из малых сих» Господь угрожает таким наказанием, по сравнению с которым потопление в море с камнем на шее является милостью (см.: Мф. 18, 6). И внутренний ресурс для правильного распоряжения своей внешностью у красивых людей есть, иначе Господь не дал бы им привлекательную внешность. Счастье женщины — не много мужчин, а один. То же касается и мужчины.

К вам, красавцам и красавицам, в свой черед придут болезни, ваше чело избороздят морщины, ослабеют руки и поблекнет сияние глаз. Не забудет о вас костлявая жница с косой в руках. Так что гордиться вам особо нечем. Даже более того — приход старости или просто увядание красоты вами будет переживаться особо болезненно, даже панически. По сути, придется отстрадать за все годы бездумного порхания по

жизни в лучах чужих восторгов вами. Закончим об этом, сославшись на Соломона: *Миловидность обманчива и красота суетна, но жена, боящаяся Бога, достойна похвалы* (Притч. 31, 30).

Вы же, милые и добрые, несомненно по-своему красивые — пусть не сногсшибательно, — вытрите слезки и улыбнитесь. Только в том случае, если вы не мыслите своей жизни вне экрана и подиума, можно расстраиваться из-за отсутствия таких ресниц, как у Греты Гарбо. Если же вы хотите прожить жизнь тихо и счастливо, то у вас это получится лучше, чем у тех, на кого оборачиваются на улице. Это тривиально, но факт: человек с глубокой душой и добрым сердцем, человек, в котором есть тайна, не нуждается в пропорциях 90—60—90. Стоит только выйти из тинейджерского возраста, поскольку проблема внешности особенно остра в отрочестве и юности. Потом Премудрый Господь через обстоятельства жизни все расставит на свои места, и свою роль начнут играть гораздо более важные и нужные качества, нежели пышность волос и гладкость кожи. Я даже боюсь, что красивый человек может всю жизнь не выйти из положения арабского скакуна или античной вазы. То есть вокруг него всю жизнь могут ходить, цокая языком, прицениваясь и облизываясь, так ни разу и не отнесясь к нему как к живой душе, а не просто красивому телу. Так что при всей глубокой ненависти к попсе соглашусь с прожужжавшим уши слоганом: «Не смотри ты по сторонам, оставайся такой как есть, оставайся сама собой».

— Красота — категория объективная или субъективная?

— Субъективная. Вернее, каждая эпоха имеет свои представления о красоте. Во времена Марлен Дитрих и Любови Орловой ценились женщины статные, сбитые, пышущие здоровьем. Тогда трудно было поверить, что лет через пятьдесят в моду войдет образ «глисты в обмороке» — эдакой костлявой соплячки с бесцветными глазами, широко шагающей от бедра, смотрящей вперед немигающими глазами.

Мы бы не поняли красоты египтянки Нефертити с ее бритой наголо головой. До сегодняшнего дня многие народы, к примеру, Африки имеют свои критерии красоты, выпадающие из наших понятий об эстетике. Так что здесь есть поле для маневра и нет однажды навсегда данных критериев.

— *Но ведь существует просто самодостаточная, всем очевидная природная красота, вне конкретной культуры.*

— Можно смело сказать, что как совершенное творение Бога человек даже после грехопадения почти божественно красив. Это прозрели греки, и потому их искусство сохранило актуальность до сегодняшнего дня. На красоту человека мы смотрим не так, как смотрим на красоту природы, ибо **кроме природы человек всегда еще и носитель конкретной культуры.** Его одежда, украшения, орудия труда, даже выражение лица всегда говорят о климате, в котором он живет, о народе, в котором он родился, и еще о бесконечной массе вещей. То есть человек всегда «задрапирован». Греки же раздели его, лишили всех наслоений и оберток и попытались дать его в идеальном виде, то есть не эллина, не иудея, не перса,

не раба, не свободного, а просто человека. Таковы Дискобол и Копьеносец. Эти люди пропорциональны, ладны, красивы. Такое изображение человека есть неосознанное и косвенное прославление Творца как Великого Художника. *Вспомни, что Ты как глину обделывал меня... Не Ты ли вылил меня, как молоко, и как творог, сгустил меня, кожею и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой?* (Иов. 10, 10 — 12).

Красота в таком понимании предстает перед нашим взором как подарок Божий, как отображение Божественной красоты. И нужно всю жизнь учиться смотреть на красивого человека как на искусное изделие Великого Бога.

Рассказывают об одном епископе. Его звали Нонн Илиопольский. Увидев ослепительно красивую блудницу, идущую в сопровождении толпы нарядных юношей, Нонн умилился и заплакал. Он подумал: «Эта женщина так наряжает и умащает себя ради смертных любовников. Я же не стремлюсь украсить свою душу для Бессмертного Жениха». Там, где другие распалялись и уязвлялись похотью, святой человек думал о совершенно других предметах. Он спасался, глядя на то, что для других было поводом к погибели.

— *Есть качество, называемое обаянием. Каждый из нас встречал людей, которые обладают какой-то «изюминкой», привлекают окружающих, в том числе и лиц противоположного пола.*

— Смысл слова *обаяние* близок к слову волшебство или даже колдовство. То есть обаяние — это совершенно иррациональное, не поддающееся логическому разбору влияние одного человека

на другого. Хотя оно действует через взгляд, голос, прикосновения, т.е. посредством тела, все же похоже на то, что обаяние — это действие души на душу, явление таинственное. Все мы встречали таких людей, некоторые, может быть, в таких людей даже влюблялись помимо доводов логики, эстетики и здравого смысла. То есть это еще одно утешение для тех, кто, глядя в зеркало, чаще скорбит, чем радуется.

— *Допустимы ли пластические операции?*

— Если человек уродлив от рождения или изуродован в результате несчастного случая, то облегчить ему жизнь в обществе при помощи современной медицины, иными словами, исправить и улучшить его внешность — дело благое и похвальное.

Пластическая хирургия становится мерзостью, когда обслуживает интересы богатых и самовлюбленных сластолюбцев, не желающих стареть. Эти люди, желая вечно жить и вечно наслаждаться, не имея при этом веры в будущую жизнь, стремятся создать для себя на земле рукотворный рай. Это, на мой взгляд, достойно порицания.

— *Мы говорили в основном о красоте в ее внешних, даже житейских проявлениях. И почти не коснулись красоты как философской категории, как отдельной темы в литературных произведениях.*

— Классики нашей литературы, Гоголь и Достоевский, много размышляли над феноменом красоты и многие мысли оставили нам в наследие. Так, для Гоголя красота была двусмысленна и пугающа. Он как бы боялся, что за маской ос-

лепительной красоты прячется другое лицо, может быть, даже лицо хохочущего демона. В «Невском проспекте» Николай Васильевич описывает жуткий контраст между божественной красотой незнакомки и глубиной ее падения. Герой не может понять, как такой бриллиант может жить в вертепе разврата и при этом даже не мучиться совестью (героиня пуста и беззаботна). Много на эту тему писал и Достоевский. Для него красивое лицо было знаком тайны или даже призвания человека к чему-то высшему. В общем, тема эта не раз поднималась на страницах великих произведений, что еще раз подтверждает: тема красоты — тема животрепещущая.

ХЛЕБ И ВИНО

Стены столовой в школе, где я учился, были украшены разными плакатами. Один из текстов надолго остался в моей памяти: «Хлеба к обеду в меру бери. Хлеб — драгоценность. Им не сори».

Подобные агитки, в стихах и в прозе, встречались тогда часто. Их можно было увидеть в основном в заведениях общепита и в хлебных магазинах.

Спустя многие годы я часто думаю об этом. Что это? Рецидив крестьянского сознания в стране победившего социализма? Память о голодных годах и пережитых бедах? Тревога о национальном богатстве? А может — связь с Евхаристией?

Отношение к хлебу насквозь мистично. Оно никак не вмещается в рамки отношения к продукту питания. Ведь, по правде говоря, молоко, яйца, овощи тоже питают, спасают от голода, они тоже — драгоценность, но любовью пользуются меньшей. Если хлеб падал, его поднимали с поспешностью и целовали. Так не поступали ни с картофелем, ни с репой.

В крестьянской (читай, христианской) стране хлеб прочно ассоциировался с Евхаристией, то есть был такой пищей, таким даром земли, который при известных условиях становился Пищей бессмертия и Манной Небесной.

Вот одна из пословиц, говорящая об этом: «Коли хлеб на стол, так и стол — престол. Коли хлеба ни куска, так и стол — доска». Кстати, и стол, за которым ели, был свят, он осмысливался как раскрытая ладонь Божия. Положить на него по-ковбойски ноги или сесть было поруганием святыни.

* * *

Будучи сыном невинодельческого народа, я подозреваю, что в любви грузин, армян, молдаван к виноградной лозе скрыта все та же любовь к Евхаристии. И нельзя смотреть без дрожи на черно-белые кадры старого фильма «Отец солдата». Старик-грузин отвешивает оплеуху молодому танкисту, поведшему танк на виноградник. «Ты его садил? — кричит старик. — Ты знаешь, как он растет? Ты — фашист». Оба — советские воины. Оба наступают на Берлин. Парень в танке — не фашист. Он — русский, но он не окапывал лозу, не ждал от нее плодов. Он не знает песен, которые

нужно петь при сборе урожая. Он не топтал ягоды в точиле. Он вряд ли знает красивые тосты и до сих пор пил только самогон...

* * *

Если крестьянин бережет плод своего труда — это естественно. Мозоли на руках, натруженная спина, пропотевшая рубаха не дадут ему забыть, что привычное (мы так привыкли к хлебу) дается дорого. А вот как приучить любить хлеб, ценить чужой труд тех, для кого хлеб «растет» не на полях, а на полках магазинов?

Горожанин, бросающий корку на пол, — это паразит, не только пользующийся чужим трудом, но еще и презирающий чужой труд. Если он не исправится, то непременно будет наказан, может быть, даже голодом.

А вот горожанин, поднимающий с асфальта кем-то брошенную корку, — это чудо. Если он сам родом не из села, то кто-то научил его этому. Может, священник, может, родители. Как верный в малом, он может быть достоин многого.

Городской житель может быть как-то по-особенному жесток и по-особенному глуп одновременно,

С рекой, деревьями, животными он не общается (вода — из крана, тепло — из батареи, суп — из полуфабрикатов). Он и с людьми почти не общается. Все больше с бумагами (справки, бланки, документы) да с механизмами. Новости — по телевизору. Путь к деградации открыт, протоптан. Многие маршируют по нему. К такому человеку нужен особый подход. Ему нужны особые заповеди.

Епископ Каллист (Уэр) говорит о том, что слова «люби природу», «не ломай деревья» могут сегодня восприниматься как заповедь. Можно добавить сюда еще: «читай книги», «учись думать», «радуйся привычным вещам»...

Кто-то из святых сказал о бесах, что они ничего не творят и поэтому им ничего не жалко. Боюсь, что нынешняя нетворческая эпоха угрожает человеку тем, что сделает его подобным демонам.

О таком человеке будет поздно молиться. Ведь Христос пришел в мир спасти человека. Если человечество, развращаясь, изменится до неузнаваемости — мир утратит смысл существования и вновь будет достоин уничтожения, как это уже было однажды.

* * *

Вернемся к хлебу. Преподобный Серафим Саровский советовал унывающим монахиням пожевать хлебушка. Хлебушек, мол, тоску и прогонит. Есть у хлеба такая сила, но на пресытившегося человека она не действует. Нужно уметь поститься и воздерживаться, чтобы понять ржаную горбушку как милость Божию — и утешиться.

Между тем современная культура презирает воздержание, а вот тоскует человек не меньше.

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...

Сказано в XIX веке. С тех пор тоска умножилась. Она толкнула миллионы людей или в пет-

лю, или с крыши дома, или в разврат, или на иглу. Индустрия развлечений тоску не лечит, а делает ее еще острее, отяжеляет похмелье.

Нужно попробовать старый способ. Затеплить лампаду, положить поклон. Не поесть до вечера. Почитать Евангелие. Такого человека утешит хлебушек. И тоску прогонит.

Да что тоску... Он и детей воспитывать умеет. Дети обязаны испытывать чувство голода. Не потому что они брошены и бездомны, а потому, что иначе они не поймут жизни, не сумеют сострадать бедняку, не захотят трудиться.

Мы сами испортили наших детей обжорством, переборчивостью в пище. Мы испортили их вкус сладостями. Научили воротить нос от тарелки обычного супа, говорить «не люблю», «не хочу».

Есть хорошее старое правило: если ребенок хочет есть, но отказывается от хлеба — значит, он не хочет есть. Нужно дать его аппетиту разыграться. Ведь, как известно, голод — лучшая приправа.

Если мы не хотим испытать настоящий, карающий голод, если стремимся достичь спасительной простоты, хотим чувствовать себя детьми Отца Небесного — нам нужно обратить внимание на то, что мы не привыкли замечать, на то, о чем мы часто думаем как о всегдашнем и непременном.

Ну а коль скоро вы со мною не согласны, ума не приложу, какими глазами вы смотрите на небо и говорите: «...хлеб наш насущный даждь нам днесь...».

БЫСТРЕЕ, ВЫШЕ, СИЛЬНЕЕ!

То, что мы сегодня называем спортом, вчера было обычной жизнью человека. Человек бежал, стрелял из лука, плыл, переносил тяжести, боролся, управлял лодкой и делал еще многое такое, за что сегодня ему платили бы деньги и показывали по телевизору.

Спорт вырос из жизни и ее потребностей. Потом превратился в предмет амбиций и больших денег. Но тем не менее спорт нужен человеку, в том числе верующему. Если говорить о субкультуре города, то человек городской постепенно деградирует не только нравственно, но и физически. Он не рубит дрова, не носит воду из колодца, не копает землю, не идет за плугом, то есть не делает того, что делали перед ним сотни и сотни поколений. Гротескные футуристические прогнозы представляют человека будущего нуждающимся только в пальцах для клавиатуры, глазах и ушах, усиленных линзами и аппаратами. Таким и будет будущее человека городского, если он не будет заниматься собой, не впадая при этом в крайности. Я имею в виду, что человеку не нужно будить в себе «скрытые силы организма», паранормальные способности, не нужно изнурять себя диетами, йогой и чем-нибудь еще. Нужно просто поддерживать себя в норме, не превращаться в кисель, в человека, боящегося любой физической нагрузки. Поэтому весьма полезно, и христианину тоже, выбегать на стадион, ходить в бассейн, брать в руки гантели и пр.

Занятие спортом тем полезно еще, что косвенно решает проблемы свободного времени. Есть люди, у которых этого времени нет. А есть, напротив, те, которые погибают от избытка свободного времени. На них исполняется слово премудрого Сираха: «Всякой злобе научает праздность». Если спросить, что лучше: прожигать время в бестолковой компании, за картами или за компьютерными играми — или пойти в зал или бассейн, то вывод напрашивается очевидный: в данном случае спорт может спасти человека от многих глупостей.

Спорт нужен юным. Они должны преодолевать себя, ставить перед собой задачи и решать их, превозмогать усталость, то есть делать все то, что закаляет волю человека, формирует его. Спорт здесь — незаменимый помощник. Есть много тренеров, которые благодаря своей отеческой мудрости повытаскивали из подворотен прекрасных ребят, привели их в зал. Дело не в том, что не все потом станут чемпионами. Дело в том, что многие не скатятся до наркомании и пьянства, нравственной деградации. Многие счастливо избежавшие жизненного дна благодарны за это спорту и хорошим спортивным педагогам.

Спорт имеет хорошее профилактическое действие. Он ставит барьер на пути все к той же наркомании и прочим молодежным порокам. Известно, что наркоман не сразу берет в руки шприц. Есть некая динамика в его падении. Начинается все с курения. Не анаши, нет — простого табака. Человеку, курящему табак, на каком-то этапе легко закурить и «травку». Это до-

казано современными исследованиями. Процент наркоманов среди курящих в десятки и сотни раз превышает такой же процент среди некурящих. Так вот, когда человек занимается спортом, ставит перед собой цель физического совершенствования, радуется, ощущая себя здоровым и крепким, то ему не нужен ни табак, ни водка, а соответственно, не нужны и более опасные и разрушительные вещи.

Все сказанное относится к спорту как к некоему *минимальному добру*. Причем касается это в основном, как мне кажется, жителей города.

Человек, погруженный в крестьянский труд, и так несет достаточную физическую нагрузку. Ему бы научиться не искать отдыха в пьянстве — и хватит с него. Православный же человек, которого не нужно оберегать от деградации специально, который сам бережется этого, вовсе не обязан заниматься спортом регулярно, систематически, но и ему, наверное, нужно поддерживать себя в форме. Нужно беречь здоровье, которое пригодится нам для покаяния. Умерщвлять свою плоть по образу древних подвижников способен далеко не каждый. Большинство, наоборот, нуждается не в том, чтобы не мыться никогда, а чтобы обливаться холодной водой и закаляться; не в том, чтобы сидеть на одном месте безвылазно, а чтобы делать пешие прогулки вплоть до физической усталости, что полезно и для здоровья, и для ума. То есть нужно вести активный и здоровый образ жизни. Вот это, я думаю, и нужно православному человеку.

О ЛИТЕРАТУРЕ И НЕ ТОЛЬКО

МОДА НА ЧТИВО

Есть множество вещей, разрушающих человека. Среди них есть место для моды. Она — не вирус и не ядерный взрыв, но она навязывает человеку представление о самом себе. То есть ты, например, имеешь представление, что тебе к лицу, а что нет, как нужно выглядеть в той или иной ситуации. А мода насильно требует зауживать брюки или делать их клешем, бриться наголо или заплетать сотни косичек и т.д. И вот ты уже стыдишься своего естественного вида, чувствуешь себя белой вороной и худо-бедно пытаешься пристроиться к восторжествовавшему вкусу. Но вкус недолговечен. Как ураганный ветер, несколько раз в год новые модные течения сметают прежние и заставляют людей то рыться в бабушкиных сундуках, то напяливать на себя что-то «ультра». Дело вовсе не в одежде, а в том, что человеку прививают понятия о красоте по три раза в год, и в конце концов может оказаться, что само слово «красота» потеряет смысл для человека.

Подобные эксперименты раньше делали революционные правительства. Они меняли названия дней недели и месяцев, передвигали календарные даты, выдумывали новые праздники. Отсюда все эти брюмеры и термидоры у французов, новые имена, рожденные советской властью,

вплоть до абсурдных — Даздраперма (да здравствует Первое мая) или Оюшмильд (Отто Юльевич Шмидт на льдине). Вы улыбнулись? Но этот смех стоил крови и слез тем, кто жил в сумасшедших 1917—1918 гг. А все эти новшества — с целью раскачать устоявшийся внутренний мир человека. Сегодня же этим занимаются совершенно другие люди, навязывая обществу новые непривычные идеи, вкусы. Бредовый коммунизм вернулся в виде современного либерализма. Человек становится вменяем для кукловодов. Он быстро соглашается, что вчерашнее гадкое сегодня красиво, вчерашнее глупое сегодня не лишено смысла. Из таких людей — лепи, что хочешь.

А моды бывают разные. Есть, например, мода на чтиво. Стоит появиться какой-нибудь раскрученной книжонке, как ее до дыр зачитывают даже те, которые, кроме газет, ничего не читали со времен окончания школы. Кто сегодня не слышал про «великого писателя современности» Паоло Коэльо? Спросим себя, откуда выросла известность этого человека? Неужто все его читатели искушены в области латиноамериканской литературы? Если бы они читали Маркеса или Кортасара, то вряд ли бы после первой книги Коэльо прочли бы вторую. А если они не читали ни Маркеса, ни Кортасара, то чем так велик Коэльо, обскакавший всех латиноамериканских грандов?! Мода, господа.

Литература, написанная о Гарри Поттере, превосходит, наверное, тиражи «Гарри Поттера». И что мы видим? Неужели действительно гениально? Я думаю, та же мода. Коммерческий проект. Раскрутка. Человеку может быть стыдно в ответ на вопрос «а вы читали?» выпасть из социально-

го контекста, пожать плечами, промямлить «нет». И это не что иное, как тяжелейшее рабство и гнуснейшая зависимость миллионов людей от кем-то сформированного общественного мнения. В XIX веке Россия зачитывалась французскими романами. В. В. Розанов, отвечая на вопрос, каково его отношение к Золя, говорил: «Я не читал, но мне не нравится». Позиция несколько дерзкая, ерническая, как все у Розанова, но внутренне очень свободная.

Или, к примеру, нашумевшая книга «Код да Винчи». Вначале она захватывает, на первой трети понимаешь, что байка, а в последней трети добираешься до самого главного. Вся книга — лишь обрамление одной ключевой главы, в которой устами некоего профессора озвучивается антихристианский и антицерковный пасквиль и формулируются основы «религии будущего». Христос якобы имел жену и детей, вера в Его Божество якобы было авторитарно утвержденной идеей, Церковь якобы веками лжет, хотя втайне знает некую правду. И ладно бы возникло это впервые. Так нет же, идеи стары, как мир. В каждую эпоху были их адепты и проповедники. И клюют на них люди неглубокого ума, пусть даже обширных знаний. Это как бы формирование широких слоев «сочувствующих» будущему мировому порядку, создать который нужно на развалинах христианства. Издание таких книг большими тиражами — вещь совсем не безобидная. Это — зондирование почвы, индикатор массовой безблагодатности. А вы, небось, думали, что, проглотив бестселлер, оказались на гребне мировой цивилизации? Поверьте, первыми над вами посмеются те, кто написал бестселлер.

Тебя почти за шиворот подтаскивают к помойному корыту, заставляют из него хлебать, ты хлебаешь, превозмогая позывы рвоты, смотришь направо и налево на длинные шеренги подобных тебе, и вы друг другу улыбаетесь. Подмигиваете: дескать, вкусно, да? Мы на вершине. Мы приобщились к культуре. Это, по-моему, фотопортрет потребления современных «гениальных» опусов в мире литературы и искусства.

Становится понятной гениальная прозорливость Оптинских старцев. Они до революции предсказывали время крайнего смешения понятий и советовали привить молодым людям вкус к хорошей музыке, живописи, литературе для того, чтобы хороший вкус стал противоядием против грядущей пошлости.

Пошлость пришла, нагрянула. А с противоядием — проблемы. Миллионы людей научили читать, но не научили выбирать чтиво, для миллионов людей видеокассеты доступны, но умение выбирать из навоза жемчужину — нет. Как ни была страшна безграмотность, нынешняя грамотность при отсутствии веры и вкуса — еще страшней.

Это, может быть, для XIX века чтение Тургенева или Вальтера Скотта могло не поощряться духовниками и быть признаком духовного упадка человека. Сегодня это признак подъема и знак того, что внутренний мир человека обогащается и шлифуется. Думающим трудней манипулировать, знающего труднее обмануть.

Люди и так будут читать книги в печатном и в электронном виде, будут поглощать музыкальную и видеопродукцию в таких объемах, в каких завтракает Гаргантюа. А значит, надо воспитывать читательский и зрительский вкус,

надо делать людям прививку от пошлости так же регулярно и настойчиво, как делают прививки от скарлатины детские поликлиники.

Кроме вновь издаваемых книг и выходящих на экраны фильмов в мире есть множество «новых» вещей, неизвестных потребителю. Всякая книга, которую вы не читали, для вас — новая. Всякий фильм, который вы не смотрели, — тоже, как ни странно, новый. Поэтому как было бы приятно подслушать в метро или кафе следующий диалог:

— Глянь, какую я новую книгу купил — Данте, «Божественная комедия». Читал?

— Нет. Я еще свою новую «Илиаду» дочитываю.

Важно понять, что у Бога нет мертвых. Книги, оставшиеся нам в наследие, — это как бы телеграфный провод, способ общения с теми, кто их написал. Человек — это современник всех людей, которые когда-либо жили и будут жить на земле. Вспомните, если вы видели фильм «Тот самый Мюнхгаузен», следующую сцену: Мюнхгаузен хочет развестись и жениться на Марте. По этому поводу он спорит со священником и говорит: «Сократ сказал мне однажды: "Женись. Попадется хорошая — будешь счастлив, попадется плохая — будешь философом"». Всех, конечно, шокирует это заявление барона о дружбе с великими людьми древности. Но Мюнхгаузен абсолютно прав. Сократ, Шекспир, Джордано Бруно — те, с кем дружил барон, могут дружить и с нами, они наши современники. От нас зависит, кого и из какой эпохи избрать себе в собеседники. Зауживать свои безбрежные

возможности до краткого мига современной жизни, и даже не жизни, а мышиной возни, — это предательство по отношению к своему призванию и грех перед лицом вечности.

Дружбе с Гоголем можно пожертвовать массой суетных и мелких увлечений. Точно так же дружбе с любым другим великим человеком. Проветривать мозги воздухом иных эпох полезно еще и потому, что это именно человеческое общение с людьми прежде жившими. Мы понимаем их не потому, что носим одну одежду и слушаем одни и те же новости. Как раз нет — нас по-разному учили, мы очень многим отличаемся, а если понимаем друг друга, то, значит, понимаем на глубоком сердечном уровне.

Нельзя искать друзей среди тех, кто будет слушать тебя с открытым ртом. Нужно искать людей, которые мудрее тебя, нужно иметь желание сидеть молча у их ног или обивать их пороги. Желание и умение учиться есть признак мудрости. Вот почему опять-таки нужно спрашивать у тех, кто был прежде нас.

Из всего того, что нужно человеку, главное то, что человеку нужен человек. Не безликое «мы» и не диктатура большинства над меньшинством должны руководить нами, а во всем и везде нужно устремляться за благоуханием личности. Не читайте в пресс-релизах или рекламных анонсах о том, что стоит почитать и посмотреть. У человека, который в ваших глазах умен, глубок, правилен, спросите, какую последнюю книгу он читал. Если уж кому-то следовать и к чему-то прислушиваться, лучше прислушиваться не к безликому шуму, а к внятной речи того, кто лучше нас.

ПОМАЗАННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Английский писатель Уильям Джеральд Голдинг еще при жизни стал классиком. Его роман «Повелитель мух» в 1983 году был удостоен Нобелевской премии.

Книга — подлинный шедевр мировой литературы. Странная, страшная и бесконечно притягательная книга. Книга, которую трудно читать — и от которой невозможно оторваться.

Вам знакомы имена этих «богов»: цивилизация, культура, прогресс? «Богов», которым редко кто не кланялся и не кадил в наше идолослужительное время? «Богов», которым приписали всемогущество? Еще бы! Они до неузнаваемости изменили и продолжают менять лик нашей планеты.

Во имя этих «богов» человек опустился в глубины и забрался на высоты, натворил столько дерзких открытий (или вторжений), что перечень их занял бы целую книгу. На службе у них человек вообразил себя сверхчеловеком. Как голый король, гордо идет по жизни слабый и глупый человек, возмечтавший о себе, что он сильный и умный. И сами «боги», кажется, хохочут над ним.

Тот древний язычник, сказавший: «Познай себя самого», был мудрее нас, познающих все что угодно, лишь бы не «повернуть глаза зрачками в душу» («Гамлет»).

В 1954 году У.Голдинг хотел написать книгу о том, как весело бы резвилась группа мальчишек, попади они случайно на необитаемый остров, где нет ни учителей, ни родителей. С этой иде-

ей Голдинг сел писать, но он не развеселил читателей — он ужаснул их. Алхимики, искавшие философский камень, чтоб исцелить все болезни, изобрели порох, убивающий людей; Колумб, искавший Индию и ее золото, нашел Америку и ее дикарей. Голдинг, сам к тому не стремясь, сказал нам правду о человеке. Вот он — хваленый homo sapiens, венец творения, когда с него смывается налет цивилизации. Мы знакомимся с ним, когда открываем книгу «Повелитель мух».

Когда Дефо выбрасывал волной творческого воображения своего Робинзона на безлюдный остров, он изрядно слукавил. На разбившемся, но не утонувшем корабле он оставил для скитальца ружье, порох, гвозди, пилы... и так далее. Вплоть даже до — Библии! Ни один гордый и развратный европеец не спасся вместе с ним. Ни одну женщину не подарил целомудренный Дефо своему герою. И поэтому ни ревности, ни жажды первенства, ни похоть, ни что-нибудь еще из тех змей, что сосут непрестанно кровь из человеческого сердца, мы не увидели в фантазиях о Робинзоне Крузо. Последнему осталось лишь бороться с природой и побеждать ее при помощи европейских орудий труда, да еще (!) миссионерствовать в отношении дикого Пятницы.

Весь роман Дефо есть жуткая ложь о человеке. Всякая ложь оплачивается с процентами, ложь литературная — сторицею. Не литературные ли фантазеры восемнадцатого — девятнадцатого веков «залили кровью век двадцатый»?

Старина Голдинг куда правдивее. Он поселяет на безлюдный остров группу отроков (не младенцев уже, но еще не юношей) и разворачивает перед нашими глазами миниатюрный кошмар, точный слепок с того, что мы зовем «историей».

Вначале мальчишки опьянены свободой: ласковое море, фруктовые деревья, отсутствие взрослых... Можно плескаться, резвиться, лазить по деревьям. Никто не крикнет: «Боб, Джек, скорей домой, пора обедать!». Но очень скоро становится понятно, что если тебя долго не зовут обедать, то нет в этом ничего хорошего. На плечи мальчишек ложится тяжесть заботы о том, как выжить. Нужно строить примитивное жилье, обследовать остров, найти пресную воду, нужно отвести место для справления нужды (ведь пища — одни плоды)... Одним словом, нужны законы. И нужен старший, и нужно слушаться его. То есть нужно все то, что так обременительно в жизни взрослых. А еще нужно, чтобы их спасли. Ведь не век же вековать на острове. Нужно жечь большой костер и поддерживать в нем постоянно огонь, чтобы было видно издалека, — тогда взрослые увидят и спасут их. Все сделано так, как сказано. Но вскоре происходит нечто страшное и неожиданное: оказывается, не все хотят спастись. Для некоторых жизнь с родителями — прошлое, не подлежащее возврату. И значит, незачем жечь костер, дежурить, ждать, а надо обустроиться здесь, на острове. Надо научиться охотиться и добывать мясо. Надо быть смелыми воинами. У тех мальчишек, кто был с этим согласен, появляется свой

вождь. Два вождя на клочке земли у горстки детей. «Мы вернемся», — говорит первый, законно выбранный всеми. Ральф — имя его. «Мы будем жить здесь. Нам нужно мясо», — говорит второй, Джек, и его голос превозмогает.

Творческая интуиция Голдинга идет рука об руку с библейским откровением. После грехопадения люди вскоре разделились на сынов Божиих и сынов человеческих. Первые помнили и о Боге, и о потерянном рае. Они стали призывать имя Господне, то есть молиться. Они хотели вернуться, что соответствует поддержанию огня в костре и надежде на появление взрослых у Голдинга. А вторые, сыны человеческие, стали осваиваться на месте изгнания. От них пошли ковачи медных и железных орудий, строители городов, игроки на музыкальных инструментах... Это были потомки Каина, носившего печать братоубийства и пошедшего прочь от лица Господня. У Голдинга вождем охотников становится Джек, бывший староста церковного хора (вряд ли эта деталь выдумана намеренно, но она многозначна). Те, кто недавно были похожими на ангелов, воспевая Бога, на острове стали заострять шесты и плясать с ними, выкрикивая: «Свинью бей! Глотку режь!». Так мальчики подбадривали себя и готовились к охоте. После первой удачи на охоте запах крови, вкус печеного свиного мяса, опьянение победой над животным делают свое дело: мальчики становятся совсем дикарями. Нет школы, в которой они учились, нет ни хора, ни церкви, где они пели, нет мира, в котором моют руки, говорят «здравствуйте» и соблюдают массу прочих приличий. А есть пляска

ночью у костра, крики «режь!», «коли!», «бей!», есть деревянное копье в мальчишеской руке, копье, уже вонзавшееся в визжащую и беззащитную плоть. Как машина времени, остров перенес детей в доисторическое прошлое. В этом прошлом дети освоились и очень быстро почувствовали себя своими.

Законный вождь — Ральф — не мазался глиной, не ходил на охоту. Он продолжал жечь костер и верить в спасение. Но все меньше и меньше мальчиков остается с ним. Они убегают к Джеку и становятся его воинами.

На острове, благодарение Богу, нет девочек, да и сами дикари не в том возрасте, когда можно обзавестись семьей. Будь это, мы увидели бы превращение женщины в самку, схватки самцов за право обладания, первые роды, семью и зарождение древней цивилизации. Но без конфликта тем не менее не обойтись: Джеку мешает Ральф и те, кто с ним остался. Копье, вонзившееся в свиную плоть, может так же вонзиться в плоть человечью. Бывший староста церковного хора решается на убийство несогласных.

Но почему «Повелитель мух»? Потому что мы — культурны и цивилизованны лишь днем и на улице европейского города. А ночью, в темноте и одиночестве, мир снова кишит «богами», а мы становимся пугливыми и суеверными, А если мы — дети на безлюдном острове, то и подавно. Детей тревожат страхи: им кажется, что кто-то, кроме них, живет рядом, и он, кажется, следит за ними. Некоторые даже видели его ночью. Это, конечно же, чудовище, демон, хозяин острова. Его надо умилостивить, чтобы он не гневался и не трогал новых жильцов. У

свежезаколотой свиньи Джек отрезает голову и водружает ее на копье. А копье вонзается в землю посреди джунглей, где, как кажется, обитает чудовище. Это первая жертва духу острова.

Первой человеческой жертвой становится Саймон. Он понял, что чудовища нет на острове. Вернее, есть, но не то, которого боятся мальчики. «В каждом из нас и есть чудовище», — бежит сказать мальчикам Саймон. Он только что был у полусгнившей свиной головы, облепленной мухами (это и есть «Повелитель мух»), и там многое понял.

Эти страницы романа читаются с наибольшим волнением. Нет смысла их пересказывать — их нужно прочесть. Но важно отметить то, что из-под пера Голдинга в этом месте появляется гордый и хитрый дух — истинный виновник всех бед человеческих. Он появляется в полном противоречии с первоначальным замыслом книги. Он беседует с Саймоном...

Когда Саймон бежал к друзьям поделиться своим открытием, те плясали у костра ритуальный танец. Через несколько минут истыканное копьями мальчишеское тело унесли океанские волны. После этой смерти была еще одна, более циничная и бессмысленная. А затем жажда убивать и получать от этого удовольствие разгорается в некоторых юных душах. И Джек уже не совсем вождь, поскольку появляются более жестокие и решительные, чем он. Оставшегося в одиночестве Ральфа ждет неминуемая смерть от вчерашних друзей.

Ради тех, кто прочтет эту книгу, умолчим о ее финале. Скажем о другом, важном для всех чи-

тавших и не читавших Голдинга. Не так ли и мы надеялись прожить жизнь, как автор собирался писать книгу? Не представлялась ли всем нам жизнь легкой и приятной прогулкой? И не была ли правда жизни для нас такой же ошеломляющей и страшной, как этот роман?

Спасибо Голдингу: он наотмашь хлещет лгуна Руссо и не оставляет от него (а значит, от Толстого и многих других) камня на камне. Человек, говорите вы, по природе очень хорош, нужно лишь избавить его от лжи культуры, города и цивилизации? Вот вам ваш «хороший» человек на лоне природы — прочитайте «Повелителя мух».

Другие говорят: «Человек нейтрален — tabula rasa. Пиши, что хочешь, все дело — в воспитании». Вот вам воспитанные в строгих семьях, крещеные и ученые английские дети, англичанином же описанные. Иные из нас, азиатов, и до старости столько воспитания не получают, сколько те за пару лет. И все это, как оказалось, лишь макияж, грим, который легче легкого меняется на боевую дикарскую раскраску. Не верите? Прочтите «Повелителя мух».

Мы остаемся при том учении, что мы слышали от начала. Человек болен, испорчен, поломан, запачкан. Грех обезобразил всех и каждого. Это то чудовище, которое живет в каждом. Голдинг подвел нас к той мысли, которую понял Саймон. Ну, а дальше уже нужно читать Священное Писание и Святых отцов.

Ральф жег костер и надеялся. Люди Божии, начиная с Еноса, призывали имя Господне.

Призовем и мы. И будем надеяться.

Господи, помилуй!

«И ЖАЖДЕТ ВЕРЫ — НО О НЕЙ НЕ ПРОСИТ...»

Размышления об Иосифе Бродском

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...

Ф. Тютчев

Плохо, ежели мир вовне изучен
тем, кто внутри измучен.

И. Бродский

Мир искусства похож на группу островов, населенных сиренами, мимо которых обязан проплыть каждый Одиссей, возвращающийся на родину. Проплыть мимо этих сладкозвучных убийц невредимо можно лишь залепив уши или привязавшись к мачте. Первое случается чаще. Миллионы людей в мире отличаются глухотой к особого рода звукам: поэзии, философии и тому подобному. Если при этом они не глухи к голосу совести и Евангелия, то сия особая глухота не обделенность, а Божий дар. Господь Бог дал им уши, которые не слышат, потому что сердца «малых сих» не выдержали бы той тоски, которую поют обитательницы острова. А вот имеющий уши слышать эти песни обязан привязаться к мачте, чтобы не присоединиться к тем, чьи кости белеют по всему острову. Мачта есть Крест, *им же мне мир распяся и аз мирови.* Только привязавшись к этому Дереву можно (хотя и не без мук и терзаний) проплыть мимо, наслушавшись вдоволь «грустных песен земли».

Бродский — самое важное явление в русской поэзии конца двадцатого века. Среди всех тех, кто в это время «памятник себе воздвиг нерукотворный», «непокоренная глава» Бродского — самая высокая и самая одинокая. Если его хвалить за что-то, то, во-первых, за то, что он не закончил жизнь самоубийством. А если ругать, то за то, что не стал тем, кем мог, тем, кто так нужен русской словесности. Говорить о нем, покойном, ругать его, спорить с ним — нехорошо. Но если продолжать его традиции и обращаться к нему так, как он «во времена оны» обращался к Донну, Элиоту, Жукову, Бобо... — то, наверное, можно. И даже нужно, поскольку свою поэзию распада, свою, так сказать, разлагающуюся на бумаге душу он не сжег, не спрятал, а щедро разметал по всему миру. И она разлетелась, иногда как жемчуг, но чаще — как осколки того зеркала, которое уронили тролли.

* * *

Странно, но Бродского раскусила советская власть. Тупая, косная, с узким мировоззрением, неизящная советская власть устами своего обвинителя на суде по делу «тунеядца Бродского» назвала следующие мотивы творчества поэта: смерть, уныние и эротика. Может, не теми словами здесь передано сказанное тогда, но суть та же. Поэт тоскует, отчаивается, постоянно возвращается к мысли о неизбежности смерти и как-то между делом не забывает упражняться в «науке страсти нежной, которую воспел Назон». Таким был поэт в юные и зрелые годы. Кажется, таким остался до конца. Но была и существенная потеря. Тогда на суде Бродский сказал, что его поэтический дар — от Бога. А спус-

тя многие годы говорил, что не знает, «есть Бог или нет».

Ах какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь...

Так, юродствуя, говорил о своем безверии Есенин, которому было больно и стыдно от безбожия.

Бродский же, перечисляя утраты:

...потерявший подругу, конечность, душу...

или:

...так и буду здесь жить, теряя
волосы, зубы, глаголы, суффиксы... —

о вере ничего никогда не говорит. А ведь он всех обокрал. Он подошел вплотную. Еще бы шаг — и... как бы все мы были богаты! Он, наверное, пожил бы дольше, и в силу того, что «поэт в России больше, чем поэт», повел бы за собой очень многих не в темный угол, а на свет, в горняя. Но...

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней не просит...

* * *

В актив поэта однозначно отнесем то, что он был во всем самоучка. Он не получил классического образования, не ездил по миру, не вырастал, окруженный атмосферой прекрасного. То, что дру-

гим (например, Пастернаку, Ахматовой) давалось даром, Бродский не мог бы купить даже за деньги. Денег, впрочем, тоже не было. Было то, что называется тягой к мировой культуре. Как говорил поэт позже, «все началось с накопления знаний». Книги стали первой реальностью, а затем это стало смыслом жизни. Не забудем, что СССР — это страна, с точностью в те годы выполнившая то, что планировали бесы из одноименного романа и что Достоевский вложил в уста Верховенского: «Не надо высших способностей! Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. Полное послушание, полная безличность».

Сама по себе тяга к знанию — похвальна. Но не в знаниях — суть. И грусть от окружающей пошлости похвальна. Но не в грусти — суть. И тоска о неизвестном, и юные мечты о нездешнем счастье — хороши. Но не в тоске и не в мечтаньях суть. Суть в том, что сладко ноющее, ищущее сердце лишь у ног Христа успокаивается и наполняется миром.

Иосиф Александрович у ног Христа не успокоился. Он только растревожился, и так тревожно прожил всю жизнь, лишь под конец стихнув от усталости, а не от смирения.

* * *

В годы и напускного, и искреннего оптимизма Бродский грустит, и грустит изящно, на античный манер:

Классицизм был формальным. Парки, музы, Постум, Цинтия — не более чем декорации. А поистине Бродского роднит с античностью дохристианская грусть. Хронологически живя в двадцатом веке от Рождества Христова, мистически Бродский жил до Рождества, и его тоска — это тоска неискупленной человеческой природы. Неважно, где живет человек. Тоска ходит за ним, «как тень иль верная жена». Бродский грустил и отчаивался в СССР, грустил в США, морщился, путешествуя по миру, грустил бы он и ныне так, как грустит всякий нераскаянный и невоцерковленный человек. Желающие спорить скажут, что ежегодно на Рождество поэт писал стихотворение, посвященное празднику. Но стоит хотя бы раз выдержать Рождественский пост, сесть за стол в сочельник, выстоять праздничную всенощную, услышать колядку, чтобы, сравнив, понять: рождественская радость Церкви и праздничные медитации Бродского — небо и земля. Если бы поэт ощутил силу Христа пришедшего, то ощутил бы и силу Христа воскресшего, то есть в его поэзии было бы место и Воскресению. Но торжество из торжеств прошло мимо Бродского. На тему Пасхи он не «медитировал». Кажется, только лишь одно из его стихотворений (в цикле «Литовский дивертисмент») говорит просто о молитве. Поэт сворачивает с улицы,в костел и «шепчет в ушную раковину Бога» (?!): «Прости меня». Все здесь символично. Например, то, что храм — католический. По словам А. Ф. Лосева, католицизм был «всегда завлекательной

приманкой для бестолковой... воистину "беспризорной" русской интеллигенции. В те немногие минуты своего существования, когда она выдавливала из себя «религиозные чувства», она большей частью относилась к религии как к сенсации; и красивый, тонкий, "психологический", извилистый и увертливый, кроваво-воспаленный и в то же время юридически-тонкий и дисциплинарно-требовательный католицизм, прекрасный, как сам сатана, — всегда был к услугам этих несчастных, растленных душ» («Очерки»). Цитата вся в точку. И Бродский, безусловно относящийся к русской интеллигенции, единственное свое молитвенно-стихотворное обращение к Богу совершает в костеле не случайно. Причем особое панибратство по отношению к Богу и дерзость (чего стоит фраза «ушная раковина Бога») делают Бродского похожим на раннего Маяковского. Тот тоже не сомневался в юности в бытии Божием, но обращался в стихах к Господу дерзко и с вызовом.

* * *

Я не могу отделаться от мысли, что талант Бродского был предназначен для Православного ренессанса. Не для поэтической проповеди, конечно, а для воцерковления современной словесности. И по времени, и по близости к Ахматовой, и даже по еврейским корням в Бродском угадывается продолжатель стихотворного цикла романа «Доктор Живаго». В одном из стихотворений — «Рождественская звезда» — Бродский прямо становится плечом к плечу с Пастернаком. Посвященное Ахматовой «Сретенье» только подтверждает эту мысль. Мандельштам как будто о Бродском сказал:

И в наказанье за измену,
Неисправимый звуколюб,
Получишь уксусную губку
Ты для изменнических губ.

* * *

Вначале было сказано о том, что поэзия подобна сирене. Песнь же последней страшна не смыслом, а чем-то иным. Сирене не обязательно петь что-то «умное», заинтересовывающее мысль. Она вообще может петь без слов, вкладывая всю соблазнительную силу страсти в голос, его переливы и модуляции, в мелодию, во взгляды и прочее. Поэзия Бродского, при своей кажущейся интеллектуальности, есть песнь ни о чем. Кстати сказать, наша лукавая речь, «язык» дает такую возможность. Поэт может писать на тему того, что у него нет темы; может красиво говорить о том, что говорить ему не о чем; описывать в стихах сам процесс писания стихов и так далее. В этом случае язык является — по апостолу — корнем зла и прикрасой неправды.

У Иосифа Александровича за массой стихотворений обретается какое-то буддийское ничто. То есть стихи есть, текут красиво, и струны души затронуты; но присмотрись — там пусто. Обман, наваждение, марево.

Но не будем голословны. В известном стихотворении «Письмо генералу Z» поэт долго препирается с генералом, прежде чем сорвать погоны и отказаться воевать. Стихотворение завораживает смелостью, страстью, но вот оказывается, что «генерал» взят поэтом как рифма к слову «умирал», а потом того больше — ге-

нерала, оказывается, «нет в природе». Речь обращена ни к кому. Поэт настолько одинок, что даже ругаться ему не с кем, и нужно выдумать персонаж, чтобы вылить на него недовольство.

Будь на месте Бродского человек восточный, он рад был бы такой пустоте. Еще шаг — и нирвана. Но Бродский не радуется. Пустота и одиночество мучают его и сопровождают вечно.

* * *

Известны случаи, когда заключенные в одиночных камерах общались с мышью, пауком, мухой — чтобы не сойти с ума. И Бродский многие свои стихи посвящает мухе, мотыльку, ястребу или даже стулу, пролитому молоку и т.п. Налицо жуткий факт: говорить не с кем и не о чем, но говорить хочется, и наш гений громоздит слова, как домик из конструктора, заведомо зная о его игрушечности и недолговечности. Поэт сам о себе говорил, что язык, сама стихия слова увлекают его и приводят к результатам неожиданным и незапланированным. Эдакое «раченье — жречество», когда прорицатель не владеет духом пророческим и увлекается туда, куда не желает.

Служенье Муз чего-то там не терпит.
Зато само обычно так торопит,
что по рукам бежит священный трепет
и несомненна близостъ Божества...

* * *

Власть выгнала Бродского из страны. Не только его. Вместе с противниками режима власть

выгоняла всех, кто был глубже ее мелкости и не хотел пристраиваться.

Изгнание убило поэта. Его поэзия, как сорванный цветок, держалась какое-то время только по инерции. Затем внутренний распад, всегда присущий Бродскому, не сдерживаясь извне, повлек его к точке нуля. Страшно следить за этой поэтической смертью, представляя себе тот тихий кошмар, который воцарился в сердце поэта.

Вместо того чтобы впасть «в неслыханную простоту» (Пастернак), зрелый Бродский тянет строки своих стихов, удлиняет их непомерно, а слова рвет, кромсает... Душа измучена, душа — на грани:

« *Я не то что схожу с ума,но устал за лето...*»
«*В эту зиму опять я с ума не* сошел...»

Сумасшествие угрожает поэту и зимой, и летом. Как люди в Откровении ждут ночи, потому что день несносен. А потом не могут дождаться дня, потому что ночь ужасна. Да что же это? Это то, что уже сказано:

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...

* * *

Как никто из поэтов последних десятилетий, Бродский был расслышан.

Время нашло, наконец, искомое
лакомство в твердом моем затылке.

Бродскому подражали, его категориями мыслили, его глазами смотрели на мир. И если бы он понял, почувствовал, склонился... Если бы он пришел к Богу не для рифмы, а для вечной жизни, то вслед за ним пришли бы к Богу тысячи людей.

Думаю, что, давая ему такой талант, сводя его жизненный путь с Ахматовой, Господь вел Иосифа Александровича к другой стезе, к другому послушанию. И оттого знакомство с Бродским отдается такой болью в сердце, что, изменив призванию, он сам пошел не туда и нас сбил с толку.

До сих пор мне, например, неизвестно, был ли поэт крещен. Как Лебедев, молившийся со слезами за мадам Дюбари («Идиот»), хочет душа помолиться за тех, кто ей небезразличен. Доброе это желание среди наших поэтов натыкается на множество самоубийств, дуэльных смертей, беспутно оконченных жизней, на неопределенность.

В стихотворении «Любовь» («Я дважды пробуждался этой ночью») есть косвенное указание на то, что поэт крещен:

...Ибо в темноте —
там длится то, что сорвалось при свете.
Мы там женаты, венчаны, мы те
двуспинные чудовища, и дети
лишь оправданье нашей наготе.

«Сорвавшимся» называет Бродский венчание, а значит, и крещение его вероятно.

Это редкое для Бродского стихотворение, в котором автор без цинизма и не отстраненно

смотрит на пол и брак, а говорит об этом трепетно и даже покаянно.

Еще раз, уже в последние «поэтические годы», живой голос прорвется вновь сквозь сомнамбулические речитативы:

Ночью, мира на краю,
раскаляясь добела, —
жизнь моя на жизнь твою
насмотреться не могла.
(«В горах»)

Сказано, как перед смертью. Такие пронзительные строки для поэта не характерны. Обычно он, вспоминая, грустит или цедит сквозь зубы что-то холодное и презрительное.

Крещен ли Бродский? Неизвестно. Но жизнь свою он прожил так, что сказать что-либо трудно.

* * *

Для того чтобы сделать анализ крови, крови нужно немного. Весь Бродский, для меня, вмещается не в «Письма римскому другу» или подобные шедевры, а в стихи «Похороны Бобо». Там есть такие строки:

Идет четверг. Я верю в пустоту.
В ней как в аду, но более херово.
И новый Дант склоняется к листу
и на пустое место ставит слово.

Обратим внимание на страшные слова: «Я верю в пустоту». Это — credo поэта, а совсем

не случайность. Пустота была средой обитания поэта, его привычной средой. Промучившись всю жизнь, Бродский искренне верил, что и в аду хуже не бывает. В то, что ад есть, Бродский верил (см. «На смерть Жукова»). Верил в то, что есть мир невидимый и его обитатели:

...Призраки, духи, демоны — дома в пустыне.
Ты сам убедишься в этом, песком шурша,
когда от тебя останется тоже
одна душа.
(«Назидание»)

Но ад, духи, демоны, тени ушедших были для Иосифа Александровича, скорее всего, понятиями умозрительными. А пустота — реальна. Присосавшаяся к душе, отравляющая жизнь, воистину проклятая «нирвана» для русской души Бродского-еврея была сущим адом. И он верил, что сам ад не может быть хуже, как и Свидригайлов верил, что в вечности его ждет чулан, затянутый паутиной. Гордое же сравнение с Данте не выдерживает никакой критики, и об этой строчке в творчестве Бродского (как и о многих других) можно только пожалеть. Когда Пушкин сказал о себе: «сердце пусто, празден ум», то нашелся митрополит Филарет, ответивший поэту на его языке и призвавший: «Вспомнись мне, забытый мною», то есть научивший Пушкина обратиться к Богу.

Больно, что для Бродского у нас не нашлось Филарета и что говорить о нем теперь стоит только ради «загипнотизированных и завороженных» Бродским. Больно, что все сказанное —

не более чем грустный венок на могилу талантливого человека, о котором можно сказать его же словами. Вот они, написанные в память Элиота, лишь перефразированные к памяти Бродского.

Тот Петербург, где он родился,
Венеция, где он лежит, унылы
стоят по сторонам его могилы.
И туч плывут по небу корабли.
Но каждая могила — край земли.

НОВОЕ ИЛИ СТАРОЕ?

Разговор о фантастике

Как жанр литературы и кинематографа фантастика давно занимает одно из первых мест в сознании читающего и смотрящего в экран человечества. Она родилась, наверное, из ощущения скучности и привычности окружающей жизни, из вечной жажды необычного, которая есть в человеке. Ведь призваны мы к тому, чего *не видел глаз, не слыхало ухо и на сердце человека не всходило* (I Кор. 2, 9). Вот и мечтает человек до времени о том, чего не видел, поскольку уму и сердцу тесно на земле. Но в то же время фантастика родилась из очерствения, когда окружающие чудеса стали незаметны, скрылись от взора. Человека перестало удивлять то, что в его малой голове помещается и вкус, и слух, и зрение, и одно другому не мешает. Перестало удивлять то, что созданное невесть когда небо до сих пор как новое, хотя разрушились здания, сместились континенты... Ты не знаешь путей ветра и то, как образуются

кости в животе беременной, — говорил Екклезиаст. Человеку было чудно и интересно все, что его окружало. Способность удивляться, кажется, Шпенглер назвал философским даром. И вот, когда человек перестал быть философом и превратился в конторского служащего, ему захотелось придумать тот мир, которому можно удивляться.

Как ни странно, ничего принципиально нового человек выдумать не может. Он мечтает в категориях сотворенного мира, который не в силах изменить. А значит, выдумать можно только ну очень сильного богатыря, или очень быструю лошадь (ракету, автомобиль... — возможны варианты). Ничего по-настоящему нового мысль человеческая создать не в силах. Есть нечто, о чем говорят — смотри, это новое. Но это только забытое старое (Екклезиаст). Помести человека мысленно хоть на Марс, хоть на край галактики; перебрось его назад в доисторические джунгли или в холодный сумрак древних храмов — везде фантазия вынуждена будет наделить человека страстями: ревностью, гордостью, жадностью... Фантастический человек будет (все равно — мечом или бластером) драться, будет бояться за жизнь, будет кого-то любить и скучать по ком-то. Это все равно будет земной человек, и вся фантастика ограничится антуражем. Ах, если бы мы это понимали! Мы бы повторили слова премудрого: нет ничего нового под солнцем.

Самое фантастическое — это всегда самое реальное, причем близкое к нам, а не далекое. Новое, если честно, под солнцем есть. Это Дева, родившая и оставшаяся Девой. Это Распятый и Вос-

кресший. Это то, чего нельзя выдумать, то, что никогда не появилось бы в сознании, если бы не случилось как факт. Соответственно, Евангелие — это самая фантастическая фантастика. Именно потому что оно же — самая реальная реальность.

Но разговор о фантастике, неизбежно приводящий к Евангелию, можно при желании продолжить, а не закончить на этой ноте. Дело в том, что были и есть писатели и режиссеры, которые намеренно прибегали к этой форме творчества. Одни — потому, что таким образом хотели завлечь читателя (зрителя), зная о его испорченном вкусе. Другие — потому, что эта форма позволяла говорить правду в тех условиях, где за правду сажали. Например, Андрей Тарковский, режиссер, которого интересовали только реальные вещи, несколько раз снимал фильмы на фантастические сюжеты. По мотивам произведения С. Лема «Солярис» и по мотивам романа братьев Стругацких «Сталкер». Авторы произведений тоже относятся к писателям, для которых фантастический сюжет — всего лишь упаковка. А фильмы — что ни на есть о вечном. «Солярис» — о возвращении к Отцу, о вечности моральной ответственности, «Сталкер» — о существовании Святого Святых, в которое не могут попасть ни наука, ни искусство, но только люди не от мира сего. Вот такую фантастику можно похвалить.

Из писателей-фантастов хочется выделить и Рэя Бредбери. Он пишет для современного человека о вечных и прописных истинах, для человека, который уже живет в фантастическом мире, далеко превосходящем фантазию Жюля Верна. Мне очень нравится роман «451 градус

по Фаренгейту». Он изображает мир на пороге ядерной катастрофы, мир, в котором люди перестали общаться и совсем перестали читать. Сначала не было времени (суета, знаете ли), потом книгу заменил телевизор, потом он разросся во всю стену, и т.д. до тех пор, пока телевизор не занял все четыре стены, а книги стали сжигать за ненадобностью. Приходящие ежедневно в твой дом с экрана люди стали ближе, чем домашние. Встречи с ними стали желанны, к ним спешили после работы. Подозрительным стал каждый, кто слишком долго разговаривал с соседом на улице. Люди стали внушаемы и вменяемы для всего, что говорилось с экрана. Те, кто осмеливался хранить дома какую-то книжечку, могли заплатить за это свободой или жизнью. Те, кто раньше тушил пожары — пожарники, — теперь из-за новых технологий лишились привычного занятия (новые материалы уже не горят). Их работой стал розыск и сжигание еще где-то у кого-то сохранившихся книг. И вот роман развивается вокруг одного такого пожарника, который утаил одну из запрещенных находок, прочел ее и почувствовал конфликт с привычным до сих пор миром. Человек очень быстро попал в ранг опасного для общества преступника. Он бегством спасается от погони (что очень тяжело, ведь кругом кинокамеры, и в далеком «мозговом центре» ежесекундно видно каждого жителя цивилизации). Став изгоем, он находит таких же, как он, с той разницей, что новые знакомые являются хранителями нематериальных сокровищ. Каждый из них помнит наизусть какую-нибудь жемчужину мировой культуры: один помнит по-

ловину «Евгения Онегина», другой — «Песню Песней», третий — «Шахнаме» и так далее: послания апостола Павла, «Исповедь» блаженного Августина...

Эта картина — по сути изображение того, как мир с улыбкой выгоняет вон всех с ним не согласных. Так христиане древности были в глазах мира опасными злодеями и собирались на молитву по ночам в пустых местах. Так христиане будущего укроются на малое время от цивилизации антихриста, унося с собой в памяти сохраненные псалмы и молитвы.

Вот это та фантастика, которая мне по душе. Замятин, Оруэлл, Тарковский, Бредбери, Стругацкие — вот начало того большого списка авторов, которые трудятся не для того, чтобы человек плыл по течению, приятно проводя время, а для того, чтобы остановиться (как сказано у пророка Иеремии), осмотреться, найти путь хороший и идти по нему.

ПОД СКАЛЬПЕЛЕМ ПРИРОДЫ И ИСКУССТВА

Художники шутят, что «умные разговоры об искусстве» бессмысленны и ведут их лишь искусствоведы-паразиты, которые сами ничего создать не могут. А чтобы понимать искусство, достаточно просто его любить.

Однако в наше время среднестатистическому «читателю газет» все сложнее определиться с ответом, где начинается искусство и где

оно заканчивается. Называть искусством граффити доисторического периода, грубо нацарапанные на стенах пещеры, — или ослепляющие высокими технологиями «достижения» современной поп-культуры?

— Действительно ли искусство уже сказало все, что могло, и отслужило свой век?

— Искусство не может «сказать всего» до тех пор, пока существует человечество. Искусство может отжить свое, но только вместе опять-таки с человечеством. Исчезли ведь многие виды животных и растений из-за неправильной жизни поставленного над ними царя. Может исчезнуть и сам царь, или не исчезнуть, но так мутировать, что от прежнего человека в нем ничего не останется. Есть пророчества о том, что в последние времена бесы будут безработными, то есть люди по лукавству сравняются с ними или даже превзойдут. Обществу таких людей искусство ничего не скажет, и из недр такого общества ничто вечное уже не родится. А до тех пор влюбленные будут писать свои или читать чужие стихи, писатели будут носить в своем сердце тревоги и проблемы современников и пытаться творчески выразить их в произведениях, философы будут осмысливать данность. В общем, человек будет проявлять свое богоподобие в творчестве, в том числе художественном.

— *Если есть в современном искусстве явления, достойные внимания, сопоставимы ли они по масштабу с классикой? Или искусство обмельчало?*

— Да, наверняка каждая эпоха оставляет после себя в искусстве что-либо входящее в «золо-

той фонд» или приближающееся к нему. Конечно, человек вообще мельчает. Эту тенденцию нельзя не замечать. Мельчают мысли, жизненные ценности, мельчают или вовсе исчезают идеалы. Человеку становится не о чем петь, некого славить, некому удивляться. Тогда, конечно, ничего не остается, как констатировать свое пребывание в тупике новыми эпатажными способами. Поставить, например, посреди выставочного зала унитаз, а в него положить оплеванный глобус. И намек прозрачен, и имя для подобного творчества у критиков найдется. Но это, конечно, не искусство. Это именно эпатажное объявление всем и вся о том, что жить незачем. И почти все эти «перфомансы», «инсталляции» — об этом. Но искусство вовсе не обязано заниматься только описанием и выражением господствующего настроения жизни. Оно может звать и указывать дорогу, тем более что художественная форма обладает большей убедительностью, чем простые бытовые призывы. Вопрос сводится к личности творящего человека, к тому, чем он живет, к тому, о чем он не только пишет, но и молчит. Если человек разлагается вместе со всеми и все его творчество сводится лишь к изображению своего и общего разложения, то он променял Божий дар на чечевичную похлебку. А если художник творчески подошел в первую очередь к себе, решил свою жизненную задачу, увидел свет, то его талант превращается в мощное орудие помощи другим, знакомым с его творчеством. Подводя итог, можно сказать так: количество талантливых людей не уменьшилось, критичес-

ки уменьшилось число людей, правильно живущих. Талантливый беззаконник — это уже не скальпель в руках хирурга, а тесак в руках буйнопомешанного.

— *А можно примеры?*

— Можно, но приведение примеров всегда отражает некоторое пристрастие и не бывает до конца объективным. Я в юности читал взахлеб Набокова, а потом вдруг ощутил себя на грязном заброшенном чердаке. Все в пыли и дышать нечем. Под ногами куча всякого хлама. Автор умудряется поднять с пола какую-то брошенную вещь, поднести ее к лучам света, пробивающимся сквозь дырявую крышу, и заинтересовать вас ею. Потом он бросает одну вещь и берет с пола другую. И так бесконечно, поскольку барахла на чердаке много. Вот такое возникло ощущение. То есть стилист Набоков прекрасный, и язык выпуклый, сочный. А ощущение пыльной духоты не проходит. Мне не нравятся произведения, авторы которых так любят себя, что считают красивым все, что бы они ни делали. Там можно подробно прочитать, как писатель посетил ватерклозет, провел ночь со случайной или постоянной подругой. Автор не стесняется помочь себе матерной лексикой, если не хватает нормальных слов или «ситуация того требует». Я сомневаюсь, чтобы в повседневной жизни эти господа позволяли себе отрыгивать в голос или ковыряться в носу при посторонних. Можно ведь и по шее получить. А вот, простите, высморкаться прямо в душу читателя — это не жалко. Глубоко противны мне такие сочинители. Назову имена: Виктор

Сорокин, Виктор Пелевин, Юрий Андрухович, Генри Миллер...

— *О вкусах не спорят! Я, например, считаю Андруховича очень талантливым писателем...*

— Я не оспариваю его талант. Я лишь говорю о векторе направления таланта. Что мы видим в его романах? Творческие пьянки, рождающиеся из безнадеги, или полная безнадега на фоне случайной любви и пьянок — вот и все. Основное достоинство книг — в сочном, ироничном, захватывающем способе изложения. Причем заметьте, центральный персонаж его романов всегда не дома. От сумасшествия или суицида его спасает, по крайней мере, возможность вернуться, дорога к дому, как бы тривиально это ни звучало. Произойди все то же в стенах родного дома или на улицах родного города, так, чтобы бежать было некуда, — и человек мог бы оказаться в конце романа на краю моста или перед железнодорожными рельсами. Ведь талант дается человеку не для того, чтобы красиво поведать миру, как мне плохо, а для того, чтобы сказать читателю, которому так же плохо, куда идти, чтобы было лучше.

— *Можно ли современному искусству отвести хоть какую-то роль в воспитании личности?*

— По словам Григория Нисского, философия вечно беременна и вечно не может родить. Имеется в виду, что испытующий разум задает правильные вопросы, но без Откровения Божия не может на них ответить. Это частично справедливо и в отношении искусства. В какой-то части своих произведений искусство ставит злободневные, живые вопросы, пользуясь силой своего влияния на человека, поворачивает его

лицом к лицу к этим вопросам и отвращает от суеты. Ответы, как всегда, за Богом и Его благодатью. Но польза от искусства очевидна: оно является формой самосознания человечества.

— *А в школьную программу можно ли привнести что-то из современных произведений?*

— Только по достижении определенного возраста, на пороге зрелости человеку можно давать серьезную литературу...

— *Неужели мы зря проходим в школе классику?*

— Большей частью зря. То, что мы учим, это не постижение классики, а прививка от нее на будущее. Классика дает многие ответы, но бессмысленно произносить эти ответы, если еще не созрел вопрос.

— *Для человека церковного обязательно ли мерой качества того или иного произведения искусства должна быть его «светоносность»? Или можно допускать увлечение «искусством ради искусства»?*

— Искусство ради искусства не может быть так же, как не может ничто сотворенное жить самим собой. Смысл любого явления выходит за его собственные границы. Смысл стула не в стуле, а в голове того, кто его смастерил. И так во всем. Это только Мюнхгаузен мог сам себя за волосы вытащить из болота. В жизни это невозможно. Искусство всегда отображает или стройное мировоззрение автора, или интуиции, скрытые даже от него самого. И искусство всегда религиозно: или со знаком плюс, или со знаком минус. Можно выстроить такую иерархическую схему: в основе всего — культ. Вокруг культа, как

плотное облако, помещена культурная среда, в которой нерасчлененно присутствуют язык, музыка, танец, архитектура, погребальные и родильные обряды, отношение к войне, еде, женщинам, одежде... При развитии общества эти культурные формы обосабливаются и начинают развиваться самостоятельно, все еще сохраняя связь с культовым ядром. Если такая связь со временем порвется, то оторвавшаяся форма культуры замкнется на самой себе, какое-то время будет жить по инерции, а в результате придет и к самоотрицанию. Сам термин «искусство ради искусства» возник на том этапе развития европейской цивилизации, когда творчество оторвалось от религиозной почвы и пыталось обосновать себя из самого себя. Повторюсь, что это в принципе не жизненно. Автор всегда куда-то ведет или зовет читателя, зрителя, слушателя. Знает он об этом или не знает, он должен будет дать ответ за тех, кого пленил своим талантом. Автор так или иначе ответственен за жизнь тех, для кого он является авторитетом. Тут все благоухает темой ответственности и воздаяния...

— *То есть «нет рук для чудес, кроме тех, что чисты»? Что же делать художнику, далекому от нравственного совершенства?*

— Не удивляйтесь и не обижайтесь — жечь свои произведения. Я несколько утрирую, но вот что хочу сказать: по выходе в свет произведение искусства начинает жить самостоятельной жизнью. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Оно похоже на мифического Голема, который не хочет слушаться создателя. Голем становится опасен, его нужно

уничтожить. Видимо, это чувствовал Гоголь, когда сжигал второй том «Мертвых душ». Или он чувствовал несоответствие замысла — воплощению. В любом случае писатель счел необходимым не засорять Вселенную, и это — еще большее творчество, чем создание книги. На Востоке есть такой вид искусства — каллиграфия водой по асфальту. Начертанные искусной рукой иероглифы исчезают через несколько секунд после написания. Здесь есть чему поучиться европейцам. Такие рисунки не подпишешь и не растиражируешь. Это почти что осиновый кол в чванливое европейское «творчество». Лучше разочароваться в своем призвании и ничего не выпустить в свет, чем наплодить незрелых или просто вредных произведений, за действие которых на людей потом придется отвечать Создателю. Кстати, почитайте басню Крылова «Писатель и разбойник» — она об этом говорит лучше меня.

— Так что, выходит, рукописи — горят?

— Конечно, горят! И к счастью, и к сожалению. Фраза эта неглубока, как многое у Булгакова. Сгорела, например, Александрийская библиотека. Любой из содержавшихся в ней томов стоит десятка современных библиотек. Вообще, горят не только книги, но и иконостасы, мощи святых. Колокола переплавляются в пушки. Храмы переоборудуются в отделения почты и сельские клубы. Да и самих людей могут уничтожать миллионами. История не дает нам никакого права на детский оптимизм.

— Нынче стало модно искать эстетику в антиэстетике. Неужели она там есть?

— Есть — как то, от чего отталкиваются, против чего восстают. Сатанисты, к примеру, в своей морали очень связаны с христианством. Они последовательно отрицают все, что христианство утверждает, и утверждают все, с чем борется христианство. То есть они диалектически связаны с христианством, точно так же, как антиэстетика с эстетикой. Соловьев говорил о триединстве добра, красоты и истины, которые пребывают в Боге. Красота — область эстетики. Антиэстетика — это область лукавого, и она неизбежно соседствует с антиподами добра и истины, то есть со злом и ложью. Те люди, которые признают безобразное красивым, не останавливаются на этом. Они, как правило, и плохое считают хорошим: поощряют разврат, жестокость, воровство, насилие. А источником этого бедственного состояния является служение ложным идеалам, принятие лжи за истину, в конце концов служение отцу лжи вместо служения Богу. Антиэстетика — спутница антиверы, и лукавый, как всегда, не творит свое, но обезьянничает по отношению к Богу и Его творению.

Церковь сегодня вынуждена бороться не столько за обожение человека, сколько за его сохранение, за недопущение его деградации до образа бесовского. В этой борьбе как раз помогает весь позитив, накопленный мировой культурой. Когда победа в борьбе за человека совершится, можно, поблагодарив, оставить светскую культуру и перейти к вопросам чисто духовным. Но это только после победы. А до собирания плодов необходимо обрезать сухие ветви, окапывать и поливать лозу.

СТРАСТИ ПО АНДРЕЮ

Всякий вид художественного творчества оправдывает себя в высших своих творениях. То есть существуют картины, о которых говорят — «мазня». Есть музыка, которая режет слух и смущает душу. Но есть произведения искусства, возле которых простой человек замирает в благоговении и которые творческий человек считает смыслом и оправданием творчества. Можно сказать, что храм Покрова на Нерли оправдывает церковную архитектуру в качестве самостоятельной и особой формы благовествования. Это не просто «дом молитвы». Этот храм даже и без церковной службы в долгие годы атеистического засилья говорил людям о Боге и призывал к молитве. Такова сила церковного искусства. Руки и сердце верующего человека: зодчего, иконописца, звонаря — заставляют и камень, и медь, и краску прославлять Господа.

Фильм, о котором пойдет речь, тоже можно назвать «оправданием кинематографа». Просмотр фильма «Андрей Рублев» — это такой же труд, как чтение хорошей книги. Фильм не каждому скажет много, так как и икона понятна не всякому, но, во-первых, молящемуся, а во-вторых, тому зрителю, который посвящен в язык иконописи.

Это фильм о преподобном иноке Андрее и о его наиболее известном творении — высшем творении иконописи — иконе Ветхозаветной Троицы.

Об этой иконе умница Флоренский сказал: «Если есть Троица Рублева — значит, есть Бог».

Икона появляется только в конце фильма. И это единственные цветные его кадры. Весь остальной фильм нарочито черно-бел. При почти неизвестной биографии Андрея Рублева фильм, хотя и назван его именем, является вовсе не киножитием, а масштабным полотном русской жизни в XIV—XV столетиях.

Русь не умеет спорить. Культура публичных споров и дебатов глубоких корней на Руси не имеет. «Православие не доказуемо, а — показуемо» — вот мысль, глубоко укоренившаяся в сердцах русских людей. Но сама жизнь Руси полемична. Для христиан Запада мы дикари. Для бескрайних степей Азии и непроходимых гор Востока мы «люди Писания». Наша жизнь — вызов и тем и другим. Фильм «Андрей Рублев» тоже во многом полемичен.

В начале фильма, оторвавшись от перил колокольни, мужик летит на самодельном «воздушном шаре». Даже в XIX веке это считалось дерзостью. Во времена же Рублева это было богохульством. Не в силу святости и не руками ангельскими, а хитростью и выдумкой полететь над землей — это был вызов.

Мужик неизбежно падает и разбивается. Но событие происходит до Леонардо, до его чертежей парашютов и вертолетов, вне всякого общения и обмена мнениями с образованным Западом.

...Нам внятно все —
и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

А в конце фильма, когда уже отлит, освящен и подал голос новый колокол, флорентийские послы наблюдают за церковным торжеством. Копыта их дорогих коней месят грязь русской распутицы, и изящная речь Италии покрывается мощным голосом нового колокола. Если между двумя этими, крайними в фильме эпизодами натянуть воображаемую нить, то она окажется стержнем, на котором держится здание всего произведения.

Монахи

Труд актера требует приближения, слияния, почти тождества со своим персонажем. Нужно буквально перевоплотиться в изображаемое лицо. Из-за мастерски сыгранной роли можно реально заболеть болезнью своего персонажа; можно повторить его (ее) жизнь, ошибки. Это вызывает к жизни ряд вопросов. Насколько совмещается труд актера с христианской верой? Калечит ли душу актера многообразное «проживание» чужих жизней?

Намеренно обойдем эти вопросы ради другого, а именно: как сыграть святого?

Вжиться в образ любого грешника принципиально проще, ибо всякий из нас, без сомнения, грешен. Мы можем играть обиду, зависть, похоть, ложь, так как имеем избыток опыта по этой части. А вот как правдоподобно и естественно изобразить целомудрие, незлобие?

Никита Михалков, снимая «Сибирского цирюльника», поселил актеров в военном училище, заставил «влезть в шкуру» юнкера, чтобы правдиво показать последнего на экране.

Но как быть с монахами? Как снять фильм таким образом, чтобы не было стыдно за наклеенные бороды и неуклюжие благословения? Чтобы слова «спаси, Христос» и «Господи, помилуй» не вызывали у неверующих смех, а у верующих обиду?

К чести режиссера и ради светлой его памяти надо сказать: в те советские (!) годы Тарковский чудом исполнил эту творческую задачу. За иноческие образы фильма не стыдно. Глядя на них, не морщишься и не краснеешь.

Сильный духом игумен; побежденный завистью Кирилл; спутник Андрея Даниил Черный — все это лица реальные, живые, какие всегда были и есть среди нас. При этом актеры не жили в обителях и были, неизбежно для тех лет, далеки от богослужения (!).

В особенности гений Тарковского очевиден в показанном им отрицательном образе монаха. Когда мы говорим о Церкви, то правда жизни требует разговора и о явлениях болезненных. Священное Писание говорит нам открыто о грехе Давида, об отречении Петра, о предательстве Иуды. В притче о засеянном поле мы видим врага, сеющего плевелы. И плевелы, и пшеница растут вместе до Жатвы, то есть до Страшного Суда. Изображая Церковь, плевелы обойти невозможно.

Итак, Тарковский показывает нам побежденного страстью монаха Кирилла. Духовная болезнь Кирилла — зависть. Этот момент тоже полемичен. Дело в том, что на Западе греховное падение духовного лица почти всегда — блуд. Блудная связь монаха или патера — тема бес-

численных насмешек в духе «Декамерона» или драм, таких как «Овод», «Поющие в терновнике» и прочих. И дело не в том, что православное духовенство от блуда застраховано. Это, к сожалению, вовсе не так. Дело в том, что плотское преткновение или падение не отражает всю глубину греховности. Глубину греховности обнажает гордость и ее исчадия: зависть, ненависть, коварство...

Святой Иоанн Лествичник говорит о том, что монаха более всего преследуют гордость, тщеславие, а мирянина — стяжательство, земное попечение.

Тот художник, который понял это и изобразил, велик. Велик Достоевский, оттенивший образ старца Зосимы образом прельщенного и беснующегося Ферапонта. Велик Тарковский, чей Кирилл говорит Феофану Греку: «Работать я задаром буду. Ты только при всей братии и при Андрюшке Рублеве сам меня к себе возьми».

Не достигший желаемого и сильно уязвленный завистью, он начинает всех вокруг обличать «от Писаний» и уходит из обители после строгих слов отца-игумена.

Сцена эта, быть может, лучшая в отечественном кинематографе из всего, что касается Церкви.

Язычество

По дороге к князю на роспись новопостроенного храма Андрей становится свидетелем языческого праздника. Не в Египте и не в Индии, а у нас, на Руси, спустя несколько веков

после Крещения глазам православного монаха открывается вакхическая оргия. Огни, свирели, пляски, похоть... Все это без удержу, но пополам со страхом: церковная и светская власть жестоко преследуют безбожников.

Преподобный заглянул в изнанку народной жизни. Этих людей можно было бы в другое время увидеть в храме, или в поле за работой, или среди домашних дел. Они были, наверняка, крещены и являлись «православными христианами». Но язычество не умерло для них. Язычество вообще не умирает тотчас по ниспровержении идолов. Как мироощущение, как образ жизни оно живуче. В XX веке по Рождестве Христовом Василий Розанов дерзнул противоречить Тертуллиану. «Душа по природе — христианка», — сказал тот. «Нет, — грустно возразил Василий Васильевич, — душа по природе — язычница».

Они правы оба. Две бездны — бездна вверх и бездна вниз — развернуты в душе человека. Быть может, русская душа, не знающая середины, особенно чувствует это.

Андрей не осуждает этих людей. На рассвете он молча возвращается к своим, исцарапанный, невыспавшийся, потрясенный. Никто не спрашивает, где он был. «Твой грех — твои молитвы», — говорит ему Даниил...

Страшный Суд

Шлепок глиной по белой стене... Андрей мучается. Ему сложно рисовать Страшный Суд в западной части храма. Он не хочет пугать людей изображением ада, чертей, огня...

Здесь вновь полемика. Время Рублева — это время Позднего Средневековья на Западе. Соборы европейских городов «украшены» изображениями связанных грешников, влекомых бесами в ад, дьявольских пастей, глотающих души...

В сознании западных христиан страх Божий, который в псалмах назван «чистейшим, пребывающим в век века», смешался и отождествился со страхом загробных мук, с ужасом ада. Клайв Льюис замечает, что проповедники, один искуснее другого, ужасали слушателей описанием ада. Те плакали, содрогались, но... жизнь свою не меняли.

Перемена к лучшему происходит от любви. От той любви, которая «милосердствует, не ищет своего, не раздражается, не радуется неправде...».

Эти слова апостола Павла, так называемый "гимн любви", произносит про себя Андрей, когда резвится с ребенком-княжной. Любовь — имя Божие. Любовь — смысл жизни и имя вечности. Без нее жизнь уже здесь превращается в ад. Вот чего надо бояться.

«Отцы и учители, мыслю: "Что есть ад?" Рассуждаю так: "Страдание о том, что нельзя уже более любить"». Это слова из последней беседы старца Зосимы (роман «Братья Карамазовы»).

Не умеет любить великий князь: он приказывает ослепить артель мастеров, чтоб никому больше не построили такие хоромы, как ему.

Не умеет любить и брат великого князя. Нарушив крестное целование и сговорившись с

татарами, он нападает на своих же, учиняет резню, оскверняет святыни.

Грех нелюбви не позволил Руси сплотиться перед татарами, и те, по общему свидетельству летописцев, пришли как наказание от Бога за грехи.

В царстве страха и ненависти пытались спасаться любовью такие, каких видел в лесу Андрей. Но любовью они называли то, что и сегодня чаще всего зовут этим словом — радость тела без души. А исход возможен только в любви Божественной, неотделимой от жертвы и подвига.

Рублевская «Троица» и есть красочный гимн Триединому Богу, имя Которому — Любовь. «Воззрением на Святую Троицу побеждается ненавистная рознь мира сего», — сказал об этой иконе Епифаний Премудрый.

Но очень непросто рождалось это красочное благовествование в душе преподобного...

* * *

Как уже было помянуто, святого сыграть на экране невозможно. Сыгранная роль никогда не будет живой иконой. Молитвенного тождества между святым и его образом в кино быть не может. Поэтому образ Андрея наиболее уязвим. Тарковский наделяет его маловероятными чертами. Например, страстностью, пафосностью в творческом поиске. Вершина неправдоподобия — убийство Андреем насильника во время резни в храме. В принципе такое, конечно, возможно. История знает много случаев, когда высокие духом люди совершали жуткие вещи и потом находили силы каяться (см. «Жи-

тие Иакова Постника»). Но в случае с Рублевым это смелый авторский шаг, поскольку житие Андрея (его биография) нам неизвестны.

* * *

Штурм города — событие переломное в жизни Андрея. Этот штурм, в котором русские, соединившись с татарами, немилосердно убивали русских, поколебал душу инока до основания. Когда-то, споря с Феофаном Греком, Андрей защищал народ, доказывал, что народ наивен, прост, как дитя, замучен жизнью, что вера его сильна, а сами грехи простительны.

Слова эти в фильме звучат фоном для сцены Распятия, где все происходит в России. Мироносицы, стражники, очевидцы, Сам Господь — русские. Как на картине Нестерова «Русь перед Христом», как в пламенной речи князя Мышкина о «русском Христе, Которого Запад не знает», в фильме осуществлена идея о глубокой, дошедшей до неразрывности сродненности Евангелия с русским сердцем.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

На русских просторах Господь тоже распят. Но в картине ему не кричат: «Сойди с Креста!». Народ падает перед крестом на колени.

Эту сердечную любовь к Господу, вопреки греху и мраку повседневной жизни, отстаивает Андрей. В день набега этой его вере суждено заколебаться.

* * *

Феофан Грек, к тому времени уже покойный, с того света является в разоренном храме, чтобы утешить Андрея. Нужно помнить, когда снимался фильм, чтобы оценить сцену по достоинству. Чего стоит вопрос Андрея: «Феофан, ты там Христа видишь?». Или в ответ на Андреево: «Я человека убил» слова Феофана: «Грех с человеком сросся. Целишь в грех — ранишь плоть человечью».

В конце сцены в храме идет снег. «Страшно, когда снег — в храме», — говорит Андрей. Это его последние слова перед долгими месяцами молчания. Андрей решает не разговаривать с людьми.

Разговорит же его колокол.

Колокол

Это самая последняя новелла фильма. Она чудесно сопрягается с фильмом об иконописце. Ведь и колокол — такой же проповедник, как и икона.

Мы обмолвились уже о том, что на Руси витийствовали не много. Ждали больше дел, а не слов. Делам доверяли больше, чем красноречию. Опыт монахов-исихастов, стремление скрыть духовное дарование, тяготение к особому, не словесному назиданию родили на Руси особую культуру. Зодчие заставили камень молиться, то же сделали с металлом колокольные мастера.

Мы сегодня гордимся храмами, построенными тогда. Возле икон, писанных руками святых, в залах музеев замирали тысячи людей. И в со-

ветское время эти залы были одним из редких мест проповеди Евангелия.

Колокола также имеют судьбу особую. Их, как живых, ненавидели враги Церкви. Их сбрасывали наземь или вырывали языки, их переплавляли. Делали это с ненавистью, зная, что расправляются с благовестниками. Слов не хватит пересказать историю, рассказанную в фильме. Паче чаяния, толком не зная секретов мастерства, мальчишка отлил новый колокол по приказу великого князя. Отец-покойник не открыл ему всех секретов. На выполнение заказа мальчик поставил, как на кон, всю свою жизнь. При первых ударах колокола парень падает в истерике: слишком тяжело далась удача. И вот тут с ним заговаривает Андрей. Иконописец утешает юного мастера. Просит не плакать. Ведь вот какой праздник людям устроил. Они, обнявшись, сидят в грязи. А на торжестве присутствуют заморские гости, как тогда, так и сегодня удивляющиеся нам и напоминающие нас.

* * *

Дальше они пойдут вместе: иконописец и колокольных дел мастер. Пойдут дарить людям радость и благовествовать Евангелие. Причем благовествовать так, чтоб оставаться в тени. А в творение рук своих вложить способность звать людей к молитве.

* * *

За каждым кадром этого фильма чувствуется титанический труд, глубокая мысль, любовь к Отечеству и его истории.

Когда фильм снимался, Андрей Рублев еще не был канонизирован. Возможно, Тарковский не дерзнул бы снимать фильм о прославленном святом. Но преподобный, душою предстоя Престолу Святыя Троицы, и тогда, и сейчас, надеюсь, молится за своего тезку — Андрея Тарковского.

Вечная ему память!

ЧИТАТЕЛЬ И ДРУГ

И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.
Е. Баратынский

... Уселся он — с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой.
А. Пушкин

Чтение книги — это своеобразный способ общения. Как в пространстве интернета могут общаться двое людей, и воздушную среду, проводящую звуки голоса, им заменяет глобальная сеть, так и пространство книги — это пространство встречи двух людей: автора и читателя. Библия, например, — это некий чудный виноградник, в густой листве которого окликают и ищут друг друга двое влюбленных — Бог и душа. Сердце трепещет, и в горле перехватывает дыхание. Образа никакого не видишь, но слышишь голос, и душа твоя в тебе переворачивается. Так, как в Песни Песней, бывает со всяким боголюбцем. Если же автор книги не Господь, а человек, то чтение может превратиться в спор, борьбу,

драку. А может — напротив: в восторг открытия, сладкую истому, в конце концов, в дружбу.

* * *

Много сказано о воздействии книг на читателя. Гораздо меньше — о воздействии читателей на автора. Ведь если у Бога все живы, если дела наши живут после смерти, а книга — это и есть одно из дел, живущих после смерти автора, то, может статься, душа усопшего поэта или прозаика спустя многие поколения после своего ухода из мира может обрести себе друга среди живых. Да еще и такого, о котором не могла мечтать при жизни. Развивая эту мысль, можно дойти до таких выводов, что подходить к книжной полке начнешь со страхом и трепетом. Каждая книга станет эдаким пирожком из сказки, просящим: «съешь меня», голос автора: «открой меня, послушай», «давай поговорим, поспорим» — станет внятен. Читая книги, вырабатывая литературный вкус или приобретая книжные пристрастия, мы расширяем круг знакомых и приобретаем друзей. Повторюсь: чтение — это общение, а не накопление информации. И насколько милость превозносится над судом, настолько общаться важнее, чем получать сведения.

Гораздо лучше было бы не читать Ахматову, а попить с ней чаю. Лучше было бы посидеть у камина с Диккенсом, чем глотать его книги. Но нет такой возможности, и остаются книги — как руки, протянутые из вечности для рукопожатия. Это говорится не о всякой книге, но лишь о тех,

которые написаны перед лицом вечных вопросов. Такие книги, по определению Пастернака, являются «куском дымящейся совести». Из килограммовой охапки целебных трав можно сделать одну таблетку. Из 50 — 60 лет несения жизненного креста, размышлений, молитв, ошибок может получиться 150 страниц текста. Этот концентрированный опыт прожившего свою жизнь человека делает нас умнее ровно на одну жизнь. А сам писатель радостью радуется, видя оттуда, что прожил не зря, что его опыт пригодился кому-то. Ведь даже если сидящий в болоте будет кричать проходящим мимо: «Не ходите сюда, здесь трясина!», то и за это дело любви может быть помилован. Это не я, это Лествичник говорит...

Мысли летают в воздухе, но летают по законам. Как самолеты. Нам кажется, что в небе много места, нет полицейских, светофоров и дорожных знаков. Но знающие люди объяснят, что там тоже есть дороги и коридоры, в которых легко столкнуться. Вот и мыслям не так уж просторно в воздухе. Они хотят воплотиться и сконцентрироваться, лучше всего — в виде букв на бумаге. Можно даже сказать, что книжка — это Колобок, испеченный из муки, которой не было, пока не «поскребли по сусекам». Подумаешь, мысли! Мысли всякие бывают. Однако собранные вместе, как лучи в линзе, мысли могут прожечь любую броню, перевернуть мир, изменить обычаи. Линзой будет книга (журнал, газета), и за каждой из них сквозь тусклое стекло будет угадываться лицо автора — или светлое, как лик, или хохочущее, как маска Мефистофеля.

* * *

Нужно всю жизнь учиться выбирать друзей. Это справедливо и по отношению к книгам.

Ведь не только вы читаете их. Они тоже могут «читать» вас. Конечно, сохраняется иллюзия свободы. Существуют закладки в виде сорванного одуванчика или трамвайного талона. Можно сказать: «Ну, Веничка, ты загнул. Еще одно такое слово — и я тебя уважать перестану»[3]. Или: «Экий ты балбес, Николай Гаврилыч!»[4]. То есть можно не согласиться, отложить книгу в сторону, «составить свое мнение». Но дело сделано — прочитанное посеялось, как семя, и будет прорастать сквозь вас каким-то иногда жутким, иногда чудным способом, как прорастает сквозь асфальт слабенькая травинка.

Время нашей жизни ограничено, и это требует избирательности и в привычках, и в знакомствах, и в занятиях. Стоит читать и перечитывать тех авторов, которых вы хотите обнять на Страшном Суде, как братьев. Тех, книги которых были или криком боли, или голосом предостерегающего опыта, или чем-то еще таким, что сделало вас внимательнее, милосерднее, мужественнее. Кстати, и молиться не забывайте о тех, чье имя оттиснуто на титульной странице любимой книжки. Уж за что за что, а за это бывшие некогда «великими и премудрыми» и ставшие ныне смиренными и трепещущими в день воскресения поклонятся вам низко в ноги и скажут спасибо.

---

[3] Речь идет о Венедикте Ерофееве, авторе книги «Москва — Петушки».

[4] Автор имеет в виду Н.Г. Чернышевского.

* * *

Однажды к Антонию Великому пришли философы. Они беседовали с преподобным, и слова этого жителя пустыни были для них как чистейшая латынь для только что начавшего учиться варвара. «Откуда твоя мудрость? — спросили они Великого. — Ведь ты не читаешь книг». — «А что раньше, — спросил преподобный, — ум из книг или книги из ума?» — «Конечно, книги из ума, — сказали философы. — Ведь все написанное было вначале понято, открыто или придумано». — «Значит, — сказал Антоний, — очистившему ум не нужны книги».

Эту историю я привел по памяти, но думаю, что не погрешил против сути. Свет не сошелся клином на книгах. Есть мало читавшие, но много думавшие люди, не глупее тех, кто разжирел, как пиявка, напившись чужих мыслей. Есть мудрость, рождающаяся помимо книг, — от молитвы, от скорбей, от жизненного опыта. Да и каждому книголюбу известно то состояние, при котором хочется, подобно Онегину,

...полку с пыльной их [книг] семьей
Задернуть траурной тафтой.

Раз уж мы однажды покинем мир и ничего в руках не унесем из него, то и с книгами придется распрощаться. Но мудрость если есть — останется. И о ней надо думать больше, чем о накоплении информации. *Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг — конца не*

будет, и много читать — утомительно для тела (Еккл. 12, 11 — 2).

Мудрость обитает не в безмерном количестве прочитанных книг, но и не в полном отказе от книжной мудрости и от чужого опыта. Священная и «сладчайшая паче меда» премудрость обитает, как всегда, между крайностями, в золотой середине.

Спросите себя: дружбой со сколькими людьми, уже прописавшимися в вечности, вы можете похвалиться? Кто из них помогает вам в час недоумения? О ком из них вы не забываете молиться? Думаю, что эти вопросы, как лакмусовая бумажка, делают понятным, правильно вы относитесь к чтению или нет.

ПРЯМО И ВВЕРХ

«Поэт в России больше, чем поэт...». Это верно. Очень часто громче и честнее, чем кто бы то ни было, поэты говорят правду и приобретают чужую славу, крестную славу морального авторитета. А прозаики? И к ним сказанное относится. Не ко всем, конечно. В эпоху всеобщей грамотности довольно людей, попадающих под щедринское определение «писатель пописывает, читатель почитывает».

И поэту, и прозаику понятны пушкинские строки:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но наступают то и дело времена, когда печатный текст становится опаснее огнестрельного оружия, когда за скрип пера по бумаге наказывают более жестоко, чем за хранение наркотиков. Пишущие в это время знают и об опасности своего ремесла, и об ответственности за него перед историей, совестью и Богом. Недавно отлетевшая от земли душа Александра Солженицына знала об этом не понаслышке.

Александр Исаевич мало забавлялся и, судя по всему, вовсе не знал праздной скуки. Его звуки не были изнежены, да и извлекал он их не из лиры, а, скорее, из трубы. Читавшие Библию помнят, что некоторые крепости, неприступные для стенобитных орудий, падают от звука священных труб. Одной из таких труб, протрубивших для Красного Иерихона роковую мелодию, было творчество Солженицына.

Думаю, Солженицына меньше всего интересовали вопросы чистой эстетики, и нам его работу бесполезно оценивать с точки зрения особенностей стиля и благозвучия. Какая разница, на какой ноте звонит вечевой колокол? Главное — чтобы его голос во время пожара или войны был далеко слышен.

Впрочем, во многом Солженицын — плоть от плоти классической русской литературы. Его «Матренин двор» — это извечный поиск одному Богу известных праведников, на которых, по Лескову, мир стоит. Его «Один день Ивана Денисовича» внутренне связан с «Записками из мертвого дома». Если бы не этот литературный вопль из ада, миллионы безвинно замученных остались бы безгласной массой, и

грядущие поколения могли бы успокаивать свою совесть, спрашивая: «А был ли мальчик?». Его «Раковый корпус» — это искра, высеченная из столкновения смертельного недуга и воли к жизни. Автор, в духе правдоискательства, ставит перед собой и читателем извечный вопрос: чем люди живы? То есть чем оправдать человеческое существование, что за пределами жизни или в глубине ее есть такого, что делало бы жизнь осмысленной и полезной? Так что не только за «Архипелаг...» и не только за «Красное колесо», не только за этот эпос, запечатлевший неслыханный кошмар планетарного значения, должен быть уважаем и изучаем Солженицын. Это писатель служивший, а не работавший. Это человек, однажды положивший руку на плуг и более не озиравшийся вспять.

Его ранние детские воспоминания связаны с храмом. Мама часто брала сына на службы, и в детскую душу Саши, капля за каплей, просачивалась та живая вода, которая не исчезнет со временем и заструится в его творчестве. Затем было пионерское детство и советская юность. Было почти неизбежное пленение эпохой, чья лихорадка била всю страну и чьи конвульсии многим казались приступом радости. Потом война и ее отрезвляющий кошмар. Потом сомнения и тяжелые раздумья о будущем, выраженные в переписке. Наконец, лагерь портняжными ножницами раскраивает жизнь на две половины, «до» и «после», и Солженицын постепенно превращается в борца, воюющего мыслью, голосом и чернилом.

В его личности меня притягивают несколько черт. Вернее, благодаря некоторым чертам мне становится понятен масштаб личности. Это не только и не столько лагерь. В нашей стране через эту школу, как через мясорубку, были пропущены миллионы. Это, к примеру, патриотизм. В отношении к Солженицыну это слово произносится и без иронии, и без ханжества. Солженицын не был беженцем. Он все время оставался гражданином России, вынужденно пребывая в Европе и в Америке. Иностранного гражданства писатель так и не взял. Он терпеливо ждал, когда Родина, отобравшая у него гражданство, сама ему его вернет.

В его устах невозможна строчка из творчества другого Нобелевского лауреата: «Земля везде тверда; рекомендую США» (И. Бродский).

Другая черта — это трудолюбие Солженицына. Он не бездействует месяцами и годами, ожидая вдохновения. Его труд похож на копание колодца в каменистой местности. Солженицын трудился, как затворник, как средневековый ученый, годами не выходящий из кельи. Потому его творчество похоже на служение и может быть уязвимо с точки зрения «чистой литературы».

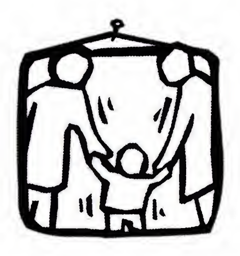
Меня радует, что жизнь Солженицына похожа на тяжелый подъем в горы. Он шел прямо и вверх, он не имитировал движение, не подпрыгивал на месте, не петлял и не возвращался назад. Поэтому в своих поздних интервью он говорит о главных темах бытия — о Боге и смерти. Александр Исаевич говорит, что к смерти надо готовиться, что ее не надо боять-

ся, поскольку она — переход от одной жизни к другой. Горькие слова писатель говорит лишь о насильственной смерти молодых людей, людей, не успевших расцвести и найти себя, и преждевременно вырываемых из жизни.

Он масштабен, Александр Исаевич, он огромен. Его, как и Толстого, можно назвать «матерым человечищем». Только Толстой заразил страну своими антихристианскими фантазиями и дописался до анафемы, а Солженицын встряхнул весь мир голосом правды и на конец дней дожил до смиренных мыслей о Боге.

О нем можно и нужно молиться. По его книгам можно изучать XX век. По его примеру можно носить в глубине души тревогу о судьбе мира и судьбе своего Отечества.

БРАК, СЕМЬЯ, ДЕТИ

БЕСЦЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

Человек — это всегда плод воспитания. Пусть не на сто процентов, но в значительной степени. История располагает фактами воспитания человеческих младенцев в животной среде. Прожившие до трех-пяти лет, например, в стае волков дети так уже и не смогли научиться читать, членораздельно говорить, есть при помощи вилки... «Богу угодно, чтобы люди учили людей», — так сказал Ангел благочестивому и праведному епископу, вставлявшему в молитву еретические добавления. Господь вовсе не должен всякий раз вмешиваться в нашу жизнь лично, когда мы ошибаемся или нуждаемся в подсказке. Он хочет, чтобы люди помогали друг другу и учили друг друга.

В системе воспитания и обучения любой значительный пропуск материала может привести к невосполнимому отставанию. Вспомните школьные годы: стоит неделю поболеть, как вы уже превращаетесь в «слабое звено» на уроках математики, или химии, или любого другого предмета. Подобные механизмы есть и в воспитании. Если над вашей колыбелью не молились, этого не вернешь и не восполнишь в зрелом возрасте. Если в отроческие годы вы не видели родителей, непрестанно занятых

трудом, то в пору собственной взрослости вам будет трудно воспитать в себе трудолюбие. До какого-то рубежа накопленные негативные изменения могут быть исправлены, уврачеваны благодатью Духа Святого. Но за некой гранью деструктивные процессы становятся неуправляемыми, отрыв от идеала превращается в непреодолимый и сам процесс деградации выходит из-под контроля.

Все сказанное напрямую относится к кризису семейных ценностей. Аборты, разводы, угроза самому существованию брака как института дошли до критической массы, и никакие полумеры и «косметические ремонты» уже не способны исцелить ситуацию. Поэтому хочется сказать несколько слов на предмет семьи как нормы и семейных ценностей как аксиоматических условий нормальной жизни и человека, и общества.

К семье готовит семья, и набор добродетелей, произрастающий на почве семейственности, не только закаляет человека для жизни земной, но и окрыляет его для полета в вечность. Неизбежно необходимые для спасения качества, такие как жертвенность, желание и умение послужить, смирение, трудолюбие, терпение органичны одновременно как для христианской аскетики, так и для семейной жизни. Взгляд на семью как на школу любви и спасительный образ жизни востребован именно сегодня. Монашество древности вырастало до чудотворных высот именно благодаря незыблемости семейного уклада в миру. И семья, как естественная ступень жизни, питала и поддерживала монаше-

ство как порыв к надприродному и сверхъестественному. Ныне же, при расшатавшихся устоях и при исчезновении элементарных опор нравственности, высшее (монашество, подвижничество, исповедничество) рискует вовсе исчезнуть, так как большее без меньшего существовать не может. «Когда исчезнет христианский брак, исчезнет и монашество, и священство», — говорил Паисий Святогорец.

Человек приходит в мир как неповторимая личность, обладающая человеческой природой, абсолютно тождественной для всего пестрого многообразия детей Адама. Являясь носителями человеческой природы, мы также являемся носителями пола. Пол обязывает, определяет социальные роли. «Быть женщиной» и «быть мужчиной» — это два разных способа жизни, полученные без нашего согласия от Бога, по сути — два разных послушания. Как ко «вступлению в должность» царя царевич должен готовиться с детства, изучая воинское дело, основы дипломатии, финансов, вникая в жизнь родителей, так и для «вступления в должность» мужчины и женщины нужно готовиться с детства. Патриархальное общество это чувствовало и без научных пособий и аналитических исследований выработало целый ряд практических рекомендаций, сопровождающих всю жизнь человека. Современное же общество накопленный опыт растеряло, и наши дни более всех бывших прежде нуждаются в возрождении опыта.

Для девочки: домашний труд, умение всего того, что делает ее хозяйкой плюс приобретен-

ные характеристики поведения — скромность, стыдливость. Для мальчика: ответственность, физическая закалка, навыки кормильца и защитника. Для тех и других — дисциплина, неприхотливость в быту, послушание старшим и религиозность. Этот краткий перечень при детальном толковании может расшириться до объемов больших книг. Очевидно, что полноценное воспитание может совершаться только в полных семьях, в которых есть и отец, и мать с их несхожими взаимодополняющими и одинаково необходимыми функциями.

Такое воспитание является не самоцелью, а органической частью большего, а именно целостного мировоззрения, в которое семья вписана как одна из важнейших частей. Утрата веры в Бога, выпадение из своей социальной ниши (как, например, уход крестьянина на заработки в город или выезд за рубеж), семейная катастрофа (оставление мужем семьи) ведут к крушению без малого Вселенной. Человек теряется, перестает понимать происходящее, окружающий мир становится непонятным и агрессивным хаосом, а сам человек, не находя себе места в изменившемся мире, превращается в духовного бомжа, в приблуду без всяких моральных ориентиров. Этими духовными бомжами на сегодняшний день и является множество наших соотечественников, возможно, и мы сами.

Обретение чувства цельности, возврат к благому видению мира как космоса, а не хаоса, смиренный и радостный труд человека на своем маленьком месте при ощущении всеединства не-

возможны без реанимации семьи — не только как малой Церкви, но и как среды обитания. Семья для человека — это вода для рыбы и воздух для птицы.

Все, что греет и питает нас в жизни, греет именно семейственностью. Добрые друзья и сердечный разговор за чаем — это лучик семейной жизни. Материнское слово или отцовский пример — это сокровище, унесенное из детства во взрослую жизнь. Любимый приход или монастырь, поразивший благодатностью богослужения, — это тоже семьи, так как и Церковь — семья, и все мы во Христе друг для друга братья и сестры.

Теперь с высоты теоретического полета предстоит опуститься в переменчивую гущу конкретных жизненных ситуаций с тем, чтобы врачевать, направлять, жалеть, подсказывать. Это занятие всей многотысячной армии духовенства и всех тех, кто волей Божией поставлен в начальственное и влиятельное на людские судьбы положение.

СЕМЬЯ, БРАК, ДЕТИ

И будут два одна плоть...

— *В православной среде бытует мнение, что близость супругов возможна лишь с целью зачатия ребенка. Так ли это?*

— Думаю, нет. Отношения мужчины и женщины в браке сохраняют подобие отношений Христа и Церкви, хотя муж и жена уже не же-

них и невеста. Церковь живет полнотой благодатной жизни, и внутри брака есть своя полнота, своя «плирома» (с греч. — полнота). Бездетный брак отнюдь не пуст. Бездетные супруги вовсе не обязаны становиться монахами. Они могут быть на это и не способны. Их статус уже определен: они — миряне, находящиеся в браке. Они не хуже тех мирян, которые имеют детей. Здесь — воля Божия. Мы не можем сказать, что Иоаким и Анна до рождения Богородицы, а Авраам и Сара до рождения Исаака не были полноценными супругами. Сведение сути брака до чадородия свойственно католицизму, а не православию. Взаимная нежность, готовность на жертву ради друг друга, мистическое единство, когда, по слову Христа, два суть плоть едина, ценны сами по себе. И близость супружеская — многогранна.

Сравним с едой. Конечно, мы едим, чтобы двигаться, работать... то есть едим, чтобы получать энергию. Но ведь не только для этого, правда? Накрытый стол сопровождает всякое важное событие в жизни человека от рождения до смерти. Принятие пищи — это тайна по сути. Совместная трапеза сближает. Так же можно думать и о браке. Муж и жена делят ложе не только функционально, как будущие отец и мать. Они уже сейчас нужны друг другу. Они нуждаются друг в друге. Они друг без друга не могут жить. Это ценно само по себе, без всякого сомнения. Поэтому я «без страха и упрека» могу посоветовать молодым супругам любить друг друга, дарить друг другу себя, не обязательно думая о будущих детях. Если мы

не будем убивать их во чреве, они придут сами собой. Как яблочко от яблоньки.

— *Нет ли здесь потайной лазейки для эгоизма, для желания пожить для себя?*

— Конечно, есть. Лазейки есть везде. Любое святое дело можно испортить, извратить. Ведь недаром дьявола называют «обезьяной Бога». Он не творит новое, но портит существующее.

Но я думаю, что естественным образом появляющиеся заботы, скорби, связанные с чадородием, и вся повседневная тяжесть жизни не дадут супругам возможности непрестанно наслаждаться. Жизнь вовсе не сплошной праздник. Чистую радость единения двух людей в одну плоть нужно отделять от всего остального.

В Ветхом Завете эта радость позволяла жениху не идти на войну. Только что женившийся мужчина даже перед лицом военной опасности для своего народа должен был «утешать свою жену». Не зря существует «медовый месяц». Это не год и не пятилетка, это именно месяц. Но он должен существовать. Жизнь добавит свою ложку дегтя в мед новобрачным.

Я хочу сказать: не бойтесь увязнуть в эгоизме. Если вы верующие люди и в целом живете правильно, Господь через обстоятельства жизни и отрезвит вас, и уцеломудрит. Только сами не пытайтесь сделать это раньше времени. «Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя увял».

— *Выходит, молодые люди могут жить, наслаждаясь своей «плиромой», сознательно откладывая рождение детей на потом, как*

сейчас принято выражаться, «планируя семью»?

— Ни в коем случае! Когда мы венчаем молодых, то мы молитвенно выпрашиваем у Бога для них «плод чрева», возможность дожить до «сынов своих сынов», «о чадех благодать» и т.д. Чтобы не лицемерить, рожать детей нужно сразу по вступлении в брак, не отдаляя и не «планируя» эти святые вещи слабым своим умом. Как раз об этом я и говорю: нужно утешаться друг другом и радоваться взаимной близости, пока есть возможность. Вскоре появившиеся детки и вместе с ними пришедшие заботы навсегда лишат вас возможности беззаботного наслаждения браком. Это будет вторая полоса вашей жизни. Вы перестанете быть просто любимым и любимой, дорогим и дорогой. Вы станете отцом и матерью. Этого нельзя планировать, это должно прийти от Бога. А вот до этого вся радость жизни — ваша.

— *То, что Вы говорите, это Ваше личное мнение или Вы озвучиваете учение Церкви?*

— Конечно, я не являюсь выразителем учения Церкви. То, что я говорю, — это мои мысли, мой опыт, мое внутреннее убеждение. Но желающим услышать авторитетное слово Матери-Церкви я могу посоветовать внимательно прочесть один из довольно свежих церковных документов — Социальную концепцию Православной Церкви. В этом документе слышен голос не отдельного архиерея, духовника или священника, но соборный голос всей Церкви. Там, где мое мнение расходится с мнением Концепции, — читай Концепцию. Всякий

верующий человек прекрасно понимает разницу между силой своего слабого ума и ума Матери-Церкви, между своим маленьким жизненным опытом и опытом многих поколений верующих людей. Поэтому нам всегда нетяжело смириться перед церковно сформулированной истиной.

— *Является ли блудом невенчанный брак?*

— По этому вопросу нет однозначного мнения. Брак — таинство ветхозаветное. Более того, брак — райское таинство. Брак — это то, что не разрушено ни грехом, ни Всемирным потопом. Когда Христос пришел на брак в Кану Галилейскую, то он пришел именно на брак, а не на блуд, хотя еще не существовало Таинства венчания как такового — только благословение. Мусульманскую супружескую пару, такую же пару у иудеев, язычников, у кого угодно я не назову сообществом блудников. Они рожают детей, вместе терпят невзгоды жизни, готовы защищать друг друга, и называть такие браки блудом — величайшая глупость.

Невенчанный брак — это брак, но на этот брак еще не пришел Христос. Когда мы венчаем людей, проживших в браке много лет, родивших, воспитавших детей, мы говорим им так: «Вы были мужем и женой и до сегодняшнего дня, а теперь вы стали мужем и женой во Христе. Христос на браке в Кане претворил воду в вино. Ваша жизнь до венчания была водой. Она освежала и питала. Теперь, с приходом Христа на ваш брак, она должна стать вином, то есть должна стать красивей, вкусней и полезней». Такой взгляд мне кажется православным.

Более того, и к стыду нашему, мне кажется, мы многому можем научиться у нехристиан-

ских браков. Уважать старших, беречь честь жены как свою собственную, любить и желать детей, а не истреблять их, уже зачатых, умеют лучше нас многие нехристиане. Это наша боль и поле нашей созидательной деятельности.

— А как относиться к так называемым гражданским бракам?

— Не нужно до времени судить ни о чем категорически. Современный человек почти сплошь и рядом — дикарь с образованием. Он не воспитан в правильном смысле слова. Его не учили молиться. О нем самом зачастую никто не молится. Вспомним самарянку. Христос сказал, что у нее было пять мужей, и ни один из них не был ей настоящим мужем. Таких самарянок сегодня миллионы. Нужно воспитание в семье и нужны положительные примеры повседневной жизни. Пока этого ничтожно мало, людей, утопающих в безбожии и разврате, можно только жалеть. На них нельзя примерять нравственные нормы церковного человека.

— Являются ли поцелуи парня и девушки с христианской точки зрения дозволенной до брака формой общения?

— Влечение юноши и девушки друг к другу естественно и неизбежно. Трудно представить, чтобы влюбленный человек вел себя с предметом своей любви, как дерево с деревом. Поцелуй, конечно, возможен. В этом нет ни греха, ни грязи. Опасность лишь в том, что, сказав «А», трудно не сказать «Б». И если не переступать известных границ, то в этой взаимной нежности не будет ничего плохого.

— Чем же объяснить эти границы? Почему до брака близости между влюбленными быть не должно?

— Вступление в близость — это событие, которое очень меняет человека. Люди становятся одной плотью. В особенности существо женщины претерпевает такие изменения, что их безболезненность и естественность предполагает священную атмосферу брака. С половой распущенностью современная медицина напрямую связывает рост психических заболеваний, слабость рождающегося потомства, детскую смертность и многое другое. Мусульмане, к нашему стыду, могут нас научить тому, что вышедшая замуж не девушкой никогда не родит настоящего воина. Если сеять семя нужно в приготовленную землю и вовремя, то почему священная по сути близость между мужчиной и женщиной должна совершаться как и когда попало?

— Что бы Вы посоветовали, если у молодой девушки или парня перед глазами слишком много примеров неудачных браков (в том числе и собственных родителей) и это вызывает панический страх перед семейной жизнью? Если возник непреодолимый комплекс, что всякий брак потенциально несчастен?

— До брака нужно дозреть. Не секрет, что половое созревание опережает созревание нравственное. Человек физически способен к деторождению и супружеской жизни намного раньше, чем готов к этому морально. И вот уже в состоянии моральной зрелости многие страхи юности исчезают. К тому же не стоит строить

глобальных планов. Пока не придет любовь, о браке говорить вообще трудно. Потому стоит молиться Богу об устроении своей личной жизни, а о прочем до времени не думать.

— *Является ли грехом купание на нудистских пляжах?*

— Вспомним историю грехопадения. Совершив грех, Адам и Ева увидели себя нагими, устыдились наготы, опоясались листьями. Стыд пришел вслед за грехом, стыд должен всегда сопровождать грешника. Нам же пришлось жить в эпоху сбрасывания всех покровов с души, в том числе и стыда. Вслед за сбрасыванием стыда сбрасывается и одежда. У преподобного Иоанна Лествичника есть горькие слова о том, что если женщина отбросит естественный стыд, вложенный в нее Богом, то сама взыщет мужа (а не он ее), и тогда не спасется никакая плоть. Возможно, мы вступили во времена исполнения этих слов. Культ обнаженного тела тесно связан с высокой модой, музыкальной молодежной культурой и еще целым рядом явлений повседневной жизни. Так что смотреть на это явление нужно широко.

Скромным и чистым молодым людям, безусловно, не подобает купаться в таких местах. Невозможно не увидеть чужое тело, находясь в местах сплошного соблазна. Вспомним Давида, который от одного взгляда на красивую купающуюся женщину совершил два страшных греха — прелюбодеяние и убийство. А ведь это был пророк и горячий молитвенник. Примеров падений людей от неосторожного взгляда очень много. Что же говорить о намеренном пребы-

вании там, где невозможно не видеть чужую наготу? Нагота и священна, и красива под покровом брака. За его пределами она двусмысленна и опасна.

— А как же купание на обычных пляжах? Они недалеко ушли от нудистских...

— Совершенно верно. Разница между первыми и вторыми невелика. Но человеку приходится выбирать не только между «хорошо» и «плохо», а и между «плохо» и «хуже», «хорошо» и «лучше». В этом смысле обычный пляж лучше нудистского. Запрещать же людям купаться было бы «бременем неудобоносимым».

— Является ли грехом позирование художникам обнаженных девушек, без которого немыслимо обучение в художественных вузах?

— Немыслимость обучения в художественных вузах без позирования — преувеличение. В XIX веке в Академии художеств России не было натурщиц. Они могли быть в частных мастерских, не более. Испокон веков художники рисовали античные статуи, копировали древних мастеров, находили другие способы обучения, прямо не связанные с созерцанием обнаженной натуры.

— Но ведь сегодня дело обстоит по-другому...

— Одно дело — моральная ответственность, которая лежит на художнике, другое — ответственность девушки, которая позирует. Кто из них виноват больше, сказать трудно, но ответственность у них разная. А в целом, это еще одна из граней нашей содомской жизни, исправлять которую по частям невозможно, кри-

тиковать которую можно ежечасно, которую Бог еще терпит только по одному милосердию.

— *В экстремальных случаях (войны, эпидемии) может резко сократиться численность мужчин, что грозит вымиранием народа. После 30-летней войны в Германии количество мужчин сократилось в четыре раза. Их церковь разрешила многоженство как временную меру восстановления численности населения. Может ли Православная Церковь в принципе пойти на такой шаг?*

— Думаю, что никогда Церковь на это не пойдет. Одно дело, когда грехи совершаются по личному влечению людей, а потом врачуются покаянием и молитвами Церкви. Другое дело, когда Церковь благословляет на беззаконие. Это невозможно.

— *Известно, что на время постов супругам следует уклоняться от близости. А правда ли, что этот запрет не распространяется на молодоженов?*

— Думаю, мудрый духовник не будет ругать молодоженов за несоблюдение поста. Можно сравнить начавшуюся брачную жизнь с бурным горным потоком. Со временем он стекает в долину и течет тихо и ровно — это брак по прошествии некоторого времени. Ждать тихого течения от бурного потока бесполезно. Единственное, на что надо себя понуждать непременно — это воздержание в святую Четыредесятницу. Это общий христианский долг.

ЕСЛИ ЗАМУЖ НЕ БЕРУТ...

«Вопросы о любви» — что может быть сложнее и интереснее? Вопросы есть даже у тех, кто встретил в жизни любимого человека. У тех, кто не встретил, вопросов еще больше. Вот только некоторые из них. Кто их задает? — Девушка, которой никогда не было скучно одной, но которая наконец повзрослела и задумалась о том, будет ли она и дальше жить одна. А если нет, то как и где искать того близкого человека, с которым начнется новая жизнь — в собственной счастливой семье? В любом случае, становится легче, если есть кто-то, кому их можно задать.

Одни говорят: «Нужно надеяться и ждать, любовь придет». Другие говорят: «Мы не должны ждать милостей от природы. Любовь нужно искать и завоевывать!». А посередине стоишь ты и смотришь, как в колодец, в неизвестность. Где он — тот человек, с которым придет любовь, дети, счастье? Придет он когда-нибудь или его бесполезно ждать? Моя ли это вина, что любви до сих пор нет? Как в этом разобраться?

Есть восточная поговорка: когда ученик готов, приходит учитель. Она уместна для многих жизненных ситуаций, в том числе и для замужества. Желание выйти замуж — не что иное, как желание быть счастливой, реализоваться как мать, жить в душевном тепле и комфорте, дарить свою любовь. Прежде всего нужно воспитать в себе правильное отношение к браку и по камертону правильных мыслей настроить свой внутренний мир, свою душу. Займитесь самосовершенствованием, чтобы потенциаль-

ный муж был как можно счастливее, а в остальном положитесь на волю Божию. Может статься, что Господом вам уготовлена иная доля — это будет видно из обстоятельств жизни. Если так, с этим надо будет смириться. Но если муж для вас Богом предусмотрен, а вам так и не удается пока устроить личную жизнь, то, возможно, это потому, что вы еще не готовы. Согласен, что ждать тяжело и неопределенность мучит. Но это из разряда неизбежного, поэтому примите мое сочувствие и искреннее участие. Это жребий всех дочерей Евы.

— *Все вокруг выходят замуж, а ты — нет. К внутренним терзаниям добавляются вопросы родителей: «Будут у нас когда-нибудь внуки или нет?». Знакомых: «Ну, как ты? Как личная жизнь? Давай рассказывай!». Одноклассников: «Так ни с кем и не познакомилась? Ну, да, конечно, с кем попало не надо...». То ли уважают, то ли жалеют. Ты и сама знаешь, что время, как говорится, идет, и своим то ли неумением, то ли нежеланием выходить замуж ты ставишь в тупик своих друзей, становишься какой-то «неудобной». Так и ходишь одна, как будто никто тебя не выбрал, смоковница неплодная. Значит, есть в тебе что-то неправильное, и они (мужчины) это чувствуют! Правда ли, что я и есть эта самая смоковница и Бог не хочет, чтобы от меня кто-то родился?*

— Это, конечно, не так. Если в сердце женщины появляется святое желание родить ребенка, то Владыка мира и Хозяин нашей жизни даст возможность это желание реализовать. А

чтобы оградить себя от «армии сострадательных благожелателей», нужно установить внутреннюю дистанцию между ними и собой. Все эти любители поохать и поцокать языком на самом деле только растравляют душу и добавляют страданий. На них не стоит обращать внимания. Ведь у каждого своя жизнь и свой крест, каждому хватает своих забот.

— *Нужно молиться о том, чтобы Бог указал тебе твоего избранника, но как об этом молиться? А вдруг Бог не хочет, чтобы у меня была семья? Что если я не гожусь для семьи или Бог приготовил для меня какое-то другое призвание? Или молиться о том, чего ты хочешь, нужно в любом случае?*

— Усердная молитва испытывает степень желания. Бывает так, человек долго молится о чем-либо и в конце концов задается вопросом, нужно ли ему это просимое? Так молитвой открывается человеку его внутренняя глубина, на которой нужда исчезает. Если же желание не пропадает, значит, это действительно потребность всей жизни. Тогда стоит «докучать» Господу с неотступностью евангельской вдовицы, умолившей даже неправедного судью. Только надо не забывать заканчивать молитву словами: «не как я хочу, а как Ты».

—*Допустим, два человека познакомились и между ними возникло что-то, от чего хочется бегать по улицам с охапками цветов, улыбаться продавцам в магазине, помогать старикам и детям. Может ли христианин позволить себе «просто влюбиться»? Имеет ли христианин право на подобное легкомыслие?*

— Кураев часто цитирует, как он говорит, богослова Винни-Пуха. Я же дерзну процитировать Черепаху Тортиллу:

Юный друг, всегда будь юным,
Пой и смейся невпопад.
Я сама была такою
триста лет тому назад.

В целом вопрос очень тонкий. Невозможно, да и неправильно лишить себя счастья влюбленности. Нужно постараться найти пространство для естественной нежности, не переходящей в грех. Держитесь за руки, целуйтесь на здоровье. Чего нельзя делать в подобной ситуации, так это переступать известных границ, ведь это не только грозит преждевременной беременностью, но и просто развращает человека, разрушает его душу.

— *Блуд осуждают за то, что он — блуд, но никто толком не объясняет, в чем его опасность. Почему нам непременно нужно венчаться, создавать семью и рожать, рожать, рожать детей, вместо того чтобы пожить некоторое время «так» и понять, хорошо нам вместе или нет? Ведь лучше разобраться сразу, чем давать обет быть вместе всю жизнь, а потом расстаться?*

— Подождите «рожать, рожать, рожать». Попробуйте сначала родить первенца. Что же касается блуда, то природа его таинственна, так как паразитирует на тайне Божией. Двое становятся одной плотью, навсегда уносят с собой часть другого человека, навсегда отдают

ему себя. И все это столь угрожающе ответственно, что может и должно безопасно и невинно совершаться только под святым покровом брака в атмосфере любви и душевного комфорта. Есть еще один аспект: за первой близостью маячит дурная бесконечность случайных связей. Толстой однажды сказал, что ему известны женщины, знавшие только одного мужа, но неизвестны женщины, имевшие только одного любовника. Там, где появился один, найдется место для второго, а конец этой цепочки — на дне ада.

— *Любовь считается самым прекрасным, что есть на земле, но кажется, что на христианина любовь накладывает больше обязательств, чем дает удовольствия. Значит, и любовь — это тоже тяжелый труд? Зачем создавать семью, если это не радость, а беспросветная работа?*

— Противопоставлять радость и работу нельзя. Часто это синонимы! Поверьте, что христианский идеал, присутствующий в душе человека, не помешает жить полнотой супружеских отношений и ощущать их исключительную радость. Безусловно, брак не только окрыляет, но и обременяет; не только дает права, но и обязывает. Но поскольку брак свят, то и не настолько тяжел, чтобы быть чуждым радости.

— *Романтическая любовь Ромео и Джульетты для христианина ничто? Как Церковь относится к тому, что называется романтикой?*

— Мы очень страдаем от исчезновения романтических отношений, от доступности и открытости всему миру женского тела, от ранней

осведомленности о тайнах пола, от цинизма и приземленности, которыми люди заражаются еще в возрасте безусых юношей. Кто-то из писателей, кажется, Флобер, сказал, что чем дольше женщина желанна, чем дольше длится ухаживание, тем дольше и сильнее в браке она любима. Альтернатива романтизму — это, к сожалению, только тот реализм, который на практике оказывается цинизмом. Поэтому я за романтический ренессанс в отношениях между мужчиной и женщиной.

P.S. Поскольку вопросы пришли со стороны прекрасной половины человечества, хочу сказать: милые незамужние девушки, не унывайте и не тоскуйте! Думайте о браке как о своей священной миссии и готовьтесь к нему, очищаясь и освящаясь христианской жизнью и вооружаясь всеми полезными житейскими навыками. Молитесь усердно Богу. У вас будут мужья и дети. И да будет на вас благословение.

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ РАЗВРАТА И ХАРИБДОЙ ХАНЖЕСТВА

Есть темы, о которых, по словам Златоуста, и молчать нельзя, и говорить сложно. Тема пола — одна из них. Думаю, многие согласятся с тем, что пол мучает человека. Беззаботность и невинность детства отчасти определяется тем, что стихия пола еще не проснулась в человеке, не растревожила его. Детские игрушки, персонажи

мультфильмов по большей части бесполы. И это соответствует детской невинности.

Когда же голова перестает понимать, что делается в сердце, когда человек сам для себя становится томительной загадкой, жизнь теряет всякую внутреннюю упорядоченность и становится проблемой.

Владимир Соловьев однажды сказал, что на влюбленного человека с одинаковой пристальностью смотрят и рай, и ад. То есть человек готов в этом состоянии и взлететь, взмыть ввысь, и сорваться, разбиться вдребезги. Думаю, что мы имеем право на все половые вопросы смотреть под этим углом, то есть считать их способными возвысить, преобразить — или унизить, изуродовать. Для Церкви этот вопрос имеет особую важность. Ее, Церкви, отношения с Христом глубоко интимны. Он — Ее Жених. И из глубины своего опыта Церковь многое может сказать сегодняшнему человеку о любви, о семье, о поле.

Темы подсказывает жизнь, кипящая тут же, за окном на улице. Если бы меня спросили, чего нам не хватает больше всего, я бы сказал — «чувства священного».

Для современного человека почти ничего не свято. Ведь в широком смысле святого очень много. Мир как Божье творение и чуден, и свят. Не надо без нужды ломать ветку или рвать цветок. Он ведь растет, в нем — благословение. Не надо грубить старику или над ним смеяться. Его седина — это отблеск славы Ветхого Днями. Не надо смотреть на пищу как на набор калорий или белков. Мы — не трактор, и хлеб —

не солярка. Пища — дар Божий. Ее нельзя «жрать», ее «вкушать» надо. «Коли хлеб на стол, так и стол — престол», — говорили предки. Это чувство «тотальной священности» жизни сохранилось, быть может, только у язычников. Они кланялись когда-то перед статуями беременных женщин, некрасивыми, безголовыми (голова не нужна: лицо — это личность, а тут идея — живот, беременность, материнство). А мы, крещеные, этих женщин — в кресло на аборт, да еще миллионами.

Мир — это храм, и человек в нем — священник.

Священен и пол в человеке. Все тело — твое. Но пол не твой. Он не для тебя, он для тех, которые родятся от тебя и будут после. Он — источник.

Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей, любезной ланью и прекрасной серною (Притч. 5, 18). «Любезная лань и прекрасная серна». Чудно, ведь правда? Девять современных юношей из десяти вряд ли назовут так своих любимых. Стыдно будет. Вот материться напропалую, как бы упражняться в словесном эксгибиционизме — это не стыдно, этого сколько угодно.

Пол священ, и половые отношения — святая тайна. Ее не нужно превращать в грязную лужу. Святые отцы говорят: пока ты не влюблен, то вокруг тебя — мужчины и женщины. Когда влюблен, то перед тобой — Она, а вокруг — люди. Слышите?! Для влюбленного поистине мир теряет половые признаки. Люди, как в детстве, становятся просто людьми. А Он и Она, как Адам и

Ева, становятся первой парой на земле. *Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе* (Песн. 4, 7).

Любовь не скрыта от Бога. Она перед лицом Его. Только в среде целибатного духовенства, на Западе, могла вызреть дикая мысль об изначальной греховности телесной близости.

Господь был свидетелем между тобою и между женою юности твоей (Мал. 2, 14). Перед Его очами радости земного брака не гнусны, а святы. Мы должны благодарить Его за это тоже. Если мы благодарим Бога после каждой трапезы, то неужели не будем благодарить за то чудо, когда две души живут уже в одной плоти.

Поистине благословен Создавший мужчину и женщину!

* * *

Чувство святыни рождает молитву. Язычники молились богам-покровителям пола, обожествляли и сами органы пола. Мы, по благодати, этого счастливо избежим. Но и мы будем молиться Богу истинному даже и перед брачным ложем. Вот пример такой молитвы: *Когда они остались в комнате вдвоем, Товия встал с постели и сказал: встань, сестра, и помолимся, чтобы Господь помиловал нас. И начал Товия говорить: благословен Ты, Боже отцов наших, и благословенно имя Твое святое и славное во веки! Да благословляют Тебя небеса и все творения Твои! Ты сотворил Адама и дал ему помощницею Еву, подпорою — жену его. От них произошел род человеческий. Ты сказал: нехо-*

рошо быть человеку одному. Сотворил помощника, подобного ему. И ныне, Господи, я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но поистине как жену: благоволи же помиловать меня, и дай мне состариться с нею! И она сказала с ним: аминь! (Тов. 8, 4 —8).

Правильное религиозное сознание не засушивает человека, не делает его скопцом или изувером. Оно направляет человека на единственно прямой, царский путь, пролегший между различными крайностями.

Древним аргонавтам нужно было проскочить между бьющимися друг о друга скалами: Сциллой и Харибдой. Между Сциллой разврата и Харибдой ханжества нужно проплыть и нам, чтобы выплыть на тихую морскую гладь, в которой отражается небо.

«ПАПА МОЖЕТ ВСЕ ЧТО УГОДНО... ТОЛЬКО МАМОЙ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ»

Вопреки утверждениям попсовых журналов, молодость не кончается со вступлением в брак. Не кончается она и с рождением ребенка. Зато появляется много новых вопросов, прежде всего связанных с воспитанием детей. Все матери, естественно, хотят в будущем видеть своих чад счастливыми. Однако в это слово «светские» и православные мамы вкладывают разный смысл. Для первых счастливый — значит живущий в современном мире «на достойном уровне», уверенный в себе, независимый, успешный. Православная же мать видит счастье ребенка в спасении

его души. Совместимы ли эти «два счастья»? Можно ли воспитать христианина, которому будет уютно в мире? Можно ли воспитывать в православном ребенке такие качества, как уверенность в себе, стремление к достатку?

— Эти две цели — спасение и жизненную успешность — можно попытаться сочетать. Только надо оговориться, что мы не имеем в виду успешность в тех категориях, которыми мыслит современное общество потребления. Речь не идет о материальной независимости, «отсутствии комплексов» или полной самодостаточности. Я говорю в данном случае о том, что нужно привить человеку несколько самых главных опорных качеств, на которых будет строиться и его спасение, и его нормальная мирская жизнь. Этому учит, например, митрополит Иннокентий Московский. Он был вдовый священник, то есть знал и семейную жизнь, и жизнь монашескую. Он пишет, что человеку необходимо привить терпение и трудолюбие, которые равно будут ему нужны в деле спасения и в любой жизненной ситуации, независимо от того, какой путь он избрал — финансиста, политика, музыканта, водителя... Воспитывая таким образом человека, закаляя, а не развращая, мы облегчаем ему будущие труды спасения, облегчаем и жизненный путь. Именно на такие простые, казалось бы, вещи и нужно делать ставку. Причем с пеленок. Добавим сюда и воспитание милосердия — сострадание к тем, кто болен и стар, а также эстетическое воспитание.

— Если конкретно, как воспитывать терпение в трехлетнем ребенке? Психологи говорят,

что есть возрасты кризиса (три года, шесть лет и т.д.), есть кризис личности, который выявляется через протест. Нужно ли родительской волей подавлять этот протест?

— Нужно ставить адекватные задачи и требовать их исполнения. Нормально и правильно, если ребенок руководствуется не столько словами «хочу — не хочу», сколько словами «должен и обязан». Воспитание следует строить на противовесе между прощением и наказанием. Игрушки должны быть собраны, некоторую часть домашней работы тоже следует поручить ребенку — как сферу его личной ответственности. То, что ребенок в состоянии делать, — он должен делать. «Руки мой, тарелку свою уноси, попросил есть и получил — съешь все до конца, ведь поросят у нас нет». А вот слезы и истерики непременно пресекать, распоясавшегося ребенка нужно ставить на место, без всякой философии.

— *Всегда ли единственный ребенок в семье — эгоист?*

— Родители, не рожающие других детей, сильно уменьшают шансы для своего единственного чада вырасти настоящим человеком. Ребенок живет не в социуме, он — один на белом свете. Ему не с кем делиться, не за кого переживать, некого защищать. Он не несет коллективной ответственности, например, за порядок в общей комнате. А ведь человек должен знать, что он не один на свете, что любовь предназначена не только ему... Два ребенка — тоже мало. Но где один — там эгоизм, где два — там антагонизм. А вот где трое — там возможность христианской любви, там побежденная рознь. Трое —

это уже ячейка общества, маленький социум. Это — семья. Многое, конечно, зависит от пола детей, от разницы в возрасте.

— *А какое значение имеет разница в возрасте между детьми?*

— Я считаю, что если разница между детьми составляет 10 лет — получается не два ребенка, а один и один. Если старший уже ходит в седьмой класс, а у мамы на руках — младший, то старший выпадет из родительского поля зрения, начнет жить сам и от мамы оторвется. Неизбежны проблемы. В воспитании младшего в таких семьях, как правило, приходится начинать все сначала. В результате дети — как две монады, между которыми разрывается мамочка. Желательно поэтому, чтобы разница позволяла маме обоих детей держать в одних руках. Они должны вместе гулять, вместе кушать...

— *Нужен ли ребенку садик?*

— Если детей трое — у них и дома детский садик. Не думаю, что садик неизбежен. Разве что в каких-то отдельных ситуациях. Садик-то возник не так давно, когда ребенка пытались отчуждить от семьи и обобществить...

— *Есть мнение, что в садик нужно отдавать чем раньше, тем лучше. Мол, так происходит необходимая «закалка».*

— Возможно, это и так, если ребенок в семье один. Тогда есть необходимость отдать его «в люди». Если детей больше — без садика можно обойтись. Садик — вещь прикладная, от неизбежности, на тот случай, если нельзя иначе. Из садика приносятся новые слова, новый опыт. Слишком много получается у ребенка воспитателей...

— Нужно ли ограничивать общение ребенка православным кругом?

— Хороший круг общения не следует ограничивать, и стерильным своего ребенка делать не надо.

— Читая советы старцев по воспитанию детей, многие современные мамы как будто убеждаются в невозможности воспитать достойных чад, потому что не могут явить того благочестия, которым должны обладать. Например, если мама любит красиво одеваться, то как она сможет привить дочке равнодушие к нарядам? Получится двойной стандарт, а ребенок все равно будет ориентироваться на реальное поведение взрослого, а не на совет.

— Вот тут и может пригодиться второй ребенок. С его рождением мамочка начинает жить аскетичнее, у нее все меньше времени остается на себя. Жизнь женщины усложняется, иногда она даже начинает об этом жалеть, и лишь впоследствии признается себе, что только это и есть жизнь. Мать двоих, троих детей подобна тому муравью, к которому стрекозы, «лето красное» пропевшие, приходят за хлебом. А ребенок запоминает маму работающую, маму заботящуюся. Ведь он копирует не слова, а образ. В этом и заключается воспитание детей своим примером.

— Совместима ли с профессиональной деятельностью «профессия матери»? Надо ли вытеснять из души потребность заниматься чем-то еще помимо воспитания ребенка?

— Человек — это и природа, и личность одновременно. Что касается первого и главного предназначения, женская «профессия» — это

материнство и тот комплекс вещей, который с ним связан. Тут и домоводство, и рукоделие, и кулинария, и организация досуга, и многое другое. В материнстве сконцентрированы десятки профессий, которыми сегодня занимаются узкие специалисты. А хорошая мать — специалист в пяти-шести профессиях, мультипрофессия. Услуги в этих областях нынешние безрукие бездельницы покупают за деньги. Стоит задуматься над тем, что хорошая мать — это мультипрофессия.

С другой стороны, женщина — еще и личность. Наверняка есть среди них такие, которые одарены в математике, архитектуре, дизайне... Им предстоит либо сочетать два образа жизни (что порой очень и очень сложно), либо что-то одно принести в жертву. Но если женщина приносит материнство в жертву, скажем, художественному таланту — она, скорее всего, потом пожалеет. Вопрос сочетания личных дарований с природной направленностью, вопрос полноценной реализации, мне кажется, — самый важный для женщины вопрос. А если женщина растворена в материнстве — не надо ее мучить чем-то иным.

— А когда дети вырастут?

— Внуки! Хорошая бабушка нужна всем во все века. Современное общество буквально страдает от их отсутствия! Сколько бабушек-склочниц, лентяек, празднословок... Ведь мы нуждаемся в этаких Аринах Родионовнах, которые не боятся работы, всегда в трудах, которые сварят или испекут что-нибудь, чего ты сам и даже мама не сварит и не испечет, которые и сказку рас-

скажут, и колыбельную споют... Бабушка — незаменимый человек! И родится она из хорошей мамы. Иначе — получается такая бабушка, которая делает химическую завивку, курит папиросы, говорит «не троньте меня, я хочу пожить для себя» и в восьмой раз выходит замуж. Так что если женщина будет хорошей мамой, то, когда вырастут ее дети — она им окажется очень нужна как бабушка.

— *Часто случается, что дети слишком религиозных родителей отходят от веры из-за того, что бывают ею «перекормлены». Как правильно себя вести, чтобы этого не случилось? Насколько должна быть «пронизана» церковностью жизнь ребенка? Зависит ли это от возраста?*

— Отдать человека на самотек в ожидании его будущего пробуждения — это неправильно. Перегрузить человека и навязать ему высокие аскетические стандарты Палестины, или византийскую богослужебную пышность, или русскую православную строгость — тоже неверно. Нужно искать середину. Нужно воспитывать человека очень чутко, в состоянии сопереживания. Ведь малыш не рождается христианином. Если вы родились в христианской семье, то вы настолько же христианин, насколько были бы бубликом, если бы родились в булочной.

Душа человека должна пробудиться, раскрыться для вечности. У нее будет свой путь. Особую роль в отдаче себя Богу может играть страдание. Кто-то приходит к Богу от ума, от больших дум, кто-то — от опыта чужой любви...

В воспитании следует руководствоваться библейским принципом: «уклонись от зла и сотвори благо». Нужно ограждать ребенка от растленных явлений мира и побуждать к доброделанию, соответствующему его возрасту. Прежде чем он начнет поститься — научите его трудиться. Прежде чем он начнет выстаивать богослужения — пусть научится не бросать фантик мимо урны, не ломать деревья, застилать свою постель, слушаться мать. Начинать нужно с меньшего. И непременно нужно молиться за ребенка. А в детской молитве лучше недомолиться, чем перемолиться. От него требуются простейшие молитвы — «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», «Отче наш», «Господи, помилуй», «Богородице Дево, радуйся». Ребенку нужно читать адаптированные жития святых. Участвовать в богослужении — в той мере, пока он не тяготится. Но по мере вырастания — следует учиться прилагать труд.

— *Святитель Феофан Затворник в книге «Путь ко спасению» пишет, что пока ребенок мал, он сам не может вести внутреннюю брань с грехом, а грех в нем уже не дремлет. Так что бороться за него должны родители. Для этого прежде всего родители должны подавлять в нем основные возбудители греха: самоуслаждение, своеумие (пытливость) и своеволие. Для искоренения самоуслаждения нужен очень жесткий контроль над телом (пищей, сном и т.д.). Тут современная медицина, в принципе, говорит то же — есть поменьше, спать по режиму, одеваться похолоднее. Но на деле все равно никто не обходится без лакомств, жаления, укутывания, балования подар-*

ками и т.д. Пытливость в уме, которая ведет к развитию воображения, мечтательности, желанию узнать побольше, жажде новых впечатлений и т.д. — очень даже приветствуется современной педагогикой. А без своеволия, которое святитель Феофан советует полностью подавлять родительской волей, вообще невозможно воспитать самостоятельного человека. Считается, что, подчинив волю ребенка своей, родитель не научит его мыслить и принимать самостоятельные решения, привьет множество комплексов.

— Вопрос разбегается на несколько. Во-первых, эта схема вряд ли воплощалась в конкретных примерах. Тот же «Домострой» XIV века — не зарисовка с натуры, а построение идеальной схемы, в которую едва ли вписывалось 2—3 процента семей того времени.

Существует классическая патриархальная нравственность — это многодетность, послушание родителям, хозяйственность, включенность человека в общественный труд с ранних лет, ранний выход замуж по благословению отца и матери и пр. Теперь же патриархальный быт поломан. Все то хорошее, на что мы смотрим с оглядкой, как на святую Русь, наше прекрасное далёко, эдакий «град Китеж» — почти уничтожено, и многое из того, что составляло идеал нравственности, сейчас невоплотимо. Так что речь идет о творческом решении этих проблем. Многие советы, данные святыми в XIX веке, просто неприменимы. Не потому что святые ошибались, а потому что быт революционно изменен. Человек же, внутренне оставшись тем

же, во внешних проявлениях, в общественной жизни так мутировал, что многие простые и святые вещи сегодня невоплотимы. Святой Феофан, если бы жил сегодня, наверняка по-другому бы об этом говорил.

— *Если бы какая-нибудь отдельная семья захотела воплотить принципы, провозглашенные святителем Феофаном Затворником?*

— Я бы ее предостерег. У нее нет того, что было фундаментом, базой той семьи, к которой обращался святитель Феофан. Сегодня человек, уже несколько преуспевший в церковной жизни, отдаленно напоминает человека прежних времен «среднего» или даже начинающего. Сегодня самое простое дается с большим трудом, чем тогда более или менее сложное. Святой Феофан обращался к людям, не столь развращенным умом и сердцем, не столь познавшим блага мира, не столь удалившимся от себя самих; к людям, не погруженным в плотный информационный поток, к людям, на которых не воздействовали в таком количестве соблазны мира, которые не знали и малой доли соблазнов, окружающих сегодня человека; к людям, которые вырастали в традиционной нравственной христианской атмосфере, где грехи хотя и были, но грехами и назывались. Сегодня эти же слова обращены к людям, живущим в совершенно другой ситуации. Слова-то хорошие, просто надо соотносить их с духовным уровнем слушателей.

— *Святитель Феофан очень жестко формулирует мысль о недопустимости для христи-*

анина таких развлечений, как театры, балаганы и пр. В наше время это допустимо?

— Мне кажется, что человеку духовно пробужденному, уже знающему высшие цели, театр не нужен. Но человеку не окультуренному, с зауженным мысленным горизонтом, театр может быть полезен. Повторю Гоголя: «Театр — не пустяковая вещь, если учесть, что 2—3 тысячи человек смеются одним смехом и плачут одними слезами». Этой мыслью Гоголь промучился всю жизнь. Театр — это школа воспитания. Если ставить только водевили и развлекать — это плохо, а если поставить цель воспитать, «чувства добрые лирой пробуждать», театр способен зародить в человеке высокие мысли, заронить в нем много поводов к размышлению. Я полностью разделяю категорические суждения, например, святых Иоанна Кронштадтского и Феофана Затворника о театре их времени. В то же время я понимаю, что сегодня для многих театр — это та ступенька, на которую еще надо взобраться, прежде чем ее отрицать.

Сегодняшнее пребывание в Церкви предполагает широкое образование или, по крайней мере, стремление к нему. Воцерковить современного человека — значит познакомить его с хорошей поэзией. Стихиры, каноны — это поэзия, причем не современная, а византийская. Воцерковить человека — значит привить ему музыкальный вкус — зародить любовь к другим мотивам и другим ритмам. Необходимо в нем воспитать и филологический вкус к слову: слову молитвы и слову Божию. Любовь к Церкви требует некоего исторического чутья, посвященности в целый

комплекс гуманитарных проблем. То есть современный воцерковленный человек не должен быть профаном в филологии, музыке, поэзии, истории, сектоведении и многом другом. Соответственно, хороший театр здесь не лишний.

— *Можно ли хвалить детей? Приходилось слышать советы, что похвала только развивает гордыню...*

— Я не согласен с этим. Мальчишке, например, рвут первый зуб в жизни. Он плачет, не хочет идти к зубному врачу. Родители утешают его: ты же мужчина, вспомни Александра Македонского, Суворова, богатыря Илью Муромца... Ты — мужик, и боль должен терпеть. Ребенок берет себя в руки, со слезами на глазах садится в кресло, ему рвут зуб, он встает с кресла, и отец ему говорит: ты мужчина, ты молодец. Я тобой горжусь. Мне кажется, в таких случаях не похвалить человека — это преступление. И таких случаев может быть масса.

Насчет подобных советов нужно заметить, что нашими учителями, к счастью и к несчастью, являются в основном монахи. Если миряне не учат монахов, как молиться, то монахи учат мирян, как детей воспитывать. Говорю я это не в упрек монахам, а в упрек белому духовенству. Почему оно молчит? Почему не учит людей? Священники должны заниматься тем, что сами опытно умеют и знают. В отсутствии этого — надлом и перекос церковной жизни. То, что люди за советом обращаются к монахам, свидетельствует о кризисном состоянии белого духовенства. А священники, простите, на что? Ладно бы молодые свя-

щенники, которые в сане лет по 15, которые детей еще не поженили. Мы можем ошибаться, примешивать какие-то страстные суждения... Но те священники, которые прожили жизнь, которые имеют внуков, которые у престола стоят по 50 лет, почему они не учат людей? Как, простите, предохраняться, как мириться с женой после ссоры, как с тещей общаться? Вот и получается, что мы обращаемся к монаху, который не знает, что такое за ребенком горшок помыть. А он с высокой трибуны теоретических знаний рассказывает, что нельзя хвалить ребенка...

— *Одинаковы ли воспитательные функции мамы и папы?*

— Папа — это винтовка, которая висит на стене и стреляет в третьем акте. Папа должен меньше говорить, меньше погружаться в какие-то нюансы. Конечно, мы говорим о классическом варианте, когда папа весь день на работе, а мама — дома с детьми. Папу с любовью боятся. Мать больше милует, но больше и наказывает. Папа же, поскольку видит детей реже, в свободное время хочет с ними поиграть, пойти куда-то, подарить себя детям. Но он же может и наказать. Идеальный папа находится на некоем семейном Олимпе. Все ломается, если папа вечно бездельничает и пьянствует, а мать его презирает. Иерархия ценностей рассыпается, происходит вселенская катастрофа в стакане воды.

— *А нормально ли, если папа вместо мамы «уходит в декрет»?*

Это, пожалуй, крайность. Папа в декрете не так продуктивен, как мама. «Папа может все что

угодно... только мамой не может быть». Мама нужна ребенку больше. Папа может помочь, но не должен заменять собой маму.

— *Когда ребенок рождается в православной семье — это одно. А если родители (или крестные) ребенка воцерковились, когда ему уже было лет семь-восемь. Как ввести его в Церковь? С чего начать?*

— Думаю, с личной домашней молитвы. Пусть ребенок молится дома и вместе с матерью, и сам, используя простые молитвы, плюс то, что на сердце — в таком возрасте у детей уже есть и страхи, и желания, и надежды. Нужно постараться привить ребенку опыт личного молитвенного к Богу обращения. Нужна детская христианская литература в меру детского понимания, жития святых. На службу приходить во второй ее половине, начиная с «Верую».

— *Как объяснить ребенку, что такое покаяние?*

— Только отталкиваясь от его опыта внутреннего дискомфорта, если он, скажем, совершил проступок, от которого на душе кошки скребут. Самое время объяснить, что в таком случае надо просить у Бога прощения, и тогда душа успокаивается.

— *Правда ли, что знакомство с духовной литературой начинать лучше с житий святых, а не с изучения Библии?*

— Пожалуй, да. Ведь человеку всегда любопытны драматические сюжетные линии, судьбы персонажей. Особенно интересны детям жития святых, где речь идет о святых и о животных (преподобный Серафим Саровский с

медведем, Герасим Иорданский со львом). Выбирать для чтения надо то, что согревает и умиляет, открывает окно в новый мир.

Библия нужна адаптированная, детская, и читать ее следует обязательно вместе с умным взрослым человеком. Библия даже для самых маленьких вмещает труднодоступные моменты — например, творение мира из ничего.

— *Есть мнение, что если ребенка регулярно причащать и водить в храм, все остальное само приложится.*

— Конечно, Причастие, душеполезное чтение — это очень хорошо, но этим не исцеляется гнилой фундамент. Начинать воспитание нужно с вечных нравственных ценностей, которые послужат фундаментом и для дальнейшей христианской жизни. Если при строительстве моста в расчетах допущена ошибка, то потом ни вагонами бетона, ни количеством металлических конструкций положения не исправишь.

Господь от нас не скрывается. Он так же близок к человеку, как и всегда. У нас же есть разум, которым современное человечество так кичится (мы так активно познаем мир, путешествуем, изобретаем), и мы обязаны докапываться до истинных, корневых смыслов. В этом — суть. Я убежден, что нам нужно вернуться к воспитанию в детях основных качеств, которыми должны обладать настоящий мужчина и настоящая женщина, до брака и в браке. И обращаться тут нужно не только к опыту веры, но и к опыту прожитых поколений, к опыту здравого смысла, к пониманию сути человека.

ЧТО ХРИСТИАНСТВО ПОДАРИЛО ЖЕНЩИНЕ?

— *Миф о том, что женщина в Церкви — существо «униженное и оскорбленное», увы, отвернул от церковного порога немало дочерей Евы. Начнем* с начала, *то есть с сотворения человека. Не кажется ли Вам унизительной история о создании женщины из мужского ребра?*

— Эта история очень красива. Если Адама Господь сотворил из неоформленного материала — земли, то творение женщины — это творение лучшего из хорошего. Для Евы Адам был и мужем, и отцом. Отчасти в этом заключается непреодолимое влечение женщины к браку, стремление достичь полноты бытия. Мне вспоминается одна еврейская агада, то есть притча, о сотворении женщины. В ней говорится, что Господь не создал жену из уст мужа, чтоб не была болтлива, из глаз — чтоб не была завистлива, из ушей — чтоб не была любопытна. Создал же из ребра как из части тела, близкой к сердцу мужа и закрытой плотью, т.е. никому не видной. Это толкование мне нравится больше, чем расхожая шутка о ребре как о единственной кости без мозга. Хотя, продолжает агада, женщина не избежала ни болтливости, ни зависти, ни любопытства. Но замысел Божий был в том, чтобы жена была не видна для окружающих и максимально близка к своему супругу. Здесь нет ничего унизительного. Наоборот, здесь много похвального для женщины, и сам факт такого сотворения определяет жизненную роль Евы.

— Видимо, после того как Ева стала первопричиной грехопадения, многое в ее предназначении поменялось...

— Предназначение женщины и было, и осталось одним — давать и сохранять жизнь. Интересно то, что грехопадение произошло с безымянной женщиной. Только мужчина имел имя — Адам. Женщина же приобрела имя после первых родов. Родив Адаму первенца, жена была названа мужем Евой — в переводе с еврейского "жизнь", ибо она стала матерью всех живущих. Святитель Филарет (Дроздов) задается вопросом: «Не странно ли, что имя "жизнь" дается той, которая стала причиной смерти?». И отвечает, что «Адам, называя жену Евой, пророчествует о Богородице, которая станет матерью истинной Жизни и исправит Евину ошибку...».

— Многим читателям, может быть, неясен смысл понятия «грехопадение». Что же произошло в Эдеме и каковы последствия той трагедии?

— Произошло нарушение заповеди Божией. Заповеди были (и есть) повелительные и запретительные. К примеру: чти отца и мать — повеление, не убий — запрет. В раю было нечто подобное. Было повеление возделывать и хранить Эдемский сад — и запрет вкушать от одного из деревьев. Запретом Бога первозданные люди пренебрегли.

Первой преступила запрет женщина. Она легкомысленно вступила со змеем в беседу, и это уже было началом греха. Наверное, с тех пор женщина «любит ушами» и более всего поддается лести и словесному обольщению. В Библии Бог,

наказывая Адама, говорит ему, что наказание пришло за то, что «ты послушался голоса жены твоей». Если помните, в евангельском повествовании о браке в Кане Галилейской есть диалог между Христом и Его Матерью. Богородица говорит Сыну: «Вина у них нет». А Христос отвечает: «Что мне и Тебе, жено? Еще не пришел час мой». Так вот, святитель Игнатий (Брянчанинов) видит в этом диалоге исправление Христом Адамовой ошибки. На предложение Евы Адам должен был ответить отказом: «Что мне и тебе, жена? Нам еще нельзя есть от этого дерева». Адам же послушался жены, и угроза Божия «смертью умрете» не замедлила проявиться в согрешивших прародителях. Телесно они умерли спустя огромный промежуток времени, но духовная смерть поразила их мгновенно. Они лишились славы Божией и увидали себя нагими. Совесть родила страх перед Богом, которого раньше они не знали, и бедная супружеская чета «скрылась», безумствуя, от Всевидящего Ока в зелени рая. Потом вместо покаяния началось самооправдание, сваливание вины Адамом на Еву, Евой — на змея, и вслед за этим — справедливый суд Божий. Люди, лишившиеся внутреннего блаженства, были лишены блаженства внешнего. Грех вошел в сердце, и грех выгнал их из рая. Эта история жизненно касается каждого человека, и каждый из нас может ощутить сердцем внутреннюю правоту этой истории и грандиозность совершившейся трагедии. Вопреки расхожему мнению ничего общего с половыми отношениями мужа и жены и грехопадением нет. Половая жизнь людей началась после изгнания из рая.

— Человек был создан по образу и подобию Божию. А женщина, согласитесь, тоже человек. Как же это понимать?

— Много недоразумений возникает при плотском понимании сотворения человека по образу Божию. Творение по образу вовсе не означает, что Бог человекоподобен. Это значит, что человек богоподобен, и богоподобие это проявляется в разумности, словесности человека (человек, как и Бог, имеет слово). Человек был поставлен царем над всей тварью, и царское достоинство тоже является проявлением богоподобия. Так что не стоит представлять Господа старичком, сидящим на облаках, хотя эта иллюзия и подпитывается неканоническими иконописными изображениями. Следует думать, что как мужчина, так и женщина в своей духовной природе одинаково наделены образом Божиим: им одинаково доступны таинства Церкви, молитва, духовные дарования.

— Почему же тогда женщине нельзя быть священником?

— Сам Господь, воплотившись, был мужем, и священник является образом воплотившегося Господа. У женщины другое послушание. В силу физических и психических отличий от мужчины крест священства для женщины невыносим, так же как невыносим и невозможен для мужчины крест материнства. Повторяя одного из философов ушедшего века, можно сказать, что женщина религиозно гениальна и в религии она — сильный пол, но эта сила и гениальность доходят до некого предела и дальше перейти не могут. Мужчине же Бог открыл большую перспективу

духовных стремлений и возможностей. Как и апостолы, священники всегда были и будут в Церкви только мужского пола. Это как бы невысказанная заповедь.

— *Что значит невысказанная заповедь?*

— Смотрите. Господь сотворил одного мужчину и одну женщину. Не двух мужчин или одну женщину и не трех женщин и одного мужчину. Тем самым давая понять, что моногамия есть единственно нормальное состояние человека в браке. Слова сказаны не были, но сам факт творения красноречиво говорит о замысле Божием. Так же и со священством: избрав в ближайшие ученики и сотаинники только людей мужского пола, даровав им власть «вязать и решить», учить и крестить, Господь установил закон церковной жизни: священствует мужчина.

— *Тем не менее в древней Церкви существовал институт диаконис...*

— Слово «диакониса» в данном случае нужно понимать буквально, то есть «служительница». Это не женский вариант диаконского современного служения. Диаконисы древности помогали священникам при крещении женщин, могли выполнять послушания, связанные с уходом за больными и старыми, распоряжением церковным имуществом — не более того. Ничего связанного с литургией и проповедью диаконисы не выполняли. Если уж выискивать прецеденты в истории с целью возвеличить женщину, то гораздо полезнее обратить взор на тех христианок, которых Церковь назвала равноапостольными, например, святую Ольгу или

святую Нину. Их труды на благо Церкви были столь грандиозны, что плодами этих трудов являлось приобщение ко Христу многих тысяч душ. Но даже в этом случае они действовали силою слова, содействием государственных и общественных институтов, силою власти, но никак не священнодействиями. Им нужны были священники, закрепляющие и продолжающие их дело. При Ольге они пришли из Византии, при Нине — из Антиохии. Без пастырей и помощников труды этих жен так и остались бы незавершенными.

— Вы цитировали древнюю еврейскую агаду. Но если древние иудеи так тонко понимали замысел Божий о человеке, почему же отношение к женщине у них было таким пренебрежительным?

— Все исковеркал грех. Причем жизнь показывает нам, что грехи религиозных людей иногда бывают страшней и изощренней грехов людей, не знающих Бога. Знавшие Бога евреи своими беззакониями во многом превзошли язычников. На одном из еврейских сайтов в интернете я прочел мнения разных раввинистических школ о разводе. Так вот, до сегодняшнего дня некоторые раввины разрешают разводиться мужу с женой, если жена ела на улице или зевнула при посторонних! До такой степени извратилось религиозное сознание евреев очень давно. И противоположные примеры являются скорее исключением. Но подчеркну, что это касается религиозных, а не светских евреев, то есть таких, которые руководствуются в жизни Талмудом и учениями своих мудрецов.

В моей жизни был период преподавания в школе христианской этики. Я работал как учитель, получал зарплату, регулярно ходил на уроки. Темы занятий в 9 — 11 классах часто соприкасались с темой пола и брака. Эта тема всегда находила живой отклик у ребят, и занятия проходили интересно и увлекательно. Однажды мы читали библейское повествование о спасении Лота из Содома. Если помните, то Библия рассказывает о том, что жители Содома, увидавши Ангелов, пришедших к Лоту, захотели познать их (Ангелы имели вид обычных людей и развратникам были интересны как незнакомцы). Так вот Лот, желая сохранить гостей неприкосновенными, предложил содомлянам двух своих дочерей, не познавших мужа, сказав при этом: «Делайте с ними, что хотите». Это место Писания буквально шокировало слушающих. Я объяснил им, что для ветхозаветного сознания гость дороже дочери. Не сына, нет, сына Лот бы не отдал. А вот дочь ветхозаветный праведник не колеблясь решается отдать вместо гостя...

— *Слава Богу, что сегодня все по-другому!*

— То, что в нашем сознании женщина равна мужчине, так же драгоценна и неприкосновенна, — это заслуга христианства. Даже не верующие во Христа люди должны быть благодарны Христу за тот переворот в сознании и то изменение жизненных ценностей, которыми мы сегодня пользуемся. Подобных вышеприведенному мест в Писании немало. Действительно, женщина была унижена в глазах ветхозаветного человечества, и, говорят, на Востоке плакали, когда рождалась девочка. Можно вспомнить

историю из Книги Судей, где некий левит отдал на поругание свою наложницу развратным жителям города, после чего женщина умерла. Это было сделано так хладнокровно, как будто речь шла о животном, а не о человеке. И такова вся история женщины до Христа. Такова она и сегодня там, где Христа не знают и не почитают родившую Его Пречистую Богородицу.

Так что говорить об унижении христианством женщины мы не имеем никакого права. Только благодаря Христу женщина во всем уравнялась в правах с мужчиной. И это постепенно вошло в законодательство и этику христианских народов. Благочестивый иудей до сегодняшнего дня ежедневно благодарит в молитвах Бога, что Тот не создал его животным, язычником и... женщиной. Таких молитв в Православии нет и быть не может.

— *Но судя по всему, среднестатистическая женщина не привыкла благодарить христианство за подаренную ей свободу. Скорее наоборот: считается, что Православная Церковь женщину крайне угнетает и унижает.*

— Безусловно, с точки зрения современного человека женщина в Православии играет второстепенную роль по сравнению с мужчиной. Либеральное сознание оскорбляется непременным покрытием головы, законом о критических днях, словами Нового Завета «жена в Церкви да молчит» и пр. Но нужно сказать, что свобода, принесенная женщине Евангелием, не сделала женщину мужчиной. Различие полов, проявляющееся в особых жизненных ролях, в психологии, физиологии, сохраняется. Этим различием и

обусловливается различие в ролях мужчины и женщины в церковной жизни. Со всей ответственностью можно сказать, что место женщины — семья. Это ее алтарь, ее святыня, точка приложения всех ее творческих усилий. С одной стороны, это рутинная, незаметная работа, которой все пользуются и никто не ценит, с другой стороны — это некая ось мира, вокруг которой вращается все. Женщина-мать, женщина-хозяйка, женщина-любящая супруга — это существо, держащее весь мир в своих ладонях. Мне очень нравится английская пословица: «Миром правит рука, качающая колыбель». Ведь подумайте: все ньютоны, шекспиры, наполеоны рождены женщиной, вскормлены женщиной, женщиной воспитаны. Если в Церкви она и молчит, то вовсе не молчит дома, в семье, которая есть малая Церковь. Кто учит детей молиться? Кто читает и объясняет им детскую Библию? Конечно, мама, и, конечно, это служение священно. Кстати сказать, уже и в Церкви женщина не молчит, поскольку поет на клиросе, нередко исполняет обязанности чтеца, псаломщика. Женщина может вести воскресную школу, курсы катехизации, а значит, полного безмолвия в отношении женщины в Церкви нет.

— *В святоотеческой литературе женщина часто именуется источником соблазна, вместилищем греха и пр. Кажется, такое отношение к слабому полу несправедливо укоренилось в приходском сознании...*

— Источником соблазна, вместилищем греха может быть и мужчина. Нам нужно помнить, что Православие — монахолюбивая вера. Мы обязаны монастырям образованием, защитой

своего Отечества. Монахи издревле воплощали все лучшее, что было в народе. Они же были и учителями этого народа. Поэтому и литература назидательная пропитана аскетическим отношением к жизни. Может так получиться, что то, что живо и полезно для живущего в одиночестве, может быть неполезным или невозможным для живущего в миру. Поэтому к духовной литературе нужно подходить избирательно. Как говорили отцы: «Избери себе чтение». Оно должно соответствовать образу жизни. Из-за несоблюдения этого важного правила в церковной жизни может возникнуть перекос в сторону женоненавистничества или ханжества.

— *Всякий, кому случалось быть в церкви на венчании, не мог не обратить внимание на слова апостола «Жена да боится своего мужа». Ими заканчивается апостольское чтение. Они легче всего запоминаются и меньше всего понимаются. Что имеет в виду апостол?*

— Евангелие пришло к нам из греческой культуры. Язык философии и высокой поэзии стал языком Божественного Откровения. Там, где у нас одно слово, у греков может быть два, три и более. У нас, к примеру, одно слово «народ», а у них может быть в зависимости от контекста и «лаос», и «охлос», и «демос». Та же история со словами любовь, смерть, жизнь. Эти слова у греков многозначны. То же касается и слова «страх». В библейское понятие «страх» вложено очень много смыслов. Здесь и благоговение, и послушание, и просто животный ужас, и память о том, кого боишься, и много-много прочего. Когда мы повторяем слова апостола о страхе жены перед мужем, то мы имеем в

виду не страх слабого существа перед пьяным верзилой, а послушание любящей жены своему мужу как господину.

— Звучит как-то слишком по-азиатски... Для европейского созтния, пожалуй, даже оскорбительно.

— Когда мы не понимаем тех или иных слов Писания, это говорит о том, что в нашем опыте нет того, из чего родились эти слова.

Если мы говорим о христианском смысле отношений в браке, то мы не должны заигрывать с современным либерализмом. К грешнику притронься — он кричит, что кожу дерут. Европейское сознание оскорбляется почти всем здоровым и естественным. А муж есть образ Христа, и жена — образ Церкви, послушной своему Господу. Отношения мужа и жены так же, как отношения Христа и Церкви, предполагают послушание, иерархичность, но они также предполагают нежность, заботу, жертвенность, какие есть в этом образе. Помните, мы говорили о ребре, которое близко к сердцу? Женщине необходимо почувствовать себя в браке как бы водворившейся на законное место, приблизившейся к сердцу мужа и спрятавшейся от всех. Если этот опыт она переживет, для нее не будет оскорблением считать своего супруга господином и хозяином. Она с радостью назовет его хоть падишахом, потому что почувствует себя неотъемлемой частью его. Поскольку отношения в современных браках зачастую строятся на эгоизме, то в такой холодной семейной среде не рождаются подобные теплые чувства. Люди проживают целую жизнь, ни

разу не ощутив себя настоящей женой или настоящим мужем.

— *Но бывает ведь нередко, что «господин и хозяин», мягко говоря, «не тянет» на образ Христа... Что тогда?*

— Боюсь, к этой язве пластырь не приложишь. Мы живем в эпоху все большего обмельчания человека. Такие характерно мужские черты, как честность, храбрость, выносливость, вымываются из жизни с каждым поколением. Для того чтобы быть любимым как господин, муж сам должен любить жену, как Христос любит Церковь, то есть жертвенно, верно, до конца. Причем, думаю, он должен первым так любить свою жену, и тогда женщина, созданная Богом для любви, непременно ответит ему и верностью, и благодарностью, и послушанием. Начинать надо с мужчины.

— *Идеально! Но не кажется ли Вам, что слова эти оторваны от повседневной жизни?*

— А мы как раз и вторгаемся в область идей. Мы формируем идеальные представления человека о том или ином жизненном явлении, поскольку повседневная жизнь управляется именно идеальными представлениями. Человек никогда полностью не дотягивает до идеала, на пути к нему часто падает и ошибается, но именно наличием идеала и его содержанием мотивируются поступки. О человеке и судить можно не только по делам, но и по стремлениям. Наверное, грязь окружающей жизни напрямую связана с мысленной грязью людских представлений о жизни. Поэтому наши слова могут казаться слишком сладкими и несбыточно высо-

кими, но в силу того, что это правда Божия, о ней нужно говорить, ее нужно знать. Посеянное в человеке семя даст со временем свои плоды, как бы ни казалось это поначалу нереальным и далеким.

«НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...»

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

«Я не нашел себя в списке». Есть ситуации, когда ничего страшнее этих нескольких слов не придумаешь. Это знают провалившиеся абитуриенты. Они мучились с репетиторами, не спали по ночам, заходили в аудитории с потными от страха руками. Теперь экзамены позади, и уже вывесили списки тех, кто зачислен. Родители и дети, вытягивая шеи и приподнимаясь на цыпочках, пробегают глазами по столбцам с фамилиями. «Нет! Нет меня! Не поступил!». Слезы сами брызжут из глаз. Обида сжимает горло. Огорченные родители обнимают плачущих детей и плачут с ними вместе. Деньги потрачены даром, и год потерян. Но сильнее всего обида за то, что не признали, не поняли, не заметили.

Есть ситуации несравнимо болезненней. Они тоже связаны с именами и фамилиями в списке. Это, к примеру, списки выживших в авиакатастрофе. Лучше упасть замертво от удара молнии, направленной именно в тебя, тебя одного, чем не найти в таком списке родное имя и фамилию.

«Вас нет здесь. Вы не прописаны» — это значит, что вы — бомж. Ваше имя расплылось от воды, или стерлось на сгибе, или было непра-

вильно записано в документе — все это означает, что у вас начались большие и непредвиденные неприятности, а может, даже жизненная катастрофа.

Не надо пренебрегать «бумажкой». Она мистична, и не зря от нее так часто зависит жизнь. Наступит день, когда все тайное станет явным. Об этом Дне сказано: *Судьи сели, и раскрылись книги* (Дан. 7,10). Речь пойдет о месте вечного жительства человека. Всякому захочется войти в ворота Небесного Иерусалима. Но хотя *Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет* (Откр. 21, 25), войти в них сможет не каждый. Писание говорит, что не смогут войти те, кто *предан мерзости и лжи* (Откр. 21,27).

И здесь, на земле, открытие книг и поиск имен — это постоянное напоминание о будущем, которое заранее увидел Иоанн.

И увидел я мёртвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими (Откр. 20,12).

* * *

От любви ко Христу зависит все, зависит и временная жизнь, и вечная. Грешишь ты, брат, не переставая, потому что Христа не любишь. Грех любишь, себя любишь, футбол любишь. Расплескал силы сердца по тысячам мелких любовей, а «единое на потребу» не любишь. *Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих* (Ин. 14, 24). Напротив, *кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое* (Ин. 14, 3).

Не от силы воли и не от привычки к благочестию зависит жизнь по заповедям, а от любви к Господу Иисусу. С этой мыслью слушай, что Господь трижды спрашивает у Петра: *Симоне Ионин, любиш ли Мя?* (Ин. 21, 16).

Только с этой мыслью можно, не опасаясь соблазниться, читать Песнь песней. *Если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? Что я изнемогаю от любви* (Песн. 5, 8).

* * *

Резиновый мяч, с усилием погруженный в воду, тотчас выскочит из воды, как только мы отпустим руки. Точно так же мысль о смерти выскакивает из сердца, как только перестаешь ее туда с усилием погружать. Мысль о смерти чужда человеку, и в этом есть тайна. Для того чтобы понять, что ты обязан уйти из мира, как и все остальные, нужно столько же усилий ума, сколько тратит человек, начиная партию с «Е2 — Е4». Но в том-то и фокус, что логические операции — это не жизнь. Это — обслуживание жизни. Сама жизнь нелогична, вернее — сверхлогична. Страшно сказать, но мне иногда и дела нет до того, что одни уже умерли, а другие умрут. Чувство вечности, чувство личного бессмертия живет в моей груди, как цыпленок под скорлупой, и с каждым ударом сердца просится наружу. А что же смертный страх? Он есть? Да, есть. Но это страх суда, это боязнь уйти на суд неготовым. Это предчувствие того ужаса, который охватит грешника, когда надо будет поднять лицо и, глаза в глаза, посмотреть на Иисуса Христа. Для человека, который не любил Христа и всю

жизнь умудрился прожить без Него, других мук не надо. Надеюсь, для любящего все будет иначе.

Трогательны слова акафиста:

Иисусе, надежда в смерти моей,
Иисусе, жизнь по смерти моей,
Иисусе, утешение мое на Суде Твоем,
Иисусе, желание мое, не посрами меня тогда...

Так, посреди шума костей, сустав к суставу соединяющихся друг с другом, посреди страха от разгибающихся книг и ожидания приговора, человек, любящий Христа, будет смотреть на Него с любовью. «Что бы Ты ни сказал мне, — подумает такой человек, — куда бы Ты ни отослал меня, Ты — утешение мое на Суде Твоем».

* * *

Смотрю на людей и с удивлением думаю о том, что всех их родили женщины. Родовые пути очень малы в сравнении с имеющим родиться человеком. Не есть ли это образ «тесного пути и узких врат», ведущих в жизнь, о которых говорит Спаситель? Подвизайтесь, говорит Он, войти тесным путем. И это может значить, что рождение в эту жизнь служит подобием рождения в вечность. *Женщина, рождая ребенка, имеет скорбь, а затем не помнит скорби и радуется, потому что родился человек в мир* (Ин. 16, 21). Со скорбью и теснотой подобает родиться и для будущего мира, а потом забыть о скорби, оборачиваясь и глядя на прошедшую жизнь как на удаляющееся сновидение.

Рождаясь, ребенок крутится по спирали и движется вперед, раздвигая себе дорогу. Подобно морю, раздвинувшему воды и пропустившему израильтян, женский организм дает ребенку дорогу, и затем путь закрывается. Море обратно смыкает воды. Мы смотрим на младенца и удивляемся: как он оказался в животе матери? Как он вышел наружу? Как совершается это многократно повторяющееся чудо?

Рождение — это смерть одного образа жизни и начало другого. Из воды на воздух, из темноты на свет, от питания через пуповину к первому крику и первому наполнению воздухом легких. Постоянная школа премудрости, научающая верить в будущую жизнь, — вот что такое действительность, скрытая за фасадом родильного отделения.

* * *

Как по-разному умирают люди! Серафим Саровский — на коленях перед образом, в молитве. Достоевский — под тихий голос жены, у его кровати читающей Евангелие. А вот другие примеры.

Арий — присев для исправления надобности в общественном туалете. Дидро — подавившись косточкой персика и гадко ругаясь. Пушкин шептал: «В горняя, в горняя...». Суворов сказал в забытьи: «Покой души у Престола Всевышнего». Чехов попросил шампанского...

У египетских отцов был совет: услышав о том, что кто-то готовится умереть, идти туда и находиться при умирающем. Нужно помочь человеку молитвой и нужно ловить последние сло-

ва уходящего брата. Умирающий не лжет и не лицемерит. В одну фразу он вмещает весь опыт прожитой жизни. И души тех, кто находится рядом, напитываются страхом и величием происходящего.

* * *

В биографической литературе мне интересны последние страницы, описание смерти. Внезапно умер или после «долгой и продолжительной болезни». В кругу родных или в одиночестве. Успел причаститься перед смертью или об этом даже речи быть не могло. Все это — самое важное и для нас, и для покойного. Как писал Бродский: «Точка всегда обозримей в конце прямой».

Мне известны, по крайней мере, два характерных случая. И там, и там речь идет о здоровых мужиках, которым, по народному мнению, «еще жить и жить». Каждый из них в свое время пришел домой раньше обычного и первым делом налил себе граммов 150 водки. Выпил залпом и затем требовал от жены исполнения «супружеских обязанностей». Жены удивлялись и отнекивались, ссылаясь на то, что, дескать, еще светло, рано и прочее. Но мужья в обоих случаях были настойчивы и мотивировали требование тем, что это «в последний раз». Оба они в ближайшие часы после этих нехитрых и одинаковых удовольствий отдавали Богу душу.

Эти истории произошли в разное время, в разных городах и с совершенно непохожими людьми. В обоих случаях они как будто поставили точку в своей жизни, последний раз совершив самые дорогие для себя действия. Оба смерть

почувствовали как-то по-звериному, хотя ни они сами, ни их родные, ни врачи еще за день ни о чем подобном не помышляли.

Думаешь об этом и понимаешь, что нет никого мудрее и человеколюбивее, чем наша Церковь, заставляющая нас ежедневно молиться: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове просим».

И еще вспоминаются Павловы слова о некоторых: *Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их в сраме, они мыслят о земном* (Флп. 3, 19).

* * *

Как жалко, что мои учителя биологии не сумели поселить в моей душе любви к природе. И учитель астрономии не научил меня с любовью смотреть на звездное небо. Как жаль. Они не сделали этого потому, что не ставили себе таких целей. Они цедили сквозь зубы научные термины и писали мелом на доске всякую никому не нужную чушь. А ведь я с совсем особым чувством читал бы теперь главы Бытия о творении, и 103-й псалом, и последние главы Иова. Все то в Писании, к чему живая природа является живой и доступной иллюстрацией.

Окуджава с его песней «Виноградную косточку в теплую землю зарою» — гораздо лучший учитель, чем многие дипломированные педагоги.

* * *

Миллионы людей молились и молятся Богу, и всех их слышит Бог. Не только слышит, но и понимает. И понимает не потому, что Он — по-

лиглот, не потому, что знает все человеческие языки со всеми их наречиями и произношением. Не потому. А потому, что слышит Бог человека еще до того момента, как раскроются молящиеся уста. Зародыш в женской утробе видит Бог с первых секунд зачатия, и зарождающуюся молитву видит Бог в глубине человеческого сердца еще до того, как она станет звуком.

Язык сердца нашего знает Бог. В этом языке нет подлежащих и сказуемых, причастий и наречий, запятых и кавычек. Но в нем есть то, чем живет человек: вера, тревога, радость, страх, сострадание. Все это видит и понимает Бог.

А если звуки, слетающие с уст человека, не соответствуют тому, что живет в сердце человека, то это вовсе не считается молитвой. Как на бессмысленно и беззвучно открывающую рот рыбу, смотрит Бог на такого человека, и жалко Ему, что это не вполне человек.

* * *

Когда мы измучиваемся от лжи и бессмыслицы, мы спрашиваем Тебя, Боже: «Разве так должен жить человек?». И когда Ты видишь нашу усталость и недоумение, Ты говоришь нам о Небе, о будущем Небесном Царстве, где высохнут слезы, отбежит печаль и воздыхание.

А когда мы поднимаем глаза наши вверх, когда хотим получше узнать об этом будущем Царстве, Ты заставляешь нас опустить глаза на землю и показываешь нам зерно, и рыбу, и виноград. «Царство Небесное, — говоришь Ты, — подобно зерну горчичному, посаженному ви-

ноградику, пойманной рыбе...». Так мы и проводим жизнь, то задирая голову, то опуская ее, то утешаясь мыслями о Небе, то рассматривая земное, чтобы лучше понять небесное.

«НАСТАНЕТ ДЕНЬ, КОГДА И Я ИСЧЕЗНУ...»

Неправда, чте «мысль о смерти тяжела и холодна. Неправда, что она отравляет чувство момента и мешает жить. Она, напротив, творчески раскрашивает жизнь, и заставляет думать, и дает перспективу...

С одной стороны человек выходит на сцену жизни и жмурится в свете рамп, чтобы вскоре уйти со сцены в другую сторону. Туда, где темнота молчит за шевелящейся кулисой. Зал тоже прячется в темноте, и человек видит лишь первые несколько рядов да макушки музыкантов в оркестровой яме. Ничего больше полуослепший артист не видит.

Кто чаще всего думает об этом? Тот, кто чаще всех встречает очередного отыгравшего свою роль человека на черте, отделяющей залитую светом сцену от закулисной тьмы. Это — доктор, могильщик и священник. Эти трое — мудрецы по призванию. Ловите горькие и скупые слова, слетающие с их уст. Они дорого стоят. На искусно наложенный грим, на пыльные бутафорские костюмы и громкие заученные фразы они не обращают внимания. Пусть человек понятен для них не до конца, пусть не знают они

его так, как знает его Бог. Но все же знают они человека глубже других, и взгляд их на человека более прям и честен.

Эти трое имеют больше возможности думать о сути, а не о деталях.

Доктор не всегда умен, как Чехов. Священник далеко не всегда свят. Что до работника кладбища, то и он не всегда способен, выкапывая могилу, произносить шекспировские монологи. И все же грустное «не всегда» не совпадает с безжалостным «никогда».

* * *

Сердце сильнее всего уязвляется звуками. Плачем ребенка, голосом кукушки, скрипом двери в опустевшей квартире... Сердце Богоматери разрывалось от стука молотков, вгонявших гвозди в невинную плоть Ее Сына. Молоток, методично бьющий по шляпке гвоздя, разрывает миллионы человеческих сердец, когда рабочие на кладбище прибивают крышку ко гробу. Священник тоже это слышит. Он читает Трисвятое и поет «Вечную память». Он слышит стоны и всхлипы, крики и вздохи людей, которые пока остаются, но прощаются с тем, кто уже уходит. Каждый раз с кладбища священник возвращается поумневшим. Он с удивлением смотрит в тарелку с приготовленным обедом, а перед глазами у него все еще стоят венки, кресты и раскрытый зев могилы. Новости по телевизору или голос певицы из радиоточки звучат для него кощунственно, оскорбительно. Ведь он только что слышал звон колокола, который звонил и по нем.

Настоящий поэт тоже немного священник. Он не может не писать о смерти.

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали.
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Мир для поэта щемяще красив и трагично сиюминутен...

* * *

У вас опять выборы, а у нас — вселенская панихида. У вас — презентация новых товаров и бойкий рапорт о последних успехах. А у нас — кадильный дым и светлая мысль о неизбежном. Мысль трепещет, как птица в клетке, и рвется в Египет. Не в Шарм-эль-Шейх и не в Хургаду, а туда, во времена фараонов. Мысль рвется в те времена, когда для людей было очевидно: на земле мы живем миг, а вне земли — вечность. И люди почитали глупостью отдавать земле с ее суетой все свои силы и не готовиться к вечному и живому будущему.

Даже во время свадьбы, в разгар пира, посвященного торжеству жизни, эти люди вносили в комнаты с пирующими мумии умерших сродников. Неважно, для чего это делалось, — для приобщения мертвых к радости живых или для напоминания живым об общем исходе. Важно, что это правильно. Правильно поступают и наши молодожены, когда в канун венчания идут помолиться на могилы почивших родственников.

Если я, будущий покойник, буду думать об этом чаще, я не буду злиться на соседа (тоже будущего покойника), громко включающего музыку по вечерам. И если сосед будет думать об этом хоть изредка, разве станет он включать с наступлением темноты свою рычащую аудиосистему? Мир станет тише и задумчивее, мир будет чуток и сострадателен. Я хочу жить в таком мире.

Как же вы говорите, что мысль о смерти тяжела и несносна?

Эти капли дождя, как шмели, гулко бьющиеся в стекла, и этот запах маттиолы, заплывающий в комнату с лоджии, поистине восхитительны с точки зрения будущей смерти.

«НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...»

Уместно ли молодым говорить о старости? Чтобы ответить на этот вопрос, зададим вопрос похожий: уместно ли богатым думать о бедности? Мне кажется, уместно, поскольку если очередной жизненный поворот и не накажет состоятельного человека нищетой, то все равно смерть разлучит человека со всем, что он имеет. Правильный взгляд на богатство — это взгляд с точки зрения его относительности или даже ничтожности. Только так можно правильно расположить свою жизнь по отношению к имуществу и самому обладать им, не давая ему обладать тобой.

Так же попробуем взглянуть на молодость. Она богата временем, силами, дерзанием. Она

буквально кипит богатством, которое, на беду, так скоротечно и так же быстро исчезает, как утренний туман. Современная культура вежливо презирает стариков. Нет, конечно, мы помним, что мера гуманизма — это отношение к женщинам, детям, калекам и пожилым людям. Но все равно западная культура ориентирована на молодого и здорового. Стоит тебе впасть в немощь, как тут же тебя пересаживают в шлюпку, а «Титаник» жизни, сверкая огнями и гремя оркестрами, уплывает дальше. Современной жизни старик не нужен. В идеале его нужно изолировать в комфортный дом престарелых, где обслуживающий персонал за достойную зарплату окажет старику комплекс необходимых услуг. А жизнь спешит вперед — за миражами и фантазиями.

Старики на Западе чувствуют это и панически боятся перестать понимать молодых, стать для них неинтересными и немодными. Они одеваются в спортивную одежду, стараются путешествовать, если им позволяет достаток, жадно вслушиваются в шумное многоголосье современности, пытаются «быть в курсе».

У нас сегодня нет культа старика, культа аксакала. Нет мысли о том, что живший дольше знаетбольше и может дать полезный совет. В Православии сохранилась любовь к старцам, не только достигшим благодатного просвещения, но и к просто благообразным и мудрым пожилым людям, готовящимся переступить через грань, отделяющую время от вечности. Но это только в Православии, а в жизни как таковой старик — это лицо, достойное жалости, а не уважения.

На Востоке традиционно прислушивались к голосу пожилого человека. Спросить, посоветоваться, сделать так, как скажут, — это аксиомы жизни многих обществ за пределами европейской цивилизации. И в этом они лучше нас. Их старики тоже лучше наших. Не всякая старость, к сожалению, мудра, и не всякая — богата опытом. Для того чтобы старость была красива, нужно чтобы жизнь была прожита правильно. Доброта в глазах, степенность и немногословность в речи, умилительная седина — все это и многое другое — знак свободы от страстей, которые или побеждены и попраны, или выжжены скорбями и болью прожитых лет.

Страшно смотреть на человека, в чьем немощном теле, от близости к могиле уже пахнущем землей, живут и действуют все те же страсти, что и в молодости. Отвратительны старики завидующие и суетящиеся, злобствующие и не могущие найти других тем для разговора, кроме осуждения властей и всех вокруг. Поскольку бесы бесстыдны, они способны возбудить любую страсть даже в умирающем человеке. Если люди прожили всю жизнь в погоне за комфортом и без мыслей о вечности, они и в старости могут быть заражены юношескими пороками (см. образ и философию Федора Павловича — старшего Карамазова).

Если лучи Евангелия глубоко проникнут в нашу постсоветскую действительность, мы сумеем защититься от дерзких попыток омолодиться и победить время — от того, над чем бьется сегодняшняя забывшая о Христе медицина. Сильные мира сего всегда задумывались о про-

дении своей жизни. Китайские императоры верили, что жизнь будет вечной, если овладеть тысячей девственниц. Римские императрицы купались то в крови рабов, то в кобыльем молоке. Фантазия буйствовала, но немощи и смерть были неумолимы. Сегодня богатые подключили к этим потугам медицину. Профессор Преображенский у Булгакова кроме опытов над собачками был известен тем, что возвращал богатым пациентам силу и половую потенцию, к примеру, пересаживал стареющим дамам яичники обезьяны, чтобы сделать возможной полноценную жизнь с молодыми любовниками. Это смешно, но прозорливо. Современная медицина именно этим и занимается.

Классический образ старческой красоты, глубокой, мудрой, отражен Церковью в иконах Симеона Богоприимца. Всмотритесь в глаза этого человека, прожившего длинную жизнь с завидной верностью и постоянством. Вот он, готовый умереть, держит на руках недавно появившегося на свет Младенца, Который в то же время — Ветхий Днями. Старик держит на руках Славу Израиля, Того, Кого он любил всю жизнь, не видя, а теперь видит и умирает с радостью. Он говорит «ныне отпущаеши» не так, будто его ждет смерть, а будто он — раб, уходящий на свободу.

И были, и есть старики, уходившие в вечность тихо и радостно. Они вступали в вечность с надеждой увидеть своих родных, тех, с которыми смерть их разлучила и с которыми Христос их соединит. Были и есть старики, которые, достигнув некоего возраста, уже не искали в жиз-

ни удовольствий, а жили просто — по послушанию, в ожидании удара того колокола, который прозвонит по ним. Многие тысячи таких людей унесли с собой свою тайну, а многие частично ею поделились. Из воспоминаний, писем, стихов мы знаем, что в старости мир пронзительно прекрасен. И ничего особого не нужно, чтоб быть счастливым, только смена дня и ночи, и времена года со своим пышным разнообразием, и старенькая Псалтырь на столе, и фотографии родных, и внуки...

У архиепископа Иоанна (Шаховского) есть стихотворение на эту тему. Там есть такая строчка: «Я тебя уже люблю и знаю». Это о старости. Автор приветствует ее, благодарит Бога, что он до нее дожил, а приближение ее он распознал по углубившемуся чувству красоты мира.

Старость подойдет к нам внезапно, сзади. Прикроет глаза своими ладонями, и мы не сразу угадаем, кто это. Ее мягкие шаги уже приближаются... Если не верите — вспомните, какими стариками казались вам десятиклассники, когда вы пришли на первый звонок. Вспомните, какими старухами вы считали тридцатилетних женщин, когда вы только окончили школу. Вспомните, как смеялись вы над людьми, женившимися в 40 лет, когда в первый раз шли на свидание. Душа не чувствует возраста, и только зеркало да люди в транспорте, говорящие вам «вы», подтверждают мои слова.

Старости не надо бояться. Она красива не меньше, чем детство и юность. Дети знают об этом и льнут к старикам, как будто они посвя-

щены в одну и ту же тайну. Старики платят малышам той же нежностью и привязанностью.

Вызванные из небытия в бытие Божественной любовью, люди красивы всегда. Мир станет плоским и жутко обнищает, если мы лишим его красоты заката и багряных красок осеннего леса. Этим шедеврам природы в мире людей соответствует старость.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

Каждому человеку однажды придется, независимо от его желания, совершить путешествие и опасное, и удивительное. Разные книги по-разному описывают его длительность: три дня, сорок дней, больше... Отправляясь в эту дорогу, нужно будет обязательно подкрепиться пищей. И поскольку путь необычен, пища должна быть особенной и соответственна удивительности путешествия.

Илия, перед тем как идти на гору Хорив для встречи с Господом, долго спал. Затем был разбужен Ангелом, который дал ему пищу и сказал: «Восстань, ешь и пей». Он ел, пил, и затем совершил длительное путешествие, укрепленный этой едой.

Мы тоже будем путешествовать для встречи с Господом. Речь идет о несомненном факте нашей будущей жизни — о смерти. Так вот, пища, могущая нас укрепить для долгой и неизвестной дороги, — это Тело Христово и Кровь Его.

Перед смертью нам надо будет причаститься. В прежние эпохи это называлось «исполнить долг». Обмирщение христианского общества и

отход многих тысяч людей от церковной жизни начались не в 17-м году. Столетиями до этого многие христиане бывали в Церкви трижды за жизнь: на крещении, на венчании и на собственном отпевании. Постоянно пытаясь вернуть людей к благочестию, Церковь все же не строила иллюзий насчет «всеобщего исправления». И тогда ее заботы направлялись на то, чтобы не отпустить человека из этого мира не примирившимся с Богом.

Крещение неотъемлемо, оно навсегда образует связь человека со Христом. Смыть Крещение с себя невозможно. А значит, человек, пусть проживший жизнь нерадиво, пусть закопавший талант в землю, не выросший в меру призвания, все же до конца Богу не чужд. Не все нити порваны. И он может быть спасен, хотя бы так, как выхваченный из огня. На это направлены и для этого существуют предсмертные исповедь и причастие. Мы ведь помним разбойника, малыми словами умолившего Господа. Помним и о том, что спасение совершается не от дел, но по милости. И в этой предсмертной Чаше могут уже под занавес жизни омыться все неправды и беззакония человека, ставшего в одночасье маленьким и боязливым, чувствующим, что его ожидает Суд.

У этого последнего, «благоразумно разбойнического» способа спастись есть немало врагов. Например, обычаи мира. Мир до жути безбожен, даже среди христиан. Стоит священнику в рясе прийти к кому-то домой — и уже могут звонить соседи с вопросом: кто у вас умер? Реальность будущей жизни и иллюзорность ны-

нешней поменялись местами в головах людей. Мы так цепляемся за эту скучную землю. «Почему вы не причастили отца (мать, бабушку) перед смертью?» — спрашивают то и дело священники. «Мы боялись, что он (она) будет думать, что пора умирать. Мы хотели, чтобы он еще пожил. Мы думали, что еще есть время».

Мы хотели, мы думали... И в результате — или зовут к холодному трупу на панихиду, или зовут, когда человек не говорит, не ест, не пьет, а только хрипло дышит, готовый с каждым хрипом распрощаться с телом. В соответствии со словами Христа «примите, ядите» нужно добровольно принимать и есть. А значит, нужно заранее думать об этом торжественном часе, от которого, как ни от одного другого, зависит вечность. Ведь последнее слово *здесь* — это первое слово *там*.

* * *

Конечно, многое зависит от того, как прожита жизнь, в каком состоянии сердце. Сердце — самая прочная крепость: если в нем нет веры и огонька покаяния, то все труды напрасны. «Я верю в Христа как в историческую Личность, но причастие принимать не буду», — говорила одна гордая старушка. С тем и ушла, хотя родственники ее были набожны и усердно молились о ее покаянии.

Напротив, другой человек — офицер, полковник, проживший всю жизнь без Бога, перед смертью позвал священника. Позвал, написав записку, поскольку болел раком горла и уже не говорил. В записке попросил крещения.

Священник его и крестил, и причастил (маленькой крошечкой Святых Даров). Новокрещенный заплакал и, ко всеобщему удивлению, заговорил. Он тихо сказал «спасибо» и тихо отошел на следующий день, омытый и очищенный, готовый к Встрече.

Таких историй неисчислимое множество, и любой священник может рассказывать их десятками. Особенно ценны те из них, в которых люди смотрят на смерть в упор и без трусливой дрожи. Ведь нам часто приходится видеть, как взрослые причащают плачущих и капризных детей. Взрослые уговаривают их, говорят, что батюшка «вкусное даст», и, надо же, перед смертью все так же надо уговаривать людей причаститься. Дескать, не бойся, ты выздоровеешь, все будет хорошо и т.д. Но есть люди, смотрящие на жизнь, как орел на солнце, — не мигая. «Я очень давно больна, и должна была бы умереть гораздо раньше», — говорила одна женщина своим сюсюкающим о ее выздоровлении детям. Она причащалась так, как солдат берет в руки оружие перед атакой, и было видно, что она готова к Переходу. Без дерзости, без самоуверенности, но со спокойной надеждой и твердой решимостью. После таких причащений священнику надо уединяться на несколько часов, чтобы обдумать и прочувствовать полученный опыт. Этому не научат в семинарии, это стоит многих лет сидения над книгами.

Иногда приходится брать ответственность на себя и причащать тех, кто не исповедовался ни разу, а теперь хочет, но уже не может. «Дайте какой-то знак, что вы хотите принять Тело

Христово», — просит тогда пастырь умирающего. Последний может слабо кивнуть или моргнуть, с трудом открыть спекшийся рот, в глазах могут появиться слезы. И тогда священник обязан горячо за него молиться. Недолго, потому что времени нет, но очень горячо, потому что речь идет о бесценной душе человека. И потом — причащать. И эти случаи многочисленны. О них вам расскажут многие. Стоит только догадываться, как опечален в эти секунды диавол, и как ликует ангельское воинство. Стоит помолиться, чтобы священники всегда успевали, и чтобы Бог их хранил от бесовской злобы, потому что дело их великое.

* * *

Из области пастырской практики вернемся в теплый и родной мир хорошей литературы. Романы Ф.М. Достоевского полны смертями. Зачастую это убийства и самоубийства, реже — смерть по болезни или от старости. И почти нет «христианской кончины, безболезненной, непостыдной, мирной». Только два героя Достоевского причастились перед смертью — Мармеладов и Верховенский-старший.

«— Священника, — проговорил он (Мармеладов. — *Прим. авт.)* хриплым голосом.

Катерина Ивановна отошла к окну, прислонилась лбом к оконной раме и с отчаянием воскликнула:

— О, треклятая жизнь!

— Священника, — проговорил опять умирающий после пятиминутного молчания... Испо-

ведь длилась очень недолго, умирающий вряд ли понимал что-нибудь, произносить же мог только отрывистые неясные звуки...».

Мармеладов плохо распорядился своей жизнью, но после него осталась Соня, та самая, которой на каторге в пояс кланялись арестанты. «Матушка, Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная», — говорили они ей. Она и будет молиться за отца, и молитва ее не будет бесплодна.

Верховенский и жил, и умирал иначе. Он экзальтирован, восторжен и... бесполезен. Но и он вкусил от Источника бессмертия, а вкусив, высоким слогом произнес следующее:

«Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся любви к Нему в моем сердце... Если есть Бог, то и я бессмертен!».

Оба успели. Тесные врата, ведущие в Царство, захлопнулись не перед носом, а за спиною. Эти врата ожидают и нас, и наших близких. О свободном прохождении сквозь них стоит думать заранее. Одни ворота открываются после заветного словечка, вроде «Сим Сим, откройся». Другие — например, ворота осажденных городов, — открываются благодаря ослу, навьюченному золотом. Те Врата откроются только покаянием и нелицемерной верой. Христос тогда будет искать Себя в нас. Не наших добрых дел и не чудес, нами сотворенных, а Себя Самого. «Тело Твое и Кровь сокрыты во мне. Ради этого помилуй меня» — молился святой Ефрем. Если даже всю жизнь кто-то крещеный странно прожил

без этого Живого Хлеба, то даже перед смертью у него есть возможность исправить упущенное. Всем надо думать об этом заранее.

САМОУБИЙСТВО

Страшнее всего в мире — грех. Он Ангела сделал диаволом, выгнал Адама из рая, он терзает человека от колыбели до гроба. Грех — это болезнь, расстройство природы. И вся радость христианства в том, что на испорченную землю к больным людям пришел Врач душ и телес, искусно растворяющий лекарства каждому против его недуга.

...Режиссеры говорят, что в мире существует ограниченное число сюжетов — 5 или 6. Возвращение блудного сына, падение с высоты власти (король Лир) и еще несколько подобных глыб, на которых строятся все произведения. Выдумать новые практически невозможно. Все мировое искусство — это бесчисленные варианты, обыгрывающие несколько фундаментальных ситуаций. Так вот, сказав о Враче душ и телес, я невольно вспоминаю детскую сказку о добром докторе Айболите. Это типичный пример творчества внутри христианской парадигмы. Беспомощные и безнадежно больные зверушки ждут не дождутся спасителя, который, преодолевая массу препятствий, движимый любовью, приходит к ним в далекую Африку — «и ставит, и ставит им градусники»...

Главным лекарством, которое Господь нам прописывает, является покаяние. Оно универ-

сально. Не так как лживо-всесильные пилюли, рекламируемые в телевизоре, а именно покаяние способно изгладить любое пятно, прижечь любую язву. Любую, кроме одной. Есть грех, который убегает из-под власти покаяния. Имя ему — самоубийство. По-умному — суицид.

Весь ужас этого греха заключается в том, что совершивший его не способен уврачеваться и исправиться. В древности самоубийц хоронили вдали от кладбищ, не ставили на могилах крестов. За них не служили заупокойные обедни, сорокоусты, панихиды. Этот грех называли «грехом Иуды», хотя, конечно, не он первый ушел из жизни самовольно. Грех этот сегодня актуален не меньше, чем в прошлом.

Критикуя, нужно всегда смиряться. Легко здоровому человеку осудить неисцелимо больного, просящего смертельный укол. Легко обвинить в трусости солдата, сдавшегося в плен, особенно если ты не то что не воевал, но даже не служил в армии. Не приведи Бог испытать то, что чувствуют несчастные, лезущие в петлю или перешагивающие через перила. Мы не хотим их судить, мы просто хотим разобраться.

Может показаться, что на самоубийство толкает невыносимость внешних условий: голодные дети, безработица, угрозы и насилие с чьей-то стороны и проч. Но жизнь опровергает этот первичный взгляд. Примитивные общества, живущие впроголодь и ведущие натуральное хозяйство, не знают массовых случаев самоубийств. Жуткая история XX века — история ГУЛАГа и Освенцима — говорит о том, что в этих лагерях смерти, где, казалось бы, легче все-

го человек мог укоротить себе век и избежать будущих страданий, люди цеплялись за жизнь и вопреки всему старались выжить. Самоубийство, несомненно, имеет другие корни, нежели просто несносность жизни.

В «Дневнике писателя» Достоевский отмечает, что с отменой телесных наказаний нравы в России, конечно, смягчились, но возросло нетерпение трудностей и количество самоубийств в состоянии нервного срыва. В его произведениях, кстати, часто встречаются решившиеся на этот шаг люди. Это либо экзальтированные юноши, проигравшие в рулетку казенные деньги, либо развратники, сожженные внутри собственными грехами и не могущие больше жить, либо совершающие самоубийство идейно, то есть сознательно возвращающие Богу «билетик», отказывающиеся от дара жизни. Все эти типы присутствуют и в современности.

Более всего самоубийству подвержена, наверное, молодежь. Она является группой риска по всем болезненным проблемам. Самоубийство становится особенно опасным в обществе, которое везде и всюду отстаивает права индивидуального «я». Ни род, ни общество, ни религия для тебя не авторитеты. Ты сам волен избирать свой путь, ты сам за все в ответе и у тебя все получится. Так говорят человеку уже давно. А ведь мы знаем, что бывает с ребенком, когда он всюду лезет и говорит «я сам». Брошенный в вихрь жизни, лишенный всяких ориентиров человек изнутри пожирается сильнейшей тоской и смятением. Добавьте сюда сытость и празд-

ность, приплюсуйте наркотики и неизбежную массовую культуру.

Как свидетельствует статистика, лидерами по самоубийствам являются развитые страны: на душу населения, кажется, Япония, а по количеству в год — Швеция. В заключениях о смерти в графе «причина» можно прочитать: «тоска».

Самоубийствами пестрят биографии известных людей: Хемингуэй, Цветаева, Маяковский, Вирджиния Вульф... Этот «черный синодик» можно продолжать долго. То ли здесь дело в психике, истонченной тщеславием и творческими экстазами, то ли в чем-то еще — судить не берусь. Но однозначный факт — поднимающийся высоко рискует упасть низко. Сюда можно отнести обанкротившихся финансистов, попавших в опалу политиков.

Есть наиболее изощренные формы самоубийства, например, дуэль. Человек, идущий на смертельный поединок, желает убить и готовится быть убитым. Грех двойной. И ладно бы языческая Япония с кодексом Бусидо, но и христианские страны столетиями культивировали такие обычаи! Известен случай, когда русского офицера в уличной толпе ударил по лицу обидчик и убежал. Офицер не мог отомстить за обиду. Офицерское собрание присудило ему застрелиться, чтобы кровью смыть нанесенную обиду. Святая Русь, не правда ли?!

Наша пластмассовая жизнь, протекающая под аккомпанемент пиликающих мобильных телефонов, родила из недр своего абсурда тягу к физической смерти и желание сознательно-

го самоубийства. В интернете есть немало сайтов, на которых можно найти информацию, как уйти из жизни тем или иным способом, быстро или медленно, больно или нет, одному или с группой. Недавно Европа была шокирована следующим преступлением: каннибал нашел в сети добровольную жертву, встретился с ней, по ее желанию совершил убийство и съел ее. Существуют, кроме прочего, групповые самоубийства адептов разных сект или идейные самоубийства «додумавшихся» до этой идеи одиночек. Психология таких людей с анатомической точностью вскрыта Достоевским в образе Кириллова («Бесы»). То, что это не просто авторский вымысел, доказывает хотя бы показательное самоубийство известного японского писателя Юккио Мисимы. Вообще, вглядываясь в будущее безбожного человечества, Достоевский говорил, что сильные из них (то есть будущих) убьют себя сами, а слабые будут убивать друг друга...

Если прав Фрейд в том, что главной мотивацией человека является стремление к наслаждению, то прав он и в том, что второй мотивацией является стремление к разрушению (возможно, саморазрушению). Это сказано о нерелигиозном, вернее, о безблагодатном человеке, и на нем этот закон действует стопроцентно. Цивилизация наслаждений, вывернутая наизнанку, оказывается цивилизацией насилия и самоубийств.

Дедовский взгляд на вещи, при котором наложивших на себя руки не отпевают и хоронят отдельно, единственно правилен и прост, как

все святое и истинное. Каноны, правда, оговаривают возможность молиться за самоубийцу, если он был психически болен в течение долгого времени и совершил этот поступок в состоянии исступления. Но исключение лишь подтверждает, а не отменяет правило. Молиться за самоубийцу нельзя церковно, соборно, литургически. Единственной возможной молитвой остается молитва близких родственников. Один из Оптинских старцев смысл подобных молитв формулировал так:

Господи, если возможно, взыщи душу раба Твоего (имярек)

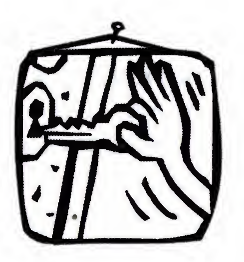
И не поставь мне во грех молитву мою.

Самое же главное и страшное, что добровольно ушедший из жизни является добычей диавола, почти что его собственностью. Любая душа, согласно Евангелию, дороже всего мира, а значит, эту бесценную вещь лукавый враг жадно ищет и, найдя, отдавать не хочет. Замечено, что люди, однажды поднявшие на себя руку, но оставшиеся в живых, все-таки по прошествии времени повторяют попытку самоубийства. Бесы не хотят от них отстать. Найдя в душе больное место, они продолжают растравливать рану, желая добиться своего. Известны случаи, когда человек, к примеру, лезущий в петлю, в последнюю секунду передумывает и хочет вылезти. В это время бесы являются видимо, начинают борьбу и буквально заставляют человека доделать то, что он начал. Таких примеров много. Как-то мне пришлось прочесть жизнеописание одного подвижника (имени не помню). Будучи мальчиком, он всерьез задумался о су-

ществовании Бога и диавола. Он громко сказал: «Послушай, диавол, если ты есть, приготовь мне петлю на чердаке, я повешусь». Через несколько минут он пришел на чердак и с ужасом увидел петлю, свисающую с потолка, и стоящую под ней табуретку. «Вот теперь, — сказал мальчик, — я знаю, что ты есть. И теперь я еще больше буду служить Господу Богу».

Разговор о самоубийстве неизбежно покидает область психиатрии, социальных условий жизни, творчества, несчастной любви и неумолимо приходит к самому важному: самоубийца — это добыча диавола. Самое время осениться крестом и помолиться Богу — да избавит нас от этого кошмара и от этой болезни, против которой лекарства уже нет.

О ГЛАВНОМ

КТО ТВОЙ БОГ

Человек поклоняется дереву. Живому, цветущему, широко раскинувшему ветви. Для такого человека у нас есть в запасе пара имен. Дикарь — скажут одни. Язычник — скажут другие. Первые снисходительно улыбнутся, вторые гневно нахмурят брови...

Дерево — это вам не шутка. Оно живое, это так же несомненно, как то, что жив я. Оно шелестит листвой, и почем мне знать — не язык ли это деревьев, столь же непонятный для меня, как язык китайцев или арабов...

Кажется, я понимаю язычников, кланявшихся деревьям. А еще беременному животу и восходящему солнцу. Они делали это из чувства благоговения перед жизнью, которая насквозь чудесна. Если я сегодня не поклоняюсь солнцу или пшеничному колосу, то это не моя заслуга. Стоит довериться в поиске истины мерцанию собственного ума, уверяю вас, забредешь в такие дебри, что поклонение кедру ливанскому или сосне корабельной покажется детским — баловством.

Бога без Бога познать невозможно. Все, что мы знаем о Нем, — Он Сам нам открыл. А когда еще не открыл, то естественное желание прославить Кого-то, от Кого ты зависишь, Кто лучше и сильней тебя, приводило людей к тому, что мы сегодня называем дикостью или язычеством.

Конечно, язычник дик и далек от истины, но не всякий может его в этом упрекнуть. Критиковать язычество можно лишь с высоты чистого богопознания. Для безверного человека язычество — не предмет насмешек, а планка, которую еще нужно преодолеть.

* * *

Пятница считает богом крокодила, а Робинзон объясняет, что тот ошибся. Робинзон, просвещенный Писанием, объясняет доброму дикарю основы библейской веры. Это правильная схема, пусть и взятая для наглядности из детской книжки.

— Кто твой бог? — спрашивает один человек другого.

— Мой бог — небо (корова, кофейное дерево...), — отвечает тот.

— Нет, друг. Небо — не Бог. Настоящий Бог сотворил небо. И звезды, и птиц, и людей. Он дал нам заповеди и законы. Он хочет, чтобы мы любили друг друга и молились Ему.

Таков первый вариант диалога. А вот второй, по нынешним временам гораздо более возможный.

— Мой бог — старинный дуб, — говорит один.

— Оставьте, милейший. Бога нет вообще, — говорит в ответ другой.

Тот первый, у которого бог — дерево, скорее всего, убежит в ужасе от человека, у которого бога нет вообще. Но от сегодняшнего безбожника трудно убежать. На его стороне законы, бизнес, транспорт, оружие. Он цивилизован в

худшем понимании этого слова, и сегодняшний Пятница абсолютно беззащитен перед изменившимся Робинзоном. Робинзону сегодня нужны полезные ископаемые той земли, на которой живет Пятница. Нужны бивни слонов, плоды деревьев, жемчуг морей. Нужно все, кроме разговоров о вере и мыслей о вечности.

В XIX веке такой Робинзон был с револьвером в руке и пятидолларовой сигарой в уголке рта. Сегодня он в очках с золотой оправой и в накрахмаленной белой рубашке. Но суть его не изменилась, и он нравится мне меньше, чем наивный дикарь, поклоняющийся тотему.

* * *

Один епископ, рукополагая священника, шепнул ему на ухо: «Не привыкайте к благодати». В одной фразе архипастырь дал профилактический рецепт от всех болезней будущего,

Христианская цивилизация забыла о том, что подарок, хоть он и дарится ежечасно, остается милостью, а не превращается в норму. Забвение рождает хамство, а хамство вызывает отвращение. Кое-кто из поклоняющихся деревьям может быть добрее и лучше того, кто держит на столе всегда раскрытую Библию.

Мы можем быть избавлены от соблазнов многобожия, но никто не избавлял нас от сочувствия к тем, кто эти соблазны еще не преодолел. И никто не позволял нам целебный пластырь Евангелия превращать в суковатую дубину для тех, кто еще не уверовал.

Когда мне случается сидеть в гостеприимной тени ветвистого дерева, когда я любуюсь балов-

ством и игрой между ветром и листьями, мне становится ясно: живших за пределами Откровения упрекать не в чем. Они обожествляли то, что, без сомнения, заключает в себе тайну и шепчет о Боге непрестанно.

ВОПРОСЫ НЕБУ

«Ты не искал бы Меня, если бы уже не нашел», — сказал Господь одному из людей, жадно Его искавших. В правильном вопросе всегда уже скрыт ответ, и в правильном поиске уже угадывается искомое. Сама постановка вопроса о поиске смысла жизни говорит, по крайней мере, о двух вещах. Первое — вопрос задается человеком. Второе — смысл есть. Попробуем пояснить эти кажущиеся.

Вместе со всеми животными люди ищут еду и воду, тепло и безопасность. Но смысл в жизни ищут они одни. Это — видовое отличие человека, и если кто-то из людей этим не занят, то он рискует отстать от поезда с надписью «человек разумный». В крайнем случае человеку, не думающему о вечности и подлинных ценностях, может быть отведено то место, какое среди птиц занимают пингвины и курицы. Последние имеют крылья, но совершенно не способны летать.

Итак, человек, начавший задавать себе, другим, Небу трудные и колючие вопросы, поистине стал человеком. От себя прежнего, безразличного, он отличается так же, как птенец отличается от яйца, из которого вылупился.

Но в вопросах мысли важно не только думать и спрашивать. Важно додумывать до конца и выслушивать ответы. Этот путь одолевает не каждый. На каком-то этапе человек может устать, ему может захотеться вернуться к прежней жизни, в которой нет места мировоззренческой тревоге. Он готов тогда считать счастливыми тех, кто живет одними инстинктами. Человек может решиться тогда и сам вести жизнь бессловесную.

Если идти вперед нет сил, а катиться вниз не позволяет совесть, то сын Адама произносит горькие слова о том, что все бессмысленно. Большинство страниц в книге всемирной истории заняты описанием бодрого бега в ненужную сторону, или горечью ошибок, или усталостью от пройденного пути.

Ко многим именам, которые сам для себя придумал человек (Sapiens, Faber), можно добавить еще одно — «человек заблудившийся». Вышел из рая и попал в непролазный лес. Вышел из Иерусалима и по дороге в Иерихон попал под тяжелые удары разбойников. От этих ударов потерял на время сознание, а очнувшись, не может вспомнить, откуда вышел и куда идет. Именно заблудившемуся человеку свойственно искать себя, спрашивать «где я?», «куда мне идти?».

* * *

Выше вскользь было сказано, что важно не только спрашивать, но и слушать. Музыка умирает не со смертью великих мастеров, а с исчезновением благодарных и чутких слушателей. Читатель нужен поэту не меньше, чем меценат, великий актер зрителя называет «Его Величе-

ство». И Бог забываем в мире (а значит — все смыслы путаются), когда внутренний слух у людей теряет чуткость. Отсюда и евангельская тема двойного века — внутреннего и внешнего. *Имеяй уши слышати, да слышит* (Мф. 11,15). А иначе — *слухом услышите и неуразумеете* (Мф. 13,18).

Вопросы задаются не для того только, чтоб эхо их повторяло. Должны звучать и ответы. Они звучат, их нужно учиться слушать. Поиск смысла жизни для человека сливается воедино с поиском себя и Бога. А Бога без Бога познать невозможно. Можно заметить Его следы, можно чувствовать Его прикосновения. Но для большего нужно откровение. Бог должен Сам о Себе возвестить нам. А иначе мы так и будем довольствоваться догадками и интуициями, накручивая вокруг них слой за слоем пестрые ткани фантазий.

* * *

Вопрошающий лучше безразличного, и тот, кто признается, что ничего не знает, лучше того, кто заявляет, что знает все. Если для заблудившихся есть свой страх и своя мука, то для «нашедшихся» есть свои соблазны. Можно приписать услышанный ответ своим талантам, а не Божьей милости. Можно зачерстветь и успокоиться, как будто рай уже достигнут и жизнь получила высшее завершение. Можно презирать тех, кто еще не слышал голос «Духа, дышащего, где хочет». В общем, однажды повстречаться с Истиной — не означает навсегда успокоиться. Благая встревоженность и чуткое сердце должны остаться.

Заставить Гостя посетить наш дом мы не можем. Но в наших силах прибраться в доме, выбросить хлам, накрыть на стол и затем терпеливо ждать. Наше дело очистить кувшин и внутри, и снаружи, — воды нам нальют. Труд поиска, боль и усталость от этого труда и есть вспахивание той земли, в которую должно упасть драгоценное семя.

К тому, кто иссох от вопросов и кому жизнь, как Иову, опротивела, ответ придет мягко, как дождь на заждавшуюся землю. К израненному, лежащему на середине пути человеку ответ придет как Врач, промывающий раны вином и маслом. Взору того, кто путешествует по волнам, а не по суше; кто истомился от качки и не может больше есть протухшие припасы, ответ придет, как долгожданная полоска суши на горизонте.

Ответ непременно придет. В Его свете мы увидим ясно и себя, и ближнего, и славный Город будущего. Прожитые дни станут понятны до последней секунды. «Отбежит болезнь, печаль и воздыхание».

Нужно только не переставать искать и не отчаиваться от долгого ожидания.

ДОГМЫ

Хочется проследить связь между корнями и плодами, или между догматами и этикой. Можно умом разделять правильные идеи, но жизнью их не оправдывать. На фоне этого извращения, за которым прочно закрепилось имя фарисейства, многим кажется, что между мыслями и делами существует пропасть, и не так уж важно,

что ты думаешь, — важно, что ты делаешь. Это, конечно, ошибка. От дерева с гнилыми корнями бесполезно ждать вкусных плодов. По слову Иисуса Христа, не собирают с репейника смоквы. У правильной этики должна быть правильная догматика. Ошибка в догматике рождает ошибку в этике. Если в инженерных расчетах большого моста неправильно поставить одну цифру, пропустить ноль, перепутать степень, то расчетную ошибку нельзя будет исправить ни дополнительными металлоконструкциями, ни избыточным бетоном. Неправильная буковка и недостающая циферка обвалят огромное сооружение. Расчеты можно сравнить с догматом, а бетон и железо — с делами. Чтобы по мосту пошли люди и покатилась техника, нужно, чтобы было правильным и то и другое.

Догмат предполагает заповедь. Над Иорданской водой был слышен голос Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, Его слушайте». «Сей есть Сын Мой возлюбленный» — это догмат. «Его слушайте» — это заповедь.

Любое полновесное изречение Писания, воспринятое умом и сердцем, рождает из себя дела. Например, мир сотворен из ничего. Это значит — не кланяйся стихиям, не почитай солнце и луну, воздавай честь Богу, создавшему солнце, луну и все остальное. Или — человек сотворен последним в ряду живых существ. Это значит: захочешь гордиться — вспомни, что комары и черви сотворены раньше тебя. Но если впадешь в уныние, вспомни, что мир без тебя не полон, он сотворен для человека, он всего лишь дом, а ты в нем — хозяин.

Бог сотворил одного человека и поручил ему Вселенную. Это значит, что от тебя многое зависит, да и сами заповеди обращены к человеку в единственном числе, то есть к каждому в отдельности. Не прелюбодействуй, не убий, чти отца и мать...

То, что человек думает о Боге, теснейшим образом связано с тем, что он думает о себе. Люди, верившие в то, что богов много, додумались до того, что и жизней много, что человек, меняя телесные оболочки, посещает мир многократно. Люди, не верящие в Бога или богов, верят, что жизнь дается один раз, но за пределами земной реальности нет ничего. Им кажется, что жизнь на земле начинается и на земле заканчивается. Наконец, люди, верящие в Единого Бога, также исповедуют единственность и уникальность своей жизни, но при этом верят в вечную жизнь и в существование за гробом. Насколько разнятся между собою культуры, выросшие из разных догматических зерен, станет понятно, если сравнить, пусть даже поверхностно, цивилизацию Индии, Советский Союз и православную Византию.

У гипсовых скульптур есть проволочный скелет. На нем все держится. Так и внутренний, мысленный мир человека подобен скелету, на котором держится плоть. Гниль в костях заставляет тело разваливаться, а мысленная гниль заставляет поступать неверно.

Там, где Бог обращается к человеку и необходимые священные знания идут сверху вниз, там человек воспринимает открытое, а затем должен включать волю для воплощения правильной

модели поведения. Именно так: понял, затем употреби усилие и делай то, что нужно. В другой модели поведения ситуация иная. Человек грешит, не может или не хочет каяться и ищет себе оправданий. Ему нужна догматическая система, мировоззрение, четкая аргументация для того, чтобы продолжать грешить и не мучиться совестью. Если в первом случае нужны были знания и усилия, то во втором случае нужно безволие и фантазия.

Если я потомок обезьяны, вернее, если я соглашусь с этим догматом, какая этика мне останется? Можно перестать мучаться совестью там, где инстинкт победил свободу. В конце концов, какой с обезьяны спрос? Если правы различные экономические теории, если деньги — это кровь человечества, а их наличие дарит долгожданное счастье, то я уже не сребролюбец. Моя жизнь вписывается в нерушимые законы, она оправдана, мое стяжательство извинительно, да и самого Иуду следует вытаскивать из ада за те несчастные тридцать серебряных монет.

Среди великих мужей, устами которых говорил Бог, есть три человека, поставляемых рядом друг с другом. Это Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Они учили правильному богопознанию, давали пример деятельной любви к ближнему, преображали скотоподобие и звероподобие людей в богоподобие. Плодами их жизни мы пользуемся до сих пор.

Список мудрецов века сего обширен. Но можно выделить трех, которые больше иных потрудились в придумывании и обосновании ложных догматов. Это Дарвин, Маркс и Фрейд.

Из отдельных правильных фактов они попытались выстроить теории, претендующие на то, чтобы исчерпывающе объяснить весь мир. С тех пор как эти выдающиеся ученые, но плохие догматисты потрудились в мире и начатое ими продолжили многочисленные последователи, миллионы людей верят и думают о себе, что они прямые потомки приматов, что главный рычаг истории — товарно-денежные отношения, что каждому мальчику хочется убить отца и переспать с матерью.

Эти воззрения преподаются в университетах, по их мотивам снимаются документальные фильмы, эти идеи составляют внутреннее наполнение некой всемирной проповеди о том, кто же такой «по-настоящему» человек и как ему нужно жить. В завуалированном виде это, собственно, проповедь человеконенавистничества. Это догматическое, идейное человекоубийство, которому нужно противопоставить проповедь истинных догматов,

Есть два главных источника, из которых журчат ручейки правильных мыслей о Боге, сотворенном Им мире и месте человека в этом мире. Это первые главы Книги Бытия и Четвероевангелие. Сливаясь вместе, они образуют реку, способную утолить нашу жажду правильной этики. Правильно думать и плохо поступать — гнусно. Но ничуть не лучше стремиться к тому, чтобы поступать хорошо, но не придавать значения правильному образу мыслей. Это все равно что тушить костер маслом или учиться летать, прыгая к крыши.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Мы часто хвалимся: «Святая Русь, православная Русь». О, когда бы нам быть и остаться навсегда святыми и православными или хоть любящими святостъ и Православие! Какой верный залог несокрушимости имели бы мы в этих титулах!

Свт. Феофан Затворник

Удивление — мать философии. Глядя в телескоп или микроскоп, удивляться нетрудно. Гораздо труднее удивляться обычным вещам. Например, многоэтажному зданию. Что это? По количеству жителей — хорошее многолюдное село. Село, неведомой силой поднятое в воздух, окаменевшее и застывшее в форме правильного параллелепипеда. Так, кажется, и видишь, будто на ускоренной киноленте: ручейки людей стекаются с разных сторон, с муравьиной поспешностью роются котлованы, забиваются сваи, вырастают пустоглазые, как после бомбардировки, стены. Пленка трещит и крутится быстрее. Вот дом готов. В него заносят мебель, забегают, заезжают на лифте, вешают занавески, создают уют, зажигают торшеры и люстры. Стоп. Пленка переходит на обычную скорость. Перед нами — стандартная многоэтажка с обшарпанным лифтом, почтовыми ящиками, забитыми рекламой, и доброй сотней квартир, тех, что прежде были сельскими хатами.

В каждом селе все знают друг друга как облупленных уже после одного-двух лет соседства.

В многоэтажке можно родиться, прожить свою меру дней и выплыть из нее на плечах родственников вперед ногами, не узнав при этом большей части своих соседей. Да что там большей части, даже соседей по лестничной клетке. Но главное отличие села от дома — не в этом. В каждом селе есть храм. Если даже принять во внимание недавнюю борьбу с религией, то храм все же будет один на два-три села. Иначе и быть не может.

По этой логике вещей возле каждого многоквартирного дома или, по крайней мере, блока домов должна быть церквушка. Она должна быть внутри двора, чтобы звон ее небольшого колокола созывал на молитву сотни людей, строивших ее, крестившихся и венчавшихся в ней. Она будет еще органичней, еще востребованней, чем спортгородок или песочница.

Многие православные общины на Западе строят детские площадки вблизи своих храмов для того, чтобы мамы могли спокойно молиться на Литургии, а дети — играть друг с другом и кататься на качелях под наблюдением очередной дежурной мамаши. То есть там площадки достраивают к храмам, а нам надо бы пристраивать храмы к площадкам. Современные микрорайоны спланированы очень человеколюбиво: почта, химчистка, школа, аптека... Все, кажется, учтено для нормальной комфортной жизни. Но кого? Человека с гуманистическим мировоззрением, человека, мыслящего в центре мира — себя. Если бы в центре мировоззрения строителей наших городов и живущих в них был Господь, то в каждом микрорайоне было бы здание

особой архитектуры, чей увенчанный крестом купол указывал бы на Евхаристию.

А так ныне, чтоб помолиться, мало выйти из дома. Нужно садиться в маршрутку или спускаться в метро. Нужно, словом, совершать целое паломничество, потому что место встречи с Создателем в наших городах «человеколюбиво» не предусмотрено. Это еще и индикатор нашей религиозности. Большинству крещеных людей Бог нужен раз в год — на Пасху, или два раза в год (добавим Рождество). Плюс несколько дней в году нам что-то нужно от Бога: воды набрать, фрукты освятить. Этим исчерпывается религиозность масс. А если мы придем когда-нибудь, точнее, вернемся к здоровой религиозности, то у нас появится вполне естественное желание ежедневно или несколько раз в неделю приходить к вечерне. Услышав звук колокола или била во дворе, мы поспешим на службу, любимую нами и понятную нам, а значит, и не тяжелую, как бы длинна она ни была. Это будет лучшим доказательством того, что мы — христианская страна, что мы не только были, но и вновь стали Святой Русью.

Есть у Крылова басня про гусей. Гонит мальчишка хворостиной гусей, а они недовольно гогочут: «Мы Рим спасли, не смей нас трогать». Мальчишка им резонно отвечает: «Так то ж не вы. То ваши далекие предки. А вы-то сами что сделали?». И продолжает хворостиной подгонять их, вроде бы даже на кухню. Хвалиться прежним — дело похвальное, но не самое главное. Уподобиться древним, повторить их славу — дело гораздо более высокое. Покуда каж-

дый блок многоэтажек не украсится маленьким храмом, мы не сможем пользоваться именем Святой Руси со всей ответственностью. Наша страна будет не «христианской страной», а страной, где живут отдельные христиане. Разница существенная, и есть над чем трудиться.

ИЩУ СВЯЩЕННИКА...

О священстве можно сказать то, что святые говорили о монашестве, а именно: если бы все знали, как хорошо быть монахом, — все бы пошли в монастырь. Но если бы все знали, как тяжело быть монахом, — никто бы не пошел в монастырь. Я думаю, что священство в этом смысле вполне сопоставимо с монашеством. Оно — красиво, но очень тяжело.

Тяжесть священства ощущается не всеми священниками и не сразу. В особенности оно тяжело для тех, кто рукополагался не вполне по духовным мотивам, то бишь думал о славе, о возможности руководить людьми, сочинял себе собственную святость или просто, по словам святителя Димитрия Ростовского, пошел в попы не за Иисуса, а за хлеба куса. Такой человек будет тяготиться службой, будет сокращать ее, будет гневаться на людей и считать их глупыми и назойливыми. Каждая служба или треба для него будет мукой.

По-другому с теми, кто от священства не искал ничего, кроме самого священства. Та благодать, о которой мы часто позволяем себе говорить, глубоко и полно переживается иере-

ем, любящим Христа, которому служит. Но и эти рабы Божии не свободны от периодов искушений, ослабления в духовной жизни и пр. Когда человек принимает сан, он поднимает на себя груз, тяжесть которого ощущает лишь с годами.

Мне вспоминаются слова покойного митрополита Антония (Блума) о священстве. Он сравнивал батюшку с тем осликом, на котором Христос въезжал в Иерусалим. По своей простоте ослик думал, что это ему постилают одежды под ноги, машут ветвями и приветственно кричат. Как часто священник может забывать, что целование руки, подчеркнутое благоговение перед саном относится вовсе не к нему лично, а к Господу Иисусу Христу. Не понимая этого, мы становимся такими евангельскими осликами, тогда как единственный Священник — именно Христос. Он — Иерей вовек. Мы священствуем Им и в Нем. Без Него мы — никто.

Вот это осознание своего полного бессилия без Христа очень нужно священнику. Ему, кроме книги своей совести, открыты книги совести многих людей. Каждому из нас достаточно себя самого, чтобы понять, как немощен человек и как он испорчен. Священник же, кроме страниц своей совести, прочитывает совести сотен. Это страшное зрелище глубоко укоренившегося греха, порабощенной воли рождает иногда страх, иногда уныние, иногда усталость. Священнику очень нужен живой Христос, присутствующий рядом, для того чтобы каждую исповедь принимать как положено и каждую требу совершать как впервые.

Митрополит Антоний в одной из своих книг рассказывал о молодом иерее, который в момент освящения Даров почувствовал себя недостойным. Он отступил от престола и сказал: «Господи, я не могу». И тогда между ним и престолом стал Некто незримый, Который дал священнику силу совершить Литургию. Это был Тот, Кто и есть единственный, ее совершающий. Наверное, всякий батюшка может из личного духовного опыта рассказать много подобных случаев, но смысл один: без Христа мы — ничто.

Человека, желающего стать священником, я готов долго отговаривать. Помните Горького, который говорил, что даже если его будут сечь на площади ежедневно, он не перестанет писать. Вот такое же непреодолимое желание, но без горящих глаз и фанатизма, должно быть и у будущего иерея. Это желание нужно подкрепить хорошими знаниями, в первую очередь церковной жизни. Нужно на всю жизнь полюбить Евангелие и богослужение. Нужно научиться не замечать пятен в церковной жизни, не интересоваться ее изнанкой. А еще нужно, чтобы Господь благословил увидать в жизни хоть одного хорошего батюшку. Такого, чей образ будет на всю жизнь примером. Не только в проповеди, Литургии, но и в повседневной жизни.

Есть несколько профессий, которые можно назвать священными. Они сопоставимы с иерейским саном по целому ряду признаков. Священной, например, является профессия учителя. Слово «учитель» — это одно из имен Спасителя. Многие, не видевшие в Нем Господа, видели в Нем Учителя. Поэтому всякий

учащий людей доброму и полезному в некоторой мере подобен Христу.

Учителем должен быть и священник. Терпению, настойчивости и постоянству, любви к учащимся пастырь может учиться у хороших педагогов.

Следующей священной профессией я бы назвал профессию доктора. Жалеть больного, не гнушаться его язвами, быть к нему терпеливым, быть готовым всегда пойти туда, где ты нужен, — это качества настоящего врача. Согласитесь, как они похожи на качества настоящего священника! Это значит, что мы можем учиться и у людей в белых халатах, а не только по семинарским пособиям.

Наконец, третьей профессией, подобной священству, я бы назвал профессию военного. Он, как и пастырь, не работает, а служит. Он дает присягу и должен быть ей верен. У него, как ни у кого другого, должны присутствовать такие качества, как послушание, жертвенность, мужество, дисциплина. И это очень похоже на то, чем должен отличаться настоящий иерей. Кстати, синодики Пантелеимонова монастыря на Афоне свидетельствуют о том, что огромная часть монахов этого монастыря были отставные военные: офицеры, прапорщики, солдаты, зачастую имевшие опыт войны и отмеченные ранениями. Эти монахи в лучшем смысле отличались от многих других.

Вот эти три профессии во многом помогают понять смысл настоящего священства. Дореволюционные пособия по пастырскому богословию (списанные с католических) называют три

стороны служения пастыря: пророческое (проповедь), царское (управление приходом) и священническое (совершение Таинств). Мы не оспариваем эти три постулата, но назовем еще три. Священник должен быть учителем, доктором, воином.

После сказанных слов хочется вспомнить Диогена. Тот, имея высокое понятие о человеке, не находил его таким, каким мыслил в идеале. Среди белого дня с зажженной свечой он мог появиться в городе, повторяя слова: ищу человека. Перефразируя Диогена, зажегши свечу, хочется сказать: ищу священника. Хочется сказать: где вы, врачи и воины, пастыри и молитвенники? Нам так вас не хватает, и мир погибает без настоящего священства.

Однажды Господь сказал молиться Господину жатвы о том, чтобы были высланы делатели добрые, ибо жатвы много, а делателей мало. Все христиане должны молиться Богу о том, чтобы Он приводил к священству добрых делателей. Они придут в свое время. Они не могут не прийти. Каждое поколение народ Божий изводил из своей среды пастырей, стремящихся к идеалу. Внимательный человек знает, что мы не лишены этого сегодня. Не будем лишены этого и в будущем. Я верю в это.

КРИТЕРИИ ЦЕРКОВНОСТИ

У любого предмета и явления должны быть характерные черты для того, чтобы узнавать его и выделять из числа остальных. Это также ка-

сается религиозной жизни. Бывает такой образ жизни или такие поступки, которые позволяют религиозному обществу сказать о человеке: «он не наш», «он безбожен» и тому подобное.

Для евреев главными критериями являются родство с Авраамом, закон о пище (Кошрут), обрезание и суббота. Именно на основании специфического понимания этих законов они осуждали Христа: не *от Бога этот Человек, ибо Он не хранит субботы* (Ин. 9, 16). Есть основные положения ислама, которых следует придерживаться: молитва, милостыня, пост в месяце рамадан, хадж в Мекку.

А что у нас? Что является критерием принадлежности к Христовой Церкви?

Наибольшая опасность, подстерегающая нас при ответе на этот вопрос, — возможность спутать общее и частное, всегдашнее и сиюминутное, обязательное и случайное. Марину Мнишек московиты в смутные годы не признали своей потому, что она не мылась в бане по субботам и не соблюдала посты. Этого было достаточно, чтобы на человека легло клеймо изменника или шпиона. И слава Богу — но для тех времен. Для нашей эпохи эти критерии недостаточны. В сказке «Конек-Горбунок» есть такие строки:

...что он с *бесом хлеб-соль водит,*
В Церковь Божию не ходит,
Католицкий держит крест
И постами мясо ест.

Как видим, налицо строгая оценочная система. Следуя многовековой традиции в разли-

чении своих и чужих, наши сегодняшние христиане нередко склонны к упрощенным подходам. Даже идущему на причастие впервые они норовят дать полное правило, состоящее из трех канонов и последования. Невдомек им, что это неподъемный труд для человека, лишь начавшего воцерковление, плохо знакомого со славянским текстом и еще не умеющего молиться подолгу. Такая же категоричность бывает в отношении среды и пятницы, брюк и юбок, косметики и табака...

Для христиан всегда и везде существенным отличием является неопустительное участие в воскресной Литургии, частое причащение Христовых Таин, понимание богослужения и любовь к нему, то есть евхаристическое измерение жизни. Природа Церкви евхаристична и литургична, и вот это — то, что должно быть у всех, везде и всегда.

«Они собираются в день солнца вместе и поют песни своему Христу как Богу» — говорили в донесениях о «секте» христиан римские чиновники.

Мы собираемся в первый день недели в храмы и празднуем малую Пасху, воспеваем воскресшего Христа и насыщаемся святыми Тайнами — можем сказать мы о себе. Это главное.

В Литургии мы живо ощущаем свое братство. Братства нет там, где нет общего Отца. А Христос именно как Перворо́дный между братьями приводит нас к Отцу и делает нас семьей. Это чувство семейности также вечный спутник истинной Церкви. Если в храме совершаются различные Таинства, то за пределами храма также

совершается одно, а именно «таинство брата». Так называется умение смотреть на человека как на близкого родственника и способность к жертвенной любви по отношению к этому человеку. Добродетельная жизнь, жизнь по заповедям, все многообразие которых вместилось в заповедь о любви, составляет второй критерий истинного христианина.

Было время, когда в храмах не пели женщины. Было время, когда крестились двумя перстами. Было время, когда всенощное бдение соответствовало своему имени, потому что служилось ночью. Было время, когда не было электричества, и храм освещался только свечами и лампадами. Этих различий тысячи, так же как тысячи их при сравнении одного и того же человека в его младенческом возрасте и в тридцать лет. Но главное неизменно. Человек — ребенок он или старик — тот же. И Церковь живет ощущением внутреннего единства. Она та же не потому что у нее незыблемы обряды и неизменны внешние формы. Она та же потому, что в недрах ее таинственно созерцается воскресший Христос *вчера, днесь и вовеки Той же* (Евр. 13,8).

Господь запрещает нам судить и осуждать, но не запрещает думать. Суждение или вынесение оценки есть неизбежное свойство мышления. Разбираясь в пестроте и спутанности окружающей действительности, думая о Церкви и судьбе ее, боясь ошибиться в вопросах, связанных с истиной, нам и следует руководствоваться главными критериями. Христова правда (она же — правда Церкви) евхаристична и добродетельна.

ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА ВЕРЫ — ЭТО ЖИЗНЬ ПО ВЕРЕ

Помимо богослужения и молитв, пребывание в Церкви обязывает к перемене образа жизни и мыслей. Понимание того, что можно в Церкви, а чего — нельзя, приходит не сразу. Милость Божия, если удастся найти общий язык с батюшкой, с воцерковленными сверстниками, — тогда появятся ответы на многие вопросы. Ведь, к сожалению, не обо всем пишут в духовных книгах.

— Зачастую перед неофитом остро стоит вопрос о допустимости различных форм досуга.

Тем, для кого было радостью «повисеть» в клубе, «оторваться» на дискотеке, обязательно ли отказываться от любимого времяпрепровождения?

— Человек на протяжении жизни неизбежно меняется. Как ракета, летящая ввысь, он отбрасывает ненужные ступени. То, что было интересно еще год назад, сегодня может быть совершенно безразличным. У Чехова в одном из рассказов есть образ лакея, который входит в разгар застолья в зал и произносит каламбур. Все смеются. Затем проходят годы, и автор оказывается в той же компании. В какой-то момент входит тот же лакей, уже постаревший и сильно изменившийся, и произносит все тот же каламбур. Все опять смеются, но ощущение возникает жуткое. Годы идут, а люди не меняются. Если человеку и год назад, и вчера, и сегодня интересно одно и то же, например, дискотека, то есть взгляды и интересы не меняются, то состояние его бедственно.

Просто запрещать ничего нельзя. Глупое и мелкое нужно перерастать. Поэтому пусть молодой человек, начавший ходить в церковь, не вымучивает из себя нечто подвижническое. Пусть он продолжает ходить в церковь и пусть органически и постепенно перерастает ту пошлость, которой он раньше жил.

— *А другие мирские радости? Например, рок-концерты...*

— К данному вопросу я пристрастен. Поэтому не могу быть советчиком. Некоторые рок-группы мне нравятся, к примеру, ДДТ. Однако же я думаю, что слушать музыку дома и на рок-концерте — это разные вещи. В собрании большого количества людей начинают действовать особые механизмы, как бы законы больших чисел. Здесь первомайская демонстрация мало отличается от футбольного стадиона или того же рок-концерта. То же растворение личности в мире индивидуумов, невозможность сопротивляться общему потоку. Лично меня ощущение толпы тревожит и даже пугает. Я бы не советовал вливаться малой каплей в это бушующее море. Это вредно не только для веры, но даже для здоровья и жизни.

— *Допустимы ли для православного человека переживания спортивного болельщика?*

— Наверное, да, хотя я не уверен. Если к спорту относиться как к жизни, то есть знать, что есть проигравшие и победители и не ломать по этому поводу стульев, то можно «болеть». Если же ты сам больной, то есть не понимаешь, что нельзя все время выигрывать — пьешь валерьянку, опаздываешь на работу из-за трансляции матча, — то ты не просто не православный, тебе лечиться надо...

— Как бы Вы посоветовали встречать Новый год? Праздник-то приходится на строгий период Рождественского поста.

— До октябрьской революции и Церковь, и государство жили по юлианскому календарю. И Новый год праздновали после Рождества. После ленинского декрета о переходе на григорианский календарь получилась ситуация, при которой церковный год разнится со светским на 13 дней. Здесь — корень проблемы. Были бы мы католиками, или жили бы мы до революции, наш Новый год попадал бы на праздник, а не на пост. А сегодня нужно приспосабливаться к тому, что есть.

Новый год можно праздновать, но не по-язычески. Вообще Новый год — это ответственный момент, когда человек смотрит и назад, и вперед одновременно. Почти как двуликий Янус. Прошлое он осмысливает, а к будущему готовится. Сам момент перехода прошлого в будущее, «когда часы двенадцать бьют» — это момент трепетный и требующий молитвы. Менее всего этому моменту соответствует хлопанье шампанских пробок и веселые крики. Думаю, меня простит митрополит Никодим (Харьковский и Богодуховский), если я раскрою одну из страниц его жизни. В бытность его митрополитом Львовским и Тернопольским Новый год он праздновал в храме. Когда в домах начинали бесноваться и пьянствовать, то есть в 24.00, митрополит начинал Литургию в домовой церкви. Вот это празднование — правильное. Начат Новый год с молитвы, с просьбы к Богу простить прошлые грехи и бла-

гословить начинающийся год жизни — что может быть лучше?

На практике же наибольшее число грехов совершается в новогоднюю ночь. Рекой льется спиртное, ну а потом — помните: *не упивайтесь вином, потому что в нем блуд* (Ефес. 5, 18). Утром тяжелая голова и очевидная грусть о том, что чуда не совершилось. Поэтому я бы советовал не идеализировать этот светский праздник и ничего особенного не ждать от него. Если друзья вас ждут за накрытым столом, пойдите к ним. Любовь выше поста. Хотя не обязательно есть скоромное — можно ограничиться рыбной или овощной пищей. Самой невинное занятие в эту ночь — это просмотр «Голубого огонька» и задушевная беседа.

— *Нельзя отрицать, что именно речь позволяет чувствовать себя свободно в том или ином обществе. В молодежных компаниях мы привыкли пользоваться определенным лексиконом, попросту говоря, сленгом. Насколько принципиально церковному человеку воздерживаться от таких оборотов речи, которые представители старшего поколения называют словесным мусором?*

— Считаю, что в первую очередь церковный человек не должен приобретать навыка говорить на «церковном сленге». То есть на таком елейном языке, которому легко обучиться и который ни к чему не ведет. Например: «все мы грешные», «простите, благословите», «искушение» и т.д. Как правило, человек, начавший ходить в церковь, очень быстро приобретает внешние навыки: где стать, как перекреститься, как поздороваться. Если процесс не пошел

вглубь, а остановился на внешнем, то это опасно. Я против такого сленга.

Что касается молодежного сленга, то разумное использование его в общении с тинейджерами может быть полезно. Как всегда, вопрос в пропорциях, ведь яд и лекарство — это именно вопрос пропорции. Скажи современному человеку «аще убо» или что-то наподобие этого — он ничего не поймет и пожмет плечами. Наоборот, вовремя процитировав какой-нибудь молодежный хит, можно расположить к себе слушателей. Ведь общий язык — это непременное условие хорошей коммуникации. Поэтому можно начать говорить со своими друзьями на их языке, имея в виду цель своим примером научить их говорить со временем на языке Церкви и хорошей литературы. Только при наличии такой цели игра со сленгом оправдана.

— *В мирских компаниях принято шутить много и часто, и не всегда шутки и темы для обсуждения приличествуют христианам. Как избежать сплетен, обсуждений и дурацких шуток, которые постоянно звучат в компании нецерковных друзей?*

— Избежать этого не удастся. Нужно учиться вовремя «оглохнуть», то есть не вникать в то, что тебе не по сердцу. При этом всем своим видом не показывать этого, то есть не осуждать балагуров. Опыт свидетельствует о том, что присутствие в компании одного серьезного человека заставляет всю компанию повысить планку серьезности. То есть от каждого из нас зависит и тема разговора, и характер общения, и градус приличия.

— Естественно, наше обращение к Православию вызовет у друзей много вопросов. К сожалению, как показывает практика, редко эти вопросы бывают доброжелательными. Как правило, люди хотят не узнать, не понять, а поспорить, притом в ход идут самые некорректные аргументы вроде: «я знаю, все попы в пост едят колбасу». Как правильно вести себя в такой ситуации?

— В разговоре со злопыхателями нужно строить свою линию на позитиве. Примерно так: я не в попов, а в Христа поверил. Или: врачи тоже плохи бывают, что ж теперь, медицину отменить? Нужно понимать, что человек, нападающий на Церковь, не руководствуется логикой, а руководствуется сердечным неприятием вашей веры. Это неприятие он озвучивает в наугад подобранных словах, которых сам, быть может, стыдится. Верующий человек должен быть слоном в отношении этих мосек. Нужно дать людям почувствовать, что то, что я имею в Церкви, настолько грандиознее и величественнее всяких нападок, что даже говорить об этом смешно. Наилучшая защита веры — это жизнь по вере и нежелание размениваться на бесполезную болтовню.

— Вопрос про «нелюбовь». Если парню нравится девушка, а о ней — не очень, может ли он добиваться ее любви?

— Пусть добивается. Если любит по-настоящему, пусть доказывает свое чувство различным образом (поле возможностей огромно). В процессе борьбы ему самому станет ясно, хочет ли он достичь цели или нет. То есть достоин

ли объект любви в его глазах затраченных усилий. Или он устанет бороться, или борьба ни к чему не приведет — все это будет знаком того, что нужно успокоиться. Серьезность чувств проверяет жизнь.

— *Обратная ситуация: девушка явно симпатизирует парню, а тот вовсе не горит желанием уделять ей повышенное внимание. Как быть — поскорее объясниться или ждать, что с течением времени все само сгладится?*

— Самое мерзкое в этой ситуации — возможность юноши воспользоваться чувством девушки. Если молодой человек не чувствует расположения к девушке, то самое важное, что он должен сделать, — это не воспользоваться ее слабостью. Откровенные разговоры на личные темы, как правило, больно бьют и не приносят пользы. Поэтому не советую расставлять все точки над «i» с теми людьми, которые к вам «неровно дышат». Лучше всего избежать возможных встреч. Не зря сказано: глаз не видит — сердце не болит. Нужно уважать чужое чувство и не появляться на глазах этой девушки с другой, не говорить ничего обидного в ее адрес и никак не ранить ее растревоженную душу. Остальное — в руках Божьих.

— *Если студент из-за занятий вынужден пропускать некоторые богослужения — нужна ли такая учеба? А если пропускать занятия, то какой же специалист выйдет из такого студента?*

— Учеба — это работа. Бог лентяев не любит. Трудиться нужно честно и усердно. Поэтому пары пропускать из-за богослужения

не рекомендую. За мнимым боголюбием может скрываться элементарная лень. Думаю, что студент должен учиться (почти по дедушке Ленину), учиться и еще раз учиться. Нам в будущем будут нужны не набожные болваны, а хорошие врачи, квалифицированные инженеры, профессиональные военные... Вопрос, в общем-то, празден. Труд — это овеществленная молитва. Труд студента — его учеба.

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

В марте 1974 года, через 29 лет после выхода Японии из войны, на одном из Филиппинских островов закончил свою войну один из японских воинов — подпоручик Онода. В конце 44-го он получил задание от майора Танигути и приказ воевать до тех пор, пока лично Танигути не даст команду «отбой». Дальнейшие события превосходят всякую фантазию.

В 1946 году по чащобам острова Лубанг (место происходящих событий) в сопровождении американских солдат ходит японец с мегафоном и оглашает джунгли вестью о капитуляции Японии. На его призыв сложить оружие из леса выходят разрозненные группы японских солдат. Оноды с подчиненными среди них нет.

Его группа редеет. Один солдат сдается в плен в 1951-м. Через три года в перестрелке погибает второй. Еще через восемнадцать (!) лет погибает последний соратник Оноды. Но подпоручик продолжает выполнять приказ. Одна за другой остров посещают делегации из Японии.

В их составе родственники Ононды — отец и брат. Отец выкрикивает строки хайку:

Сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
О вишни старого сада!

Сын слышит голос отца, но приказ выполнять не перестает. Наконец к воюющему подпоручику приезжает его непосредственный командир. Среди филиппинских джунглей стоящему навытяжку с винтовкой у ноги Оноде майор в отставке Танигути отдал приказ об отмене боевого задания. Война для Ононды закончилась.

Вот уникальный пример верности долгу, присяге, императору. Думаю, что если бы Онода был христианин и ему случилось бы попасть в руки мучителей, требующих отречения от Господа, то Церковь имела бы в святцах еще одно имя — мученик Онода. Верность и твердость в одном неизбежно проявились бы и в других областях жизни.

* * *

Как правило, говоря о верности, мы касаемся одной из нескольких основных тем. Это верность Богу, верность в браке и верность Родине. Все три типа верности очень связаны между собой. Причем верность религиозная является как бы связующим звеном между двумя другими. Это потому, что верность Родине чаще всего имеет религиозное измерение. Это любовь к святыням алтарей, к «отеческим гро-

бам», к священной истории своей страны и готовность за все это умереть.

С другой стороны, верность семейная насквозь мистична и является прямым подобием верности Богу. У пророка Осии кланяющиеся идолам евреи уподоблены блудливой женщине, которую любит муж и которая, однако, постоянно изменяет ему. И апостол Павел уподобляет глубину отношений супругов отношениям Христа и Церкви.

Так что, получается, в центре понятия верности расположены Бог и человек в своем взаимном отношении друг к другу. Затем вблизи этой сердцевины находятся верность супружеская и гражданская. Далее идут верность сказанному слову, взятым обязательствам и прочие виды верности, плавно перетекающие в то, что мы называем честностью, надежностью, порядочностью.

* * *

Чем выше дерево, тем глубже и мощнее его корень. Говорят, что дерево внизу столь же глубоко в корнях, сколь высоко оно на поверхности поднимается стволом и ветвями. Должен быть корень и у верности. Это религиозное и нравственное воспитание. У поручика Оноды и многих подобных ему таким корнем был и остается дух бусидо — моральный кодекс самураев, ставший одной из основ японской культурной традиции. Очевидно, что у нас должны быть свои корни, дающие подобные плоды. Это — вера в Бога.

Самый грубый слух не может не улавливать корневую связь между двумя этими понятиями —

вера и верность. Я слышал однажды от одного глубоко образованного человека, что в древней иудейской традиции верующим называли не того, кто верит, что Бог есть. Подобное «разрешение» Богу «быть» еще ничего не означает. На подобную «веру», как говорит апостол Иаков, способны даже бесы. Верующий человек означает человека верного, человека, через исполнение заповедей доказывающего свою преданность Господу. Отсюда несокрушимая твердость трех отроков в Вавилоне. Отсюда же мужество Соломонии и ее семи сыновей, чья мученическая смерть описывается в книгах Маккавейских.

Только Бог абсолютно верен Самому Себе и всему, что Он сказал. Человек всегда стремится к высшим степеням верности и других добродетелей. Таким образом, воспитание верности — это путь уподобления Богу. И, подобно самой длинной дороге, начинающейся с первого шага, воспитание верности начинается с малого. Если ты сказал «я сделаю», значит, нужно сделать. Если ты сказал «приду в восемь», приди без пяти восемь, но никак не в полдевятого. Верность, как выносливость, воспитывается, тренируется. Говорят, купеческое слово ценилось больше любых гербовых бумаг с печатями.

* * *

В наше время людей больше всего волнует верность семейная, супружеская. Еще бы! Вера в Бога считается делом частным и весьма отвлеченным. Тема Родины размывается с каждым годом, и что-то, а может, кто-то, стремится пре-

вратить человека в аморфного жителя Земли без гимна и флага и, конечно, без чести и совести. Лишь бы с хорошим уровнем дохода. Остается семья, остаются сложности взаимоотношений. Это еще печет, и боль этой темы хороша. Она доказывает то, что человек жив. Если и эта тема его трогать перестанет, если безразличие распространится и на эту сферу жизни, то значит, человека пора закапывать. Он уже умер.

Страдая любовью к повторениям, скажу еще раз: без верности Богу верность в личных отношениях — это всего лишь сентиментальная мечта или редчайшее исключение.

Но как ее в себе развить, воспитать, вырастить?

Думаю, нужно носить в душе правильные мысли. «В мире нет женщин, кроме моей жены». «В мире нет мужчин, кроме моего мужа». «Я не должен (не должна) этого делать. Господи, помоги мне!». Чем это не броня? Мыслящий подобным образом человек похож на рыцаря, одетого в доспехи.

Слово «блудить» означает не просто телесные действия известного рода. «Блудящий» человек — это человек «блуждающий». Он, как неприкаянный, бродит туда и сюда, он не нашел ни себя, ни своего места в жизни. Во время этого броуновского, то есть бесцельного движения он входит в соприкосновение и временный контакт с такими же приблудами, как он сам. Человеку же нужен якорь. Нужна ясная голова и твердая почва под ногами.

И верность Богу, и верность человеческая испытываются. То есть искушаются. Взрослая

вера — это «Осанна», прошедшая сквозь горнило страшных сомнений. И глубокие, верные отношения — это две жизни, огнем испытаний сплавленные воедино. К этому нужно готовиться.

Если воин идет на битву, то ему нельзя слушать жалостливые или похотливые песни. Его дух нельзя расслаблять. Пусть только удары меча о щит и мужественные звуки военных песен доходят до его слуха. Жизнь — это тоже битва, и горе тому, кто войдет в ее гущу в соломенной шляпе и тапках на босу ногу.

Отнимите у человека семью, веру, Родину. Что от него останется? Нечто странное, имеющее вид человека. Нечто похожее на стоящий в витрине манекен. Можно натягивать на него любые рубашки и пиджаки — он не согреет их своим телом, не передаст им свой запах. У него нет ни тепла, ни запаха. В редкие минуты, когда он захочет пооткровенничать, вы можете услышать горький рассказ о том, как у него украли веру, отобрали Родину и как разрушили его семью. Сострадайте ему и жалейте его, но знайте, что это лишь малая часть правды. На самом деле он сам потерял веру, сам покинул Родину и сам развалил семью. И все потому, что был он самовлюблен и суетен, поверхностен и невнимателен. И еще — он не был верен. Ни Символу веры, ни воинской присяге, ни брачной клятве у алтаря.

Простите меня те, кто искал в моих словах о верности конкретных советов и рекомендаций и не нашел их. Я и сам хотел бы знать больше об этом священном предмете. Но вытащить из шляпы зайца, которого ты туда не положил, не сможет даже самый великий фокусник. Мне, как и вам, еще предстоит долго учиться и само-

воспитываться, чтобы достичь цели и насладиться плодами великой добродетели — верности.

Богу, семье, Родине.

КРЕСТИТЕЛЬ

Если человеку повезло родиться в такой семье, где несколько поколений живут бок о бок, то, вероятнее всего, воспитывать его будет бабушка. Мать будет кормить грудью, отец будет хмурить брови, если ребенок сделает что-то не так. А вот рассказывать о том, откуда взялись луна и звезды, какие в древности жили герои, почему звери не умеют разговаривать и о многом другом будет бабушка. Бабушкина любовь — это инстинкт, помноженный на опыт, это — грусть и нежность, рождающиеся от соприкосновения старости с новорожденной невинностью.

Если бы не пушкинская няня, мы вряд ли читали бы сказки Александра Сергеевича. И если бы не бабушка князя Владимира, он вряд ли крестился бы, а значит, и наша история потекла бы по совсем иному руслу. К своей обычной ласке Ольга добавляла крестное знамение. Она наверняка шептала молитву, глядя на внука, и это был первый посев, который со временем принес неожиданный и богатый урожай.

Нива Руси

Церковная поэзия называет Ольгу утренней звездой, появление которой на небосводе Оте-

чества предваряло восход Ясного Солнышка — князя Владимира. Владимир вымолен бабушкой, точнее, ею был вымолен тот могучий поворот руля, который был сделан ее внуком. Удобнее всего сравнивать тот исторический поворот с изменением курса большого корабля: Вот паруса надулись, ветра полны. Громада движется и рассекает волны.

Святитель Николай Сербский пишет, что огромная нива, распростершаяся от Дуная до Тихого океана, начала вспахиваться и засеваться евангельским словом начиная с Крещения Владимирова. В сравнении с огромностью этой нивы и Римская империя, и Византия кажутся малыми островками.

Обескровленная религиозными войнами, разуверившаяся сама в себе и в Истине, которую так долго и горячо исповедовала, Европа спасла себя в Америке. Белый человек с Библией в руках нашел за океаном новую родину и стал обживать ее, стремясь превратить в земной рай. Византия же спасла себя в Руси. Вернее, спасла не себя. Меч Магомета сокрушил ее могущество. Византия успела перепрятать сокровище, которым хвалилась и ради которого жила, — Православие. Она принесла его на Русь. «Для Православия Скифия значила столько же, сколько Америка для западного христианства, и даже больше», — пишет святитель Николай.

Русь приняла христианскую веру в готовом виде — как ограненный, отшлифованный алмаз в дорогой оправе византийского обряда. Достойно удивления, что это сокровище Господь вручил народу, не искушенному в земной пре-

мудрости и науках, народу без написанной истории и без самой азбуки. *Другие трудились, а вы вошли в труд их* (Ин. 4, 38) — эти слова Христа уместно применить и к новому христианскому народу — Руси.

Для труб евангельских на новой земле не было Иерихона. Разрушать было нечего, кроме деревянных истуканов. Ни пирамид, ни пагод, ни мраморных скульптур, ни философии, ни театра, ни высокой поэзии... ничего похожего на Рим и Грецию, на Египет и Вавилон с их пышным и соблазнительным язычеством. Все примитивно, все близко к природе. Но и сам грех необуздан, как разгулявшаяся стихия.

Выбор

Когда Бог хочет воплотить Свои направленные в вечность планы, Он ищет на земле людей, способных Ему помочь. Его выбор не сиюминутен. Если бы люди вместо Бога делали этот выбор, они непременно ошиблись бы. Ведь люди, в отличие от Бога, не знают тайну человеческого сердца. Так и Самуил, глядя на внешность, ошибался, кого из сыновей Иессея помазывать в цари над Израилем (см. 1 Цар. 16, 6—12). В случае с Русью Господь тоже совершил выбор, совершенно невозможный с точки зрения простого человека. Он выбрал Владимира.

Любовь к земным сластям, пороки и суеверия покрывали Владимира с головы до ног. Но нутро его, как сердцевина в дереве, было здоровым. Ему предстояло преобразиться, из гу-

сеницы стать бабочкой и силой живого примера позвать за собой всех подвластных людей. Бог видел, что душа князя и мужественна, и не лжива. Он грешил, не зная Истины, но был способен оставить грех, познав Истину.

Его, как и нас, в вопросах веры и религиозной самоидентификации окружали и звали к себе иудаизм, ислам, католичество и Православие. Свой выбор князь должен был осуществить, не имея достаточных знаний, как религиозных, так и исторических. Предстояло решать, руководствуясь природным умом, здравым смыслом государственного мужа и интуицией.

Бог особо печется о князьях и царях. Фараон при Аврааме и Навуходоносор при Данииле видят пророческие сны или же особо вразумляются Богом. Это потому, что судьбы мира и жизни миллионов людей зависят от их решений. Это в полной мере касается и Владимира, даже когда он еще был язычником и вместе со всем народом стоял на историческом перепутье.

Его аргументация отказов в принятии всех вер, кроме Православной, может звучать наивно. Но это та ситуация, о которой римляне говорили: «Повод ничтожен — причина велика». Католики и мусульмане отвергнуты по причинам далеко не принципиальным. Только иудеям князь задает вопрос, являющийся одновременно веским контраргументом: «Если ваша вера самая лучшая, где ваша земля, где государство и почему Бог рассеял вас по миру?». Но повторюсь: отвержение вер было совершено не на основании тех слов, которые были сказаны исламским,

еврейским и западным миссионерам. Это было дело Промысла Божия, в котором Владимир исполнял роль орудия.

Из единого на тот момент христианства (до Великой схизмы более полувека) князь избирает восточный вариант. Если службы латинян послов не трогают, то византийская литургия, напротив, заставляет Владимировых купцов забыть, где они — на небе или на земле. Светлый образ княгини Ольги как нельзя кстати появляется в сознании послов. Они, растроганные богослужением, говорят, что мудрейшая Ольга не избрала бы Православие, не будь оно самой лучшей верой. Проповедь греческого миссионера и икона Страшного Суда, образы которой он растолковал князю, сыграли свою роль. Владимир решает креститься. С тех пор и мы, его поздние внуки, чтим иконы, не мыслим веру без благолепного богослужения и, конечно, любим бабушек, воспитавших нас.

Плоды

В Крещении Владимиром Руси есть еще элемент, рождающий вопросы. Князь крестил народ без предварительного оглашения, волевым усилием. «Кто не придет на Днепр креститься, тот мне не друг», — сказал Владимир, и после этих слов трудно было найти человека, желающего стать добровольным врагом князю. У Лескова в повести «На краю света» один из главных героев говорит, что «Владимир поспешил, а греки слукавили». То есть что греки наспех окрестили народ, не уразумевший нача-

ла веры. В этих словах есть правда, и отворачиваться от нее не стоит. В память о тех временах осталось в нашем языке слово «куролесить». Оно означает «делать нечто непонятное», а родилось из греческого «Кирие элейсон», то есть «Господи, помилуй». Службы долгое время совершались пришлым греческим духовенством на незнакомом для славян языке, и новокрещенный люд ходил в храмы, где греки «куролесили».

Но правда и то, что Русь полюбила новую веру. Прилепленное снаружи отлипнет через короткий срок, а вошедшее внутрь останется и углубится. Так углубился в русском народе посев Владимира, и в скором времени из недр новокрещенного народа рождаются богатыри духа — истинные монахи и подвижники. Та чудесная жизнь Палестины и Египта, глядя на которую в пятом, шестом веках удивлялось небо, повторилась на киевских горах в веке одиннадцатом. Затворники и молчальники, бессребреники и молитвенники, которых боялись бесы и слушались мертвые, не могли бы появиться, если бы не всецелая преданность русичей Христу и Евангелию. Достаточно на один день посетить Киево-Печерскую Лавру и бегло ознакомиться с ее историей, чтобы понять — Владимир не поспешил и не ошибся в выборе.

Да, правильный порядок действий предполагает научение, и лишь после того — крещение. Русь же крестили так, как крестят младенцев — без сознательной и взрослой веры. Когда мы крестим малышей, мы реально и действенно соединяем их с Иисусом Христом. Дети этого

не понимают, хотя Таинство совершается в полной мере. Далее следует учить ребенка и делать все, чтобы подаренная вера была усвоена и полюблена. Если взрослые не сделают этого, реальность рискует смешаться в такую кашу, о которой трудно будет вынести однозначное суждение. Если же крестить ребенка, а затем учить его вере и воцерковлять, то все становится на свои места и вопросы снимаются.

Правнукам

Итак, Русь была крещена, как ребенок, и требовала дальнейшего научения и возрастания в вере. При Ярославе появились школы и библиотеки, пришли грамотные люди из Болгарии со славянскими книгами, появилось духовенство из числа коренных жителей. Дело Владимира нашло органическое и основательное продолжение. Но вскоре пришли монголы, и высокий полет закончился. Книжная мудрость и живая проповедь из разряда естественной необходимости надолго переходят в разряд редкого исключения. Русь занимает место среди христианских народов, но место это особое. Русь, как бы в ожидании своего часа и своей миссии, затаивается на долгое время, оставляя другим историческую сутолоку и решение больших вопросов.

Сегодня нам, вооруженным знаниями и чувствующим ответственность перед Богом и будущим, следует потрудиться на уже засеянной ниве, войти в труд тех, кто жил и трудился до нас. По количеству крещений и обращений,

по количеству восстановленных и заново построенных храмов и обителей наше время справедливо названо Патриархом Алексием временем «второго Крещения Руси». Только нам — правнукам святого Владимира — следует сегодня поступать иначе. Нам мало строить храмы. Нужно и учить людей вере. В эпоху всеобщей грамотности безграмотность в вопросах веры приобретает особенно страшные свойства. Владимир делал то, что Бог ему приказал, то, что почувствовало его сердце. Он не ошибся, но он ждет, что потомки продолжат его труд, так, как композитор хочет, чтобы его ноты были прочитаны, разучены и талантливо исполнены.

ХОДИЛ ЛИ ХРИСТОС В ТИБЕТ?

В отношении Господа Иисуса Христа сказано немало и глупостей, и гадостей. Еще при жизни на земле Его называли то бесноватым, то самарянином, что для слуха иудеев звучало не лучше, чем прокаженный. Но истинный расцвет как злонамеренных, так и невольных фантазий на эту тему пришелся на более поздние времена.

Спасителю отказывали в Божественном достоинстве. Его чудеса отрицали, Его называли бродячим философом-неудачником, Его учеников именовали лжецами. В длинном ряду мудрецов земли воплотившемуся Творцу отводили место в самом хвосте шеренги, далеко после Магомета и Конфуция. Наконец подвергли сомнению сам факт того, что Христос — реальная историческая личность.

Ложные учения о Христе не появлялись на арене истории сразу, всем скопом. Они, как хорошо обученные актеры, появлялись в определенное время и, отыграв свою роль, исчезали. Среди ныне действующих слухов и фантазий есть место и следующей: в юношеском возрасте Христос якобы посещал Тибет, учился разным премудростям, какие и демонстрировал потом, вернувшись в землю Израиля.

Формальным поводом пофантазировать на эту тему является тот факт, что о периоде жизни Христа между двенадцатью и тридцатью годами ничего не говорится в Писании. В двенадцать лет мы видим Господа в Иерусалимском храме, задающим вопросы и беседующим со старцами. В тридцать Он, вошедший в возраст зрелого мужа, принимает от Иоанна крещение и выходит на проповедь. А вот что происходило в «выпавшие» годы? Ходил ли куда-то Христос, и если да, то куда?

Спаситель, без сомнения, никуда не отлучался из Палестины. Верующие во Христа как в Бога понимают, что Богу нечему учиться у людей. Не учиться у них, а спасать их Он пришел. Но есть и еще один аргумент.

Христос — еврей, и этим все сказано. Он — долгожданный Мессия еврейского народа. То, что евреи Его не приняли, — отдельная тема. Евангелие говорит, что Он к своим пришел, но свои Его не приняли. Со Своей стороны Господь сделал все, чтобы Его и узнали, и приняли. Главным условием принятия веры были не формальные признаки, а условия нравственные. Кающиеся и смиренные люди, верные

Богу отцов по истине, а не лицемерно, в словах и делах Иисуса Христа видели исполнение древних пророчеств.

Христу надлежало не прийти со стороны, а явиться из недр Израиля. Мессия должен быть известен. Он должен быть обрезанным, должен хранить субботу, не есть запрещенной законом пищи. Он должен посещать Храм в строго определенные праздничные дни, должен слушать Закон и пророков в синагогах. Ему нельзя учить до достижения определенного возраста. Его должны видеть и знать с детства. Одним словом, Мессия должен быть полноценным и стопроцентным сыном богоизбранного народа. Таким Христос и был.

Мы часто недооцениваем или легкомысленно забываем факт принадлежности Богоматери, Христа и Его апостолов к еврейскому народу. Хотя факт этот говорит не против нашей веры, а за нее. Спорить с Богом бесполезно. Если Он кого избрал, то так тому и быть. А с избранных и спрос строже, и награда больше.

Вот что говорит апостол Павел об этом: *Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых Иудея, потом и Еллина! Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых Иудею, потом и Еллину!* (Рим. 2,9 — 10). И в бесчестии, и в славе иудей стоит «во-первых».

Само существование еврейского народа говорит всему миру о том, что Христос — историчен. Если этот народ в чем-то и изменился, то это только на поверхности. Это итальянцы никак не напоминают о древних римлянах, и

греки мало похожи на потомков Перикла и Солона. А вот еврей сегодняшний гораздо меньше отличается от себя самого из любой известной нам исторической эпохи. Черты психологического портрета еврея не сумело размыть ни долгое время, ни рассеянное пребывание среди самых разных народов. Отметим попутно, что многие народы уже исчезли. Некоторым суждено исчезнуть. И только евреи никуда не исчезнут до самого Второго Пришествия и Страшного Суда. И везде, где они живут или будут жить, всем остальным должно становиться понятным следующее: этим людям, и через них — нам, Господь вручил священные книги. Среди этих людей появлялись самые пламенные и ревностные служители Истинного Бога. Именно этот народ дольше всех и упорнее всех раздражал и продолжает раздражать Того, Кто его избрал, отделил и возвысил. Среди них явится антихрист, но не все из них поклонятся ему. Как было прежде, так и тогда явится священный «остаток», который почувствует подмену и вспомнит, обратится к отверженному ранее истинному Мессии.

Если бы драма земной жизни Спасителя разыгрывалась в наши дни, Он опять пришел бы к ним. Так подобает. Так написано. Он нашел бы их даже при нынешней рассеянности по миру. Они бы тоже узнали о Нем и собрались к Нему. Далее все было бы точно так же, как 2000 лет назад. Вожди бы спорили с Ним. Народ любил бы Его земной, непрочной, переменчивой любовью. Он был бы оклеветан и убит под злобный шепот начальников, под крики взбудораженной

толпы. Но только и Иосиф Аримафейский, и Никодим, и девственный Иоанн, и горячий Петр, и, конечно, Честнейшая Херувим были бы тоже из этого народа.

Поскольку все это уже было и никогда больше не повторится, мы можем утверждать: не ходил никуда Христос. Он не ходил не только в Тибет или в Гималаи, но даже не выходил за пределы Палестины. Незачем.

Он родился в Вифлееме и прожил до тридцати лет в смиренном Назарете, если не считать бегства в Египет вскоре после рождения. Назарет покидал только ради праздничных молитв в Иерусалимском храме. Да и то чтоб исполнить Закон и не давать повода упрекнуть Себя в чем-то.

Беспочвенные слухи о Христовых «странствиях» рождаются не на Востоке, а на Западе. Это западный обыватель, утратив веру, формирует общественный заказ на подобные басни. Западному человеку хочется объяснить для себя Христа, не прибегая ни к молитве, ни к покаянию. Кому-то, может, удобнее, бросив тень на личность Иисуса, отмахиваться от голоса собственной совести и от нравственных требований христианства. Так или иначе, новейшие попытки «женить» Христа или «отправить» Его в Тибет — это искры того безбожного костра, который давно горит в Европе и пожирает изнутри некогда христианскую цивилизацию.

НЕБО СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ

ЦЕНА СВОБОДЫ

Великий пост — время благих перемен. Это время душевной весны и выхода на свободу.

Все самое главное в нашей жизни проходит в едва различимом мраке на дне нашего сердца, где между двумя полюсами «грех» и «праведность», как между минусом и плюсом, горит ниточка накала нашей жизни. Деньги, жилье, одежда, знакомства, погода, болезни, политика, новости... — все это лишь тонкая пленка на поверхности глубокого озера, имя которому — сердце. *Там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими* (Пс. 103,25). Жизнь снаружи целиком зависит от жизни внутри, от того, свободен ты или связан, силен внутренней силой — или утомлен и обескровлен. Время поста — это время путешествия внутрь. Как спелеологу в пещеру, как ныряльщику в глубину моря, человеку предстоит тяжелое схождение внутрь сердца. Поэт сказал: «О, дум уснувших не буди, под ними хаос шевелится». А мы как раз разбудим думы и потревожим хаос. Пойдем бороться со змеем, свернувшимся кольцами на самой глубине.

Сперва вооружимся. Непобедимой силой Животворящего Креста и смирением. Смире-

ние будет нам щитом, а Крест — мечом обоюдоострым. И не будем бояться. Нас неизбежно изранят, даже истерзают и почти изорвут в клочья. Ни один после этой драки не останется цел. Все будут зализывать раны. Но венец награды, но будущий триумф стоят того, чтобы ввязаться в схватку.

Пост двулик. Одно его лицо сияет для человека, другое устрашающе и грозно смотрит на лукавого. Пост **для** и **против.** Для — сердца, и против — лукавого. Для сердца, заметьте, а не для желудка, не для здоровья, не для диеты. Господь сказал: да не отягчают сердца ваши объедением, пьянством, заботами житейскими. Вот почему пост для сердца. И еще Господь сказал: Род сей изгоняется молитвой и постом. Вот почему пост против дьявола.

Наши страсти связали нас тысячей паутинок. И мы лежим, как Гулливер, связанный лилипутами. Каждая их веревка для нас в отдельности смешна. Подумаешь, лень. Подумаешь, полежал под одеялом подольше или съел лишнего, или гадость послушал, или чушь рассказал. Но собранные вместе, паутинки становятся канатами. Пост силен их порвать. Неприятности на работе, холод в семье, сосущая тоска под сердцем, упадок веры, тяжесть ума, житейские неудачи — это ведь все оттуда, от рабства страстям, от бесовской карусели, на которой крутится наша мысль. Отсюда все внутренние и внешние несчастья.

Поэтому пост многое изменит. Многие цепи спадут не только у тебя, но и у многих твоих сестер и братьев. Это будет не твой личный под-

виг, подвиг гордого одиночки. Это будет общее дело, сорокадневная непрекращающаяся литургия[5], благородная битва всех тех рабов Христовых, которых ты знаешь и не знаешь. Их маленькие победы лягут в общую копилку и всех обогатят. Церковь опять вздохнет полной грудью и обновится.

Конечно, со дна сердца поднимется такая муть, что не раз и не два руки невольно опустятся, и кто-то невидимый слева прошепчет: успокойся, смотреть противно, как ты на небо лезешь. Но уже на следующий день или в тот же вечер ты прочтешь молитву святого Ефрема[6] и опять ободришься. Господь всякий раз будет говорить тебе: дерзай, чадо, Я близко.

Бескровные проповедники сладких сказок столетиями трудились над тем, чтобы превратить христианство в пресное и безвкусное месиво. А Церковь каждый год зовет тебя на хорошую драку, потому что наград без войны, и войны без ударов, и ударов без боли — не бывает. Терпи боль и трудись над сердцем. Это цена свободы.

* * *

Пасха, к которой мы движемся, — это пир, на который нас пригласили. Мы стали перед

---

[5] Литургия в переводе с греческого — общее дело.

[6] Текст молитвы св. Ефрема Сирина, читаемой Великим постом за каждым богослужением: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

зеркалом и с ужасом поняли, что в таком виде нас на пир не пустят. Не только одежда стара, но и шея грязна, и руки в смоле, и нос чумазый. Нам надо причесаться, вымыться и переодеться. Кто умоется слезой и оденется в добродетели — перед тем тихо и торжественно растворятся двери пиршественной залы. Он услышит свое имя, названное громко, и с замиранием сердца переступит порог.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Задолго до Рождества Христова умный китаец по имени Кунцзы (по-нашему Конфуций) сказал, что мир изолгался, слова потеряли смысл, и нужно заново давать имена вещам и понятиям. Склоняя голову перед мудрым китайцем, мы и сегодня признаем, что смирение смешивают с комплексом неполноценности, храбрость — с наглостью, щедрость — с глупостью и т.д. до бесконечности. Время Великого поста обязывает нас говорить о покаянии, и нам, как детям XXI века, тут же придется оправдываться.

Покаяние — вовсе не оглашение своих гадостей и не размышление про себя и вслух о своих недостатках. И не многое другое, что ошибочно приписывают настоящему покаянию. В своих богослужениях Церковь называет покаяние «радостотворным». Как, например, в службе Почаевской иконе Божией Матери в одном из тропарей есть слова: о грехах своих восплачемся, о милосердии же Божием возра-

дуемся. Покаяние истинное рождает радость: радость о прощении грехов, о том, что тебе вновь дана надежда, и перевернута страница, и Бог забыл твои неправды, и жизнь продолжается... Этого светлого отношения к покаянию или вовсе нет, или почти нет. Его ошибочно смешали с каким-то духовным изуверством, самобичеванием, где нет бича. Католики логически пошли дальше и дошли до самоистязания. А православные, не делая крайних шагов, стали на полпути и покаяние смешали с самоуничижением, с тоской, печалью и со многими вещами, никак не касающимися Бога. Когда преподобный Антоний провел 20 лет в пустыне, и знающие его пришли нему, то они увидели человека (я никогда не забуду этих слов) «цельного в уме, здравого в душе и теле, посвященного в тайны и объятого Богом». Это — покаяние истинное. Подобен ему Моисей. В 120 лет, не утративший ни единого зуба, не ослабевший в зрении и телом бывший сильным, как зрелый муж. Вот покаяние. Остальное — нудеж, скуление и тихий вой слабого и малоумного человека, считающего себя (вдумайтесь!) подвижником.

Великий пост требует от всех нас целостности, то есть собирания воедино всех составных частей нашего естества: ума, воли, чувств. И тот, кто не ест с понедельника до пятницы, и тот, кто просто бросил курить, и тот, кто отказался от конфет, — все они подвижники. Вспоминая Конфуция, нужно сказать, что и слово «подвиг» мы понимаем неправильно. Для обывателя подвиг сопряжен с ружейными залпами, тонущим кораблем, ледяными вершинами. На самом деле

настоящий подвиг — это сдвигание себя самого с мертвой точки, это умение и желание разбудить свою мертвость и сделать шаг к Отцу, Который Сам бежит навстречу блудному сыну.

Мы не зря читаем в преддверии поста о Закхее. О почтенном по возрасту и уважаемом из-за богатства человеке, который не постыдился залезть на дерево, чтобы увидеть Иисуса. Наш с вами пост — это не что иное, как смешные потуги толстого и немолодого человека «залезть на дерево», чтобы взглянуть в глаза Того, Кто пришел спасти человека.

Твои мышцы дряблы, твой социальный статус обязывает тебя к неким правилам. Ты мудр в глазах знающих тебя. И вот ты как последний мальчишка, обливаясь потом и напрягая слабое тело, лезешь на дерево. Ты — посмешище. Но тебе до этого нет дела. Это — пост.

Конечно, не еда делает постника постником. Святые умели есть на людях мясо так, как будто это была морковь. Фундаментом поста является смирение. Митрополит Антоний (Блум) говорил, что латинское humilitas (смирение) связано с гумус — (плодородная почва). Он имел в виду, что смирение плодородно, что оно открыто Богу так, как земля открыта небу, и всякой дождевой капле, и всякому семени, брошенному в нее. Земля способна всякую гниль преобразовать в плодородную почву, и она всегда рождает. Таково смирение. Если смирение не рождает умение прощать, умение потрудиться, умение отдать свое — это не смирение, а тот комплекс неполноценности, против которого так восстают атеисты, не ведающие смысла святых слов.

Для меня очевидно, что покаяние — один из шагов к достижению того состояния, о котором говорит апостол Павел: да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое приготовлен. Смешивать кающегося с тоскующим или унылым или просто меланхоликом — это хрестоматийная, однако чудовищная ошибка. Пусть вспомнит каждый кающийся слова Христовы о посте: помажь главу, лицо умой, то есть явись не людям постящимся, как лицемеры, а Богу, видящему тайное. Как ни странно, кающийся радостен. И Честертон говорил, что доброго человека узнать нетрудно: у него улыбка на лице и боль в сердце. Кстати, и исхождение в притвор на литии означало не что иное, как приобщение Церкви к скорбям неверующего человечества и молитва Богу «о всех и за вся». Так что и каяться нам приходится так, чтобы и неверующего не раздражать, и верующего не соблазнить, и самому возрастать, а не опускаться. Трудно, не правда ли? А кому сейчас легко? — ответит каждый стоящий на базаре.

Что можно посоветовать «постящемуся постом приятным, благоугодным Господеви», так это того, чтобы приобщиться к жизни какой-нибудь православной обители. Ведь в Великий пост мы все монахи. И как иначе понять Православие, .как не изнутри византийского, восточного, длиннющего, красивейшего, изнуряющего, одухотворяющего богослужения? Поэтому всяк себя мнящий православным пусть поспешит в ближайшую к месту жительства или работы православную обитель, где, трепеща подобно горящей свече, выслушает Великий канон и

все то, что сможет вместить, чтобы реально приобщиться к тому горению духа, которое родило и преподобного Андрея Критского, и преподобного Иоанна Дамаскина, и преподобного Сергия Радонежского...

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Всякому известно, что для католиков центром единства является римский архиерей. Все находящиеся в подчинении ему — католики, все, кто вне его юрисдикции, для католиков — схизматики. То есть папа — это видимое связующее звено всего организма Римской Церкви. Такого видимого центра у православных нет. С точки зрения католиков, православные аморфны и плохо структурированы. Для них удивительно, как до сих пор не исчезло Православие при отсутствии строжайшей дисциплины на латинский манер.

Для протестантов в центре духовной жизни — книга. «Только вера» и «только Писание» — основные положения Реформации. Для православных это тоже не характерно. Даже если бы все книги Писания были потеряны (что в принципе невозможно), Православная Церковь не испугалась бы. Из недр своего опыта она произвела бы Священное Писание в его сути. Так дерзновенно говорил об этом вопросе преподобный Силуан Афонский. Церковь в его глазах — это не те, кто читает Писание, а те, кто носит его в себе и может написать заново, если оно исчезнет.

То есть ни иерархическая фигура, пусть даже патриарх древней кафедры, ни книга, пусть даже Книга книг, не являются центром жизни Православной Церкви. Что же это за центр и есть ли он?

Центром жизни Православной Церкви является Евхаристия, Таинство Тела и Крови Христовых. Пчелы в улье собраны вокруг матки, католики собраны вокруг римского трона, протестанты — вокруг текста, православные — вокруг Чаши. «Чем воздам я Господу за все, что даровал Он мне?» — спрашивал в древности пророк Давид. И отвечал: «Чашу спасения приму и имя Господне призову».

Литургия воистину связывает воедино все стороны церковной жизни. Для Литургии пишутся иконы (они как бы оживают на службе), ради Литургии звонят колокола, для ее совершения строятся храмы, песнопения церковные сопровождают ее, как некое ликование на брачном пиру. Разобранные на части, все эти проявления церковного искусства без Литургии жить не могут. Древняя икона в выставочном зале, знаменное пение с концертной сцены, планетарий-помещение бывшего храма — это жуткие знаки уходящей эпохи, эпохи, когда литургическая жизнь сводилась к минимуму с тайной целью ее совсем заглушить. Ныне же, когда Церковь расправляет плечи и делает глубокий вздох полной грудью, то есть когда церковная жизнь обновляется, нам нужно начинать с главного — с Божественной службы, и тогда все постепенно встанет на свои места. Помню, в семинарии меня поразили прочитанные у А. Хомякова слова:

«Христианство понимает тот, кто понимает Литургию».

Слово «литургия» в буквальном смысле означает общественное, совместное служение. Это не треба, то есть не служба, совершаемая по требованию отдельного члена Церкви, а служба, охватывающая всех, Жертва, приносимая «о всех и за вся». Важно то, что один священник, без наличия верующего народа, не может совершать Литургию. Это не его частное дело, это дело Церкви. Каждый вносит в него частицу своей души. Кто-то приготовил для службы просфоры, кто-то купил и пожертвовал вино, кто-то убрал в храме, кто-то принес цветы к образу. Все вместе согрели храм дыханием своей молитвы. Священник во образе Ходатая пред Богом за людей — Христа — приносит общую молитву на Жертвенник. Совершается превращение отдельных верующих в Тело, побеждается ненавистная рознь мира сего. В древности в ответ на возглас «возлюбим друг друга!» молящиеся в храме целовали каждый ближних своих, ощущая при этом любовь, превосходящую силу кровного родства. И нам сегодня Литургия нужна и для того, чтоб научиться любить друг друга, и для того, чтобы достойно благодарить Господа.

Н. В. Гоголь в тот период жизни, когда Церковь открылась его мысленному взору, был буквально поражен той присносущной силе, которую вносит Литургия в нашу жизнь. «Если люди до сих пор не поедают друг друга поедом, — говорил он, — то тайная сему причина — служение Божественной Литургии». Даже если мы не посещаем ее и не знаем о ее существовании,

сам факт совершения сего дивного Таинства действует на весь космос чудесным образом. С радостью и большим удивлением однажды я услышал слова некогда культового певца Петра Мамонова. Его спрашивали, что для него в жизни важно, а он, отмахиваясь от журналистов, как от мух, сказал им примерно так: «Все ерунда, а важно вот что: если бы все попы договорились и в одно из воскресений не отслужили Литургию — мир тут же бы и рухнул, понятно?». Кроме Литургии, служба эта называется еще Евхаристия, то есть благодарение. И центральными словами службы являются слова «благодарим Господа». В тайных молитвах священник благодарит Господа за то, что Он нас создал, не отвернулся и не отрекся, когда мы согрешили, спас нас Воплощением, Крестом и Воскресением и даровал будущее Царство. «О всех сих благодарим Тя, о всех, еже вемы и не вемы, благодеяниях, бывших на нас»[7], — говорит священник. И эта благодарность Богу за все есть источник благодати Божией для мира. Когда мы говорим «неблагодарный», то в Евангелии это слово по-славянски звучит как безблагодатный, то есть не умеющий благодарить есть одновременно не имеющий благодати. Благодарить Бога всегда и за все — это то, чему всем нам надо учиться.

До скончания века будет совершаться Божественная Литургия. В Послании к Коринфянам апостол Павел говорит, что служба сия будет

---

[7] «За все это благодарим Тебя, за те благодеяния к нам, о которых знаем и не знаем».

совершаться, пока не придет Господь, то есть до последних дней и часов мира. Это есть залог спасения для всякого верующего. Ведь где бы ни совершалась Божественная Литургия, она совершается и за нас, и *Кровь Иисуса Христа — Праведника — очищает нас от всякого греха* (1Ин. 1,7).

ВЕРНОСТЬ ДО СМЕРТИ

В углу моей комнаты висит икона Спасителя с горящей лампадой. Я привык к ней и редко задумываюсь над тем, какое место икона занимает в моей жизни. Православное украшение интерьера, что-то привычное для молитвы, одна из обрядовых сторон Церкви, красота, наконец... Вот что значит икона для бытового сознания. Но за этими красками разверзаются бездны.

Приближается первая неделя Великого поста. Я готовлюсь к проповеди о торжестве иконопочитания, перебираю в памяти все, что знаю о «богословии в красках». Две вещи вспоминаются ярче всего.

* * *

Средневековая Грузия. Маленькую христианскую страну постоянно терзают различные захватчики. Храбрые благоверные воины и мученики за Христа — самый многочисленный лик грузинских святых. Верность Христу буквально оплачивается кровью.

Очередной враг — царевич Джелальад-Дин — захватывает Тбилиси. Он повелевает снять купол с кафедрального собора и усаживается на его верху. Внизу, у моста через Куру, поставлены иконы — те самые, перед которыми молились многие поколения горожан. Царевич повелевает жителям города подходить по одному и, плюнув на образ, живым перейти на другой берег. Возле икон стоят воины с обнаженными мечами, и несогласных ждет неминуемая смерть. Подходит первый человек. Крестится, склоняет голову и в последний раз целует знакомый образ. Острый меч мгновенно отсекает голову, и тело мученика бросают в реку. Подходит второй, происходит то же. Третий, четвертый... Люди стоят в длинной очереди за смертью, трепещут, молятся, однако, крестясь, целуют иконы и, обезглавленные, падают в реку.

До позднего вечера шли ко Христу православные тбилисцы, омывались кровью и уходили на небо. На иконы не плюнул никто. С удивлением смотрел Джелальад-Дин на мучеников, которых он захватил, но не поработил.

* * *

Средневековая Япония. Европейские мореплаватели открывают для себя этот островной народ и открывают для японцев европейскую цивилизацию. Гавани полны кораблей, паруса которых украшены крестами. Диковинные товары наводняют страну. Проповедуется новая вера. Европейцы изучают японский язык, переводят на него Евангелие. Множество туземцев откликается на проповедь о Христе, прини-

мают новую веру. Сегуны (князья) благоприятствуют этому и даже позволяют совершать службы и молиться в своих замках. Но вскоре японцы чуют неладное. Успех католической миссии грозит колонизацией страны. Религия может послужить инструментом политики. К тому же наводнившие страну миссионеры не являют пример христианской жизни. Представители разных монашеских орденов враждуют друг с другом. Японцы принимают радикальное решение — они выгоняют всех европейцев и запрещают им впредь появляться на островах. Япония на долгие столетия сознательно изолирует себя от всего мира. Благодаря этому она избежит судьбы многих стран Индокитая и никогда не будет колонией. Но внутри страны остается много христиан-японцев. Что делать с ними? Их решают выявить и уничтожить.

Выявляют христиан особым способом.

Сегунам ясно, что есть вещи, которые христианин не сделает ни при каких условиях. Например — наступить на икону Христа. И вот вооруженные отряды объезжают страну и в каждой деревне предлагают людям одно и то же — попрать ногами образ Спасителя. Расчет оказался верным. Верующие сразу обнаруживают себя категорическим отказом.

Их всех ждала мучительная смерть.

* * *

Для грузин и японцев, для греков и русских, православных христиан любой национальности всегда было ясно, что Христос не только Слово Отца, но и — Образ Бога невидимого. Чтить

нужно не только Его Книгу, но и Его Образ. Икона не тождественна природе Изображаемого, но тождественна Его Личности.

* * *

В углу моей комнаты висит икона Спасителя с горящей перед ней лампадой. Я часто смотрю на этот образ и привык к нему. Но сегодня, вспоминая мучеников, я смотрю на икону как будто впервые — и вижу в ней святыню, за которую можно умереть.

День восьмой

Церковь бережно охраняет свою идентичность. Две тысячи лет не состарили Евангелие — оно остается все той же свежей новостью и радостным посланием Бога человекам. Иногда нам кажется, что обряд закрыл собою веру, что мы запутались в «преданьях старины глубокой», что жизнь Церкви потемнела, как лик на чудотворной иконе, да еще и покрылась сверху тяжелым окладом. Но приходит Пасха и выгоняет вон сомнения и страхи. Как вурдалаки от пения петуха и первых утренних лучей спешат в свои норы и подземелья, так и всякая раздвоенность души и всякая хула на Истину исчезают в пасхальном трезвоне и победном «Христос Воскресе!».

Пасхальной радостью нужно жить не одну неделю в год. Ее нужно ловить и удерживать, как поймал и удержал упавшую милоть[8] Илии его

[8] Милоть — верхняя одежда.

ученик Елисей. Для того чтобы мы были способны исполнить завет апостола Павла «всегда радуйтесь», Церковь протягивает пасхальную нить сквозь целый год обычной жизни, и узелками на этой нити завязан воскресный день. Это — малая Пасха, антипасха, не в смысле «против», а в смысле «вместо». Когда были живы Петр и Павел, у Церкви, конечно, не было праздника Первоверховных Апостолов. Пока была жива Богородица, не было грустного и величественного Успенского торжества. А что же было у Церкви, когда не было Успения и Покрова, Введения и памяти Апостолов? У Церкви был воскресный день. Это первый праздник нового человечества, благодаря которому наша связь с первенствующей Церковью и с колыбелью благодати сохраняется и не рвется.

* * *

В основе мира лежит седмица. Число шесть указывает на сотворенный мир, а число семь — напоминает о том, что сотворенное покрыто благословением. Здесь — ключ к пониманию празднования субботы. В седьмой день, то есть в субботу, Бог благословил то, что создал, и, отдыхая в субботу от ежедневных дел, человек должен был размышлять о делах Творца, славить Его за то, что Он все дивно устроил. В субботу человек не должен был проявлять власти над творением — копать, рубить, разжигать огонь. Молитва, отдых и богомыслие должны были наполнять субботу. Но поскольку человек согрешил и попал под власть соблазнителя, его нужно было спасать, а вместе с ним и всю вселенную. Суббота не исцеляла че-

ловека, но лишь поддерживала в нем духовную жизнь. Христос исцелил человека и сделал это в первый день недели — в воскресенье.

Искупление мира — дело большей любви, нежели сотворение мира. То, что Бог, не утомляясь, создал чудный мир, говорит о Его всемогуществе и разуме. А то, что Он послал Единородного Сына, чтобы в Нем спасся мир, говорит о Его любви. За что нам больше Бога благодарить: за всемогущество или за любовь к нам, падшим? Церковь говорит: за любовь. Церковь не отменяет субботу, называет ее праздником, наполняет молитвой. Но выше субботы Церковь поставляет первый день — воскресенье. Его мы празднуем больше, и оно для нас — вечное напоминание о Полюбившем нас и Отдавшем Себя за нас.

* * *

Воскресенье — одновременно день первый и день восьмой. Первый — внутри седмичного цикла, восьмой — как разрыв кольца и выход за пределы. В тот первый день, день творения, Господь сотворил свет и отделил свет от тьмы. Как радостно заметить сходство с днем воскресным. Ведь и воскресший Христос победил тьму, сделал ее явной и дал возможность человеку выйти из нее на свет. Что касается дня восьмого, то литургическое празднование воскресного дня делает нас общниками блаженной вечности, того вечно длящегося брачного пира, о котором говорит Евангелие. Именно днем восьмым называют будущий век Отцы. Седьмой день творения, в который Бог ничего нового не создает, но управляет уже созданным, длится до сих пор. С

пришествием Христа и Его праведным Судом начнется новый день — восьмой и Царство Христово, ему же не будет конца. Так в праздновании воскресного дня соединяются оба конца истории — ее творческое начало и ее грандиозное завершение. И вся роскошь этой богословской трапезы доступна всякому человеку, участвующему в воскресной молитве.

Кстати, и Воскресение Христово — восьмое по счету в Библии и первое по смыслу. До него было три в Ветхом Завете: воскрешали отроков Илия и Елисей, и один мертвец воскрес, упав на кости Елисея. В Новом Завете Господь воскресил сына Наинской вдовицы, дочь Иаира и Лазаря. Седьмое было воскресение многих святых в Иерусалиме во время Крестного страдания Спасителя. А Сам Господь по счету воскрес восьмым. Но как воскрес? Воскрес для непрестающей вечной жизни, над которой смерть не имеет власти. Все воскрешенные ранее затем все-таки умерли, так как природа их не преобразилась. Лишь Господь открыл нам ворота Вечности, до конца победив смерть. Вот и получается: Его Воскресение — восьмое по счету и первое по смыслу. Таков же и Его день, День Господний, воскресенье.

Лишь в нашем языке первый день носит имя главного христианского догмата. У всех на свете это или день Солнца, или просто первый день. А у нас — воскресенье. В других языках Воскресшего Христа называют Восставшим, и только у нас есть для этого особое слово.

Наш «крестьянин» — это изменивший звучание «христианин». Наше «спасибо» — это

пожелание от Господа спасения: «Спаси Бог». И главный день нашего отдыха — это вечное напоминание о победе над смертью. Осталось только привести нашу повседневную жизнь в соответствие с нашим языком, хранящим в себе множество напоминаний о христианской вере. Если соответствие состоится, мы будем самым евангельским народом на планете.

«НЕБО! НЕБО!»

Как известно всем читавшим Священное Писание, еврейский народ очень связан с Египтом и его историей. Четыреста лет прожили потомки Иакова в этой стране. Туда бежал и оттуда возвращался в землю Израиля на руках Своей Матери Сын Божий. Новозаветная история также связана с Египтом через историю монашества. Все это, конечно, не случайно. Несомненно, должны быть некие черты в культуре и религии Египта, которые сделали его таким значимым в священной истории. Ведь не зря именно Египет, а не Китай, не Индия... Мне кажется, что отношение к смерти есть та главная черта, которая выделяет египтян из остального мира.

О египетских мумиях не слыхал только глухой или безумный. Мы с детства читаем и слышим о странных обычаях, царивших в этой стране. О том, как человека по смерти подвергали сложным ритуальным и медицинским манипуляциям с мыслью о том, что он воскреснет. Египетская антропология вообще очень сложна. Если сегодня человеку приходится доказы-

вать, что у него есть душа и она бессмертна, то древнему, «дикому» египтянину в человеке виделось и бессмертие души, и отдельное существование имени, и многое такое, о чем мы и говорить не можем в силу скудости мысленных понятий. И вот в эту сложную и хитромудрую страну Господь повел Свой народ и благословил там жить. Для меня очевидно, что религия Египта — это религия воскресения, пусть в догадках и в смутных прозрениях, пусть в форме мифологии и языческих обрядов, но все-таки воскресения. Тело — священно, тело вечно, и оно — мое. «Я не воплощусь ни в комара, ни в мамонта, и "лопух" из меня не вырастет» (Базаров). Я воскресну в моей плоти, с которой вместе грешил или старался делать хорошее.

Наступившие пасхальные дни заставляют говорить о смысле жизни и о будущем воскресении. Именно поэтому мы начали с Египта. Начали с того, что было очевидно древним язычникам и что сегодня закрыто непроницаемой завесой от миллионов «грамотных» людей, летающих на самолетах и имеющих счет в банке.

Такая светлая мысль — все воскреснут! Такое чудо — мы вечны! Даже если этого не хотим. Именно мы — и с душой, и с телом. Христианство истинное стоит в изумлении перед пустым Гробом Спасителя. Оно смотрит на Его аккуратно свернутые пелены, оно слушает странные слова Ангела: «Его нет здесь. Он воскрес». И несмотря на свою завороженную скованность, оно несет эту радость во все концы вселенной.

Сказанное касается Православия. Поскольку католицизм тоже стоит завороженный, но не

у пустого Гроба, а у пещеры Рождества. На эту тему медитируют западные интеллектуалы и простые прихожане. «Бамбино Езус», Ребенок-Господь, Эммануил. Это главная тема католицизма — Бог на земле, Бог среди людей. Кто был на Западе или интересовался религиозной жизнью западных христиан, тот знает, как много песен и стихов, ярмарок, аттракционов, проповедей посвящено Рождеству и как мало — Воскресению. Восточное христианство (оно же — истинное) на Рождество смотрит как на ступень, этап. Пусть чудный, уникальный, превосходящий даже творение мира, но все-таки — этап. А вот Пасха — это венец. Это уже не обручение и не роспись в загсе, это брак Бога с человеками в его полноте. Царство Божие не будет сведено на землю, но земля и живущие на ней должны дорасти до Иерусалима Небесного, должны совершить восход от земли к Небу, как некогда евреи совершили исход из Египта в Палестину. Здесь главное различие между Православием и католицизмом. Католик хочет облечь Царство Божие в зримые формы, по возможности как можно более привычные. Православный же не ищет на земле рая. На этой земле Христа распяли. Православный радостен и светел, в день Пасхи он вновь чувствует, что дом его не здесь, что есть иная жизнь, что мы пока в гостях и нашего нам еще не дали. Митрополит Вениамин (Федченков) в одной из проповедей на Пасху вспоминал Колумба и его команду. Увидев на горизонте полоску суши, утомленные моряки заскакали, как дети, по палубе и закричали: «Земля! Земля!». Подобно им право-

славный христианин на Пасху готов запрыгать и заплясать, восклицая: «Небо! Небо!». Если угодно, это похоже на слова известного певца: «Небо становится ближе».

В свете Воскресения и именно в нем (даже категоричнее — только в нем!) можно прощать обидчика, можно делиться не только лишним, но и необходимым, можно совершать все то, чем полны жития святых и что так трудно вмещается в сознании безблагодатного человека. Свет Рождества дает надежду, зовет подумать, почитать, помолиться. Но торжества в нем нет. Есть ожидание Креста, плевков, ударов и неуверенность в том, что будет после. Воскресение — это взрыв. Взрыв, который никого не ранит, но всех пронизывает насквозь и всем указывает ввысь.

Как жалко тех, кто думает, что смерть придет — «лишь мясо — в яму». Ни оживающая нива, ни покрывающиеся зеленью деревья, ни бабочки, выходящие из кокона, не говорят сегодня человеку: «И ты воскреснешь». Адамов сын стал глух и слеп. «Но древо жизни вечно зеленеет». И в тысячах простых приходов, и в сотнях женских и мужских монастырей люди искренно поют в эти дни о восстании из мертвых любимого ими Спасителя. Пока они поют, земная ось не сдвинется со своего места — скучающие развратники продолжают вяло наслаждаться жизнью, и глупые дельцы все мегаватты своей энергии сжигают в суете... Все вообще живет и дышит, покуда Православие поет.

Христос Воскресе!

Ответь, пожалуйста...

СОДЕРЖАНИЕ

Книги издательства Шпатакова «Родное слово»
и других православных издательств
вы можете заказать и получить по почте
в любом уголке России.
Обращаться по адресу: 295011, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Гоголя, 5,
издательство Шпатакова «Родное слово»,
тел./факс +38 (0652) 600-108
тел.: +7 (978) 745-15-50, +7 (916) 200-04-10
e-mail: rodnoeslovo@mail.ru
интернет-сайт: www.rodnoeslovo.com.ua

Протоиерей Андрей Ткачев

МЫ ВЕЧНЫ! Даже если этого не хотим

Подготовка текста
К.Н. Годовникова, Р.А. Замтарадзе
Дизайнер *Н.В. Дымникова*
Верстка *Л.В. Васильева*
Дизайн обложки *А.И. Загляднов*

Подписано в печать 09.01.2014.
Формат 84x108 1/32. Усл.-печ. л. 16. Тираж 5 000 экз.
Заказ № 3163.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

2000

Как жалко тех, кто думает, что смерть придет – лишь «мясо – в яму».
Ни оживающая нива, ни покрывающиеся зеленью деревья, ни бабочки, выходящие из кокона, не говорят сегодня человеку: «И ты воскреснешь...»
Адамов сын стал глух и слеп.
Но древо жизни вечно зеленеет! И в тысячах простых приходов, и в сотнях мужских и женских монастырей люди искренне поют в эти дни о восстании из мертвых любимого ими Спасителя.
Пока они поют – земная ось не сдвинется со своего места...

Протоиерей Андрей Ткачев

1 МЫ ВЕЧНЫ! даже если этого не хотим